

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1888.

№ 16.

АВГУСТЪ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера	205—234
Московскій періодъ (1821—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова) (продолженіе). И. Корсунскаго	235—268
Гимны Пруденція въ русскомъ переводѣ (продолженіе). Профессора Московской духовной академіи Петра Цвѣткова	269—275
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:	
Идеализмъ и реализмъ (продолженіе). Профессора Кіевской духовной академіи П. Линницкаго	129—158
О фізіологическомъ методѣ въ психологіи (продолженіе). М. Остроумова	159—175
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе: Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленіе.	

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НѢМЕЦКАЯ, № 26.

1888.

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Авдрея Николаевича Ферапонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν

Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Августа 31 дня 1888 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

Рѣшеніе, принятое союзными монархами и вождями на полѣ близъ Соммепюи, положено было хранить въ строгой тайнѣ, но едва только войска получили приказъ не переходить черезъ Марну и повернуться фронтомъ къ Парижу, какъ предчувствіе чего-то великаго и радостнаго быстро распространилось по всей арміи. Настало утро и смутное предчувствіе превратилось въ сознательное ликование. По войскамъ розданъ былъ приказъ идти на Феръ-Шампенаузъ, т. е. прямо на Парижъ. Разсѣялись послѣднія сомнѣнія, и неописанный энтузіазмъ охватилъ все союзное воинство, начиная отъ генерала и оканчивая послѣднимъ солдатомъ. Забыты были всѣ страданія, невзгоды и ропотъ минувшихъ дней. Исчезли недовольство и досада на эту безконечную и безплодную войну. Всѣ знали, что конецъ близокъ, что паденіе „новаго Аттилы“ неизбежно, что въ Парижѣ союзниковъ ожидаютъ побѣда и столь желанный, столь заслуженный ими миръ.

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 13.

Казалось, сама природа сочувствовала торжеству правого дѣла. Утромъ 25 марта, солнце, скрывавшееся до тѣхъ поръ за густыми облаками, поднялось во всемъ своемъ блескѣ. Въ воздухѣ было свѣжо, дороги, непроходимыя въ последнее время, начали просыхать, отовсюду раздавалось пѣніе птицъ, весна видимо начинала вступать въ свои права. Войска выступили изъ бивуаковъ въ праздничномъ настроеніи духа. Во всѣхъ полкахъ играла музыка, всѣ барабаны били маршъ, пѣсенники заливались соловьями ¹⁾. По всюду во всѣхъ батальонахъ и эскадронахъ повторялось одно магическое слово: Парижъ; повсюду, виднѣлись радостныя, сіяющія лица офицеровъ и солдатъ. Обѣ союзныя арміи подвигались впередъ густыми массами; обѣ шли къ одному пункту, — Мо, небольшому городку, къ сѣверо-востоку отъ Парижа. Силезская армія направлялась по хорошо известному ей пути на Монмираль и Ла-ферте-су-Жуаръ; главная армія шла на Феръ-Шампенаузъ, Сезаннь и Коломье. Передъ фронтомъ союзныхъ колоннъ двигалась многочисленная кавалерія. Графъ Паленъ, шедшій въ авангардѣ главной арміи, вскорѣ открылъ непріятели. Сначала усмотрѣны были у Коля значительныя кавалерійскіе отряды, а затѣмъ у Судъ-Севъ Круа замѣчены были на позиціи большія массы французской пѣхоты. То были войска маршаловъ Мармона и Мортъе, спѣшившіе на соединеніе съ своимъ императоромъ. Паленъ, не медля ни минуты, рѣшился атаковать непріятели. Свою русскую кавалерію онъ двинулъ на лѣвый флангъ французовъ, а виртембергской конницѣ, подъ начальствомъ принца Адама, приказалъ ударить на правое крыло непріятели. Атака удалась вполнѣ. Французская конница была сбита и обращена въ бѣгство при первомъ-же натискѣ; пѣхота отступила поспѣшно къ Соммсу и заняла здѣсь новую оборонительную позицію, но нѣсколько ротъ, отставшихъ отъ главной массы были частью изрублены союзными всадниками, частью захвачены въ плѣнъ. Тщетно пыталась подать имъ руку помощи французская кавалерія;

¹⁾ Helldorf, aus dem Leben d. Prinzen Eugen von Württemberg, т. IV стр. 30.

она была опрокинута вторично и принуждена была искать спасенія за фронтомъ своей пѣхоты.

Повидимому, маршаламъ не оставалось теперь иного исхода, какъ возможно-скорѣйшее отступленіе, но Мармонъ, руководившій всѣмъ отрядомъ, находился, очевидно, въ полномъ заблужденіи на счетъ своего положенія. Введенный въ обманъ инструкціями Наполеона, онъ воображалъ, что имѣеть дѣло только съ одною конницею, что масса союзной арміи двинулась вслѣдъ за императоромъ, и рѣшился держаться на своей позиціи передъ Феръ-Шампенаузомъ. Между тѣмъ къ союзникамъ подходили все новыя и новыя кавалерійскія массы. На поле битвы прибылъ кронпринцъ виртембергскій и принялъ начальство надъ 10,000 всадниковъ. Не дожидаясь пѣхоты, бывшей еще позади, онъ рѣшился ударить на непріятели. Маневръ Палена повторенъ былъ съ двойными силами и съ двойнымъ успѣхомъ. Союзная кавалерія бросилась на оба фланга непріятели и быстрымъ натискомъ опрокинула и смяла французскую конницу. Пѣхота, оставшаяся безъ прикрытія, начала отступать, но атакованная со всѣхъ сторонъ кавалеріею, поражаемая картечью нѣсколькихъ конныхъ батарей, приведена была вскорѣ въ полнѣйшее разстройство. Тщетно пытались французскіе пѣхотинцы построиться въ карре; русскіе, австрійскіе и виртембергскіе всадники, соперничавшіе въ этотъ день въ героической храбрости, съ неслыханною отвагою бросались на непріятелискія пули и штыки и врубивались въ середину вражескихъ батальоновъ. Нѣсколько карре молодой гвардіи было стопано и изрублено. Бригада Жамена была совершенно уничтожена; командиръ ея взятъ въ плѣнъ; бригада Лекапитевъ понесла тяжелыя потери; болѣе 30 орудій было захвачено союзниками ¹⁾.

¹⁾ Мармонъ, рассказывая въ своихъ мемуарахъ объ этомъ сраженіи, скрываетъ или искажаетъ, по обыкновенію, истину. Онъ утверждаетъ напр., что онъ былъ атакованъ 20,000 всадниковъ и что за ними слѣдовала вся союзная пѣхота; тогда какъ, въ дѣйствительности, онъ имѣлъ дѣло въ началѣ лишь съ 3,000, а въ концѣ боя съ 10,000 союзной кавалеріи. Далѣе, Мармонъ утверждаетъ, что онъ остановился передъ Лаферъ-Шампенаузомъ у Соммеса единствен-

Атаки союзной кавалеріи возобновлялись все съ большею яростью; отступленіе французовъ становилось все поспѣшнѣе и беспорядочнѣе, когда на поле битвы прибыли императоръ Александръ и король Фридрихъ-Вильгельмъ, сопровождаемые всего лишь одною сотнею лейбъ-гвардіи казачьяго полка. Оба монарха сосредоточили все свое вниманіе на отступающемъ непріятелѣ и побѣдоносной своей конницѣ, какъ вдругъ въ тылу ихъ послышался громъ другой перестрѣлки. На горизонтѣ показались густыя, сомкнутыя массы пѣхоты, медленно подавались онѣ впередъ, отстрѣливаясь отъ тѣснившей ихъ конницы. Никто не могъ разобрать сначала, что это были за войска и откуда явились они такъ неожиданно. Александръ, никогда не терявшій присутствія духа въ подобныя минуты, тотчасъ-же приказалъ изготovitъся къ атакѣ находившейся при немъ казачей сотнѣ; онъ велѣлъ также выдвинуть на позицію противъ новаго врага конную батарею, случайно подоспѣвшую въ это время. Въ этотъ моментъ къ государю явились нѣсколько ординарцевъ изъ коннаго отряда Корфа, они донесли ему, что приближающіяся непріятельскія колонны состоятъ изъ двухъ дивизій генераловъ Пактѣ и Амея, что дивизіи эти были открыты случайно передовыми войсками силезской арміи и что преслѣдуемая кавалеріею онѣ должны теперь сдѣлаться вѣрною добычею союзниковъ.

Положеніе французскихъ дивизій, попавшихъ какъ разъ въ средину между двумя союзными арміями, было дѣйствительно самое отчаянное. Дивизіи эти принадлежали къ отряду Макдональда и были оставлены имъ у Сезанна, откуда онѣ должны были провести въ армію Наполеона громадный транспортъ съ съѣстными припасами. Не имѣя никакихъ точныхъ свѣдѣній о движеніяхъ своихъ и непріятельскихъ войскъ, Амей и Пактѣ благополучно дошли до Этожа, гдѣ

но потому, что выпужденъ былъ ожидать прибытія отставшихъ войскъ Мортье, тогда какъ на дѣлѣ онъ остановился только потому, что рассчитывалъ имѣть бой лишь съ аррьергардомъ союзной арміи, полагая, что ея главныя силы двинулись вслѣдъ за Наполеономъ.

См. Marmon, Memoires, т. 6, стр. 231—236.

они рассчитывали соединиться съ маршалами Мармономъ и Мортье. Но въ Этожѣ они не только не нашли маршаловъ, но даже не могли собрать точныхъ свѣдѣній о направленіи, взятомъ ими. Подвигаясь далѣе наудачу, окольными путями на Ватри, французскіе генералы остановились на нѣсколько часовъ у Вилльсенера, дабы дать роздыхъ своимъ многочисленнымъ обознымъ лошадямъ. Они и не подозрѣвали, что мѣстность, среди которой расположились они, занята въ различныхъ направленіяхъ корпусами силезской арміи. Утромъ 25-го марта русскій полковникъ баронъ Левенштернъ, случайно проѣзжавшій въ окрестностяхъ Вилльсенера, замѣтилъ французскій разъѣздъ, состоявшій изъ четырехъ конныхъ егерей. Казаки, бывшіе при Левенштернѣ, немедленно бросились въ погоню за французами, поймали одного изъ нихъ и привели его къ своему полковнику. Левенштернъ допросилъ плѣннаго и къ удивленію узналъ отъ него, что въ Вилльсенерѣ находится цѣлая непріятельская колонна, изъ 8000 человекъ и громадный обозъ съ хлѣбомъ и припасами всякаго рода. По словамъ плѣннаго, колонна спѣшила соединиться съ маршалами Мармономъ и Мортье, которыхъ она рассчитывала встрѣтить у Ватри ¹⁾.

Левенштернъ поспѣшилъ увѣдомить о своемъ открытіи ближайшаго генерала Силезской арміи, Мюфлинга. Мюфлингъ прискакалъ немедленно и убѣдившись, что непріятельская колонна уже выступила изъ Вилльсенера по направленію къ Трекону, послалъ за ней въ погоню драгуновъ генерала Корфа. Корфъ получилъ приказъ обойти непріятели и заградить ему путь на Ватри. Замѣтивъ приближеніе сильнаго отряда конницы, генералъ Пактѣ висколько не потерялся. Войска его, состоявшія почти исключительно изъ новобранцевъ, обнаружили въ этотъ моментъ неслыханный героизмъ и твердость. Ободряемые своими начальниками, они построились въ нѣсколько карре, и встрѣтили атаку драгунъ убійственнымъ

¹⁾ Левенштернъ добавляетъ, что почти одновременно съ нимъ французская колонна была замѣчена на пути въ Бержеръ англійскимъ капитаномъ Гаррисомъ, адъютантомъ лорда Стюарта, который и сообщалъ объ этомъ немедленно въ главную квартиру Блюхера. См. *Denkwürdigkeiten eines Lievländer's*, Т. II, стр. 240.

ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ. Нѣсколько разъ бросались въ атаку русскіе всадники, но были отбиваемы каждый разъ съ большими потерями. Прошло уже около часу, а французы неудержимо, хотя и медленно подвигались впередъ, устилая путь свой непріятельскими трупами. Пактѣ видимо не торопился своимъ отступленіемъ; онъ твердо надѣялся спасти не только свой отрядъ, но и ввѣренный его попеченію транспортъ. Онъ даже не думалъ сворачивать съ большой дороги на Феръ-Шампенаузъ, хотя могъ-бы избрать и болѣе краткій путь, если-бы пошелъ прямо полями и болотами на соединеніе съ маршалами. Эта излишняя смѣлость должна была погубить его. Число союзныхъ войскъ, преслѣдующихъ отступающую колонну, возросло съ каждою минутой. На мѣсто боя явилась многочисленная кавалерія князя Васильчикова и нѣсколько конныхъ батарей. Атаки союзниковъ слѣдовали одна за другою; ихъ орудія обстрѣливали французовъ картечью на самомъ близкомъ разстояніи. Пактѣ убѣдился, наконецъ, въ невозможности сохранить транспортъ; онъ приказалъ перепрѣчь обозныхъ лошадей подъ орудія, бросилъ на дорогѣ нагруженныя фуры и продолжалъ отступать ускореннымъ маршемъ. Графъ Паленъ, прискакавшій въ это время на мѣсто боя съ двумя полками конныхъ егерей, пытался загородить дорогу французамъ; но геройскіе солдаты Пактѣ, построившись въ боевую колонну, штыками проложили себѣ путь черезъ его коплицу. Между тѣмъ кавалерія Васильчикова неумоимо продолжала тѣснить непріятеля съ тылу и съ фланговъ и, хотя всѣ ея атаки были отражаемы по прежнему, однако-же карре Пактѣ быстро рѣдѣли и онъ рѣшился, наконецъ броситься съ остатками своихъ войскъ въ сосѣднія Сентъ-Гондскія болота, рассчитывая, что непріятельская конница не отважится послѣдовать за нимъ туда. Но этотъ отчаянный маневръ не могъ уже спасти отъ гибели геройскій отрядъ. Французы попали теперь какъ разъ въ середину между конными массами главной арміи и всѣ пути спасенія были отрѣзаны имъ ¹⁾.

¹⁾ Подробности этого ужаснаго, безпримѣрнаго боя см. въ особенности въ

Императоръ Александръ, находившійся въ непосредственной близости отъ непріятеля, приказалъ конной батарее Маркова открыть огонь въ возможно близкомъ разстояніи. Батарея буквально исполнила приказъ. Подъѣхавъ къ французамъ на нѣсколько сотъ шаговъ, она засыпала ихъ градомъ картечи. Солдаты Пактѣ уже не отвѣчали на этотъ адскій огонь, они только смыкали свои быстро тающіе ряды и, попирая трупы товарищей, продолжали идти впередъ. Два русскихъ орудія заскакали впередъ и расположившись передъ колонною, встрѣтили ее картечными выстрѣлами. Громимые со всѣхъ сторонъ, французы быстро ринулись впередъ и рѣшительнымъ натискомъ заставили орудія отъѣхать въ сторону. Въ этотъ моментъ они вновь подверглись атакѣ нѣсколькихъ кавалерійскихъ полковъ, но отразили ее еще разъ ружейнымъ огнемъ и штыками. Союзные монархи поражены были невольнымъ изумленіемъ при видѣ этой неслыханной стойкости. Желая спасти отъ гибели оставшуюся еще въ живыхъ горсть героевъ, они отправили парламентаремъ къ Пактѣ прусскаго подполковника и адъютанта короля Фридриха-Вильгельма Ф. Тилле. Рискую собственною жизнью, Ф. Тилле пробрался въ середину непріятельскаго карре. Онъ нашелъ генерала Пактѣ раненаго, съ перевязанною рукою. Блѣдный, истощенный потерей крови, онъ распоряжался хладнокровно своими солдатами, среди ужасовъ, окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ.

Ф. Тилле объяснилъ генералу цѣль своего прибытія. Онъ объявилъ ему, что окруженный со всѣхъ сторонъ, онъ долженъ положить оружіе и ввѣриться великодушію союзныхъ монарховъ. Между тѣмъ градъ картечи продолжалъ сыпать

рассказахъ очевидцевъ: Гельддорфа, адъютанта герцога Евгенія и барона Левенштерна.

Helldorf, Aus d. Leben d. Prinzen Eugen w. Württemberg, T. IV, стр. 24—28; Denkwürdigkeiten eines Lievländer's, T. II, стр. 236—240. См. также Бернгарди, T. IV, 2-я половина, стр. 324—325; Богдановичъ, T. IV, стр. 477—480. Мармонъ въ своихъ мемуарахъ упрекаетъ генерала Пактѣ въ сдѣланныхъ имъ ошибкахъ и винитъ также Мортье, оправдывая, по обыкновенію, одного себя. Marmon, Memoires, T. VI, стр. 235.—236.

ся на французовъ съ русскихъ батарей. Пактѣ обратился къ парламентеру: „Во время переговоровъ не принято стрѣлять картечью; честь моя запрещаетъ мнѣ говорить съ вами, пока будетъ продолжаться стрѣльба“. „Солдаты!“ крикнулъ онъ вслѣдъ за тѣмъ, обращаясь къ своимъ гренадерамъ. „Вы слышали, что предстоитъ намъ сегодня славный французскій день!“ ¹⁾ Онъ подалъ сигналъ и колонна двинулась впередъ, поражаемая выстрѣлами изъ 48 орудій; Пактѣ, истекая кровью, не въ состояннн былъ идти уже пѣшкомъ. Тогда солдаты посадили своего генерала на носилки изъ ружей и продолжали путь. Великодушный императоръ Александръ не въ состояннн былъ выносить долѣе этой потрясающей сцены. Онъ рѣшился отправить второго парламентера къ непріятелю и его выборъ палъ на этотъ разъ на флигель-адъютанта, Рапателя, бывшаго спутника Моро. Рапатель подѣхалъ съ трубачемъ къ самой французской колоннѣ; но встрѣченный нѣсколькими выстрѣлами, палъ мертвый ²⁾. Было ясно, что эти храбрецы предпочитаютъ смерть плѣну. Тогда Александръ подалъ сигналъ къ послѣдней и рѣшительной атакѣ. Массы союзной конницы бросились со всѣхъ сторонъ на изнывающихъ непріятелей. Громовое ура, топотъ коней заглушили громъ перестрѣлки. Русскіе конные егеря подъ командою полковника Денисова и Александринскіе гусары съ полковникомъ Лесовскимъ во главѣ, первые ворвались въ непріятельское карре. Другіе полки послѣдовали за ними ³⁾. Вся непріятельская колонна была срублена, растоптана, разсѣяна. Разгоряченные боемъ солдаты не давали пощады непріятелямъ, хотя французы, оставшіеся въ живыхъ, побросали ружья. Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ слѣшили положить конецъ кровопро-

¹⁾ Пактѣ приказалъ задержать самого Ф. Тилле плѣнникомъ. Но офицеры, державшіе подъ уздцы лошадь прусскаго подполковника, отпустили его среди ежеминутно возрастающей сумятицы, и онъ ускакалъ обратно къ своимъ. *Hellendorf, aus. d. Leben. d. Prinzen. Eugen von Württemberg*, Т. 4, стр. 27—28.

²⁾ Рапатель былъ пораженъ разомъ двумя пулями; рассказывали, что въ непріятельскомъ карре находился его родной братъ. См. *Denkwürdigkeiten eines Lievländer's*, Т. II, стр. 239.

³⁾ Свидѣтельство очевидца и участника атаки; см. *Denkwürdigkeiten eines Lievländer's*, Т. IV. стр. 239—240.

литію. Пренебрегая личною опасностью, они въѣхали въ самую густую свалку и приказали трубить отбой. Ихъ благороднымъ усиліямъ удалось спасти отъ смерти остатки безоружныхъ непріятелей. Все, что не было убито или ранено, взято было въ плѣнъ, ни одинъ человѣкъ не спасся. Въ числѣ плѣнныхъ были генералы Пактѳ, Амей, Тевено, Жамень, Делоръ, Бонте. Императоръ Александръ пожелалъ видѣть героевъ. Онъ ласково говорилъ съ каждымъ изъ нихъ; для всѣхъ нашелъ овъ слово высокой похвалы и сердечнаго утѣшенія. Императоръ явился въ этомъ случаѣ краснорѣчивымъ выразителемъ общихъ чувствъ. Вся союзная армія, начиная отъ генерала и оканчивая послѣднимъ солдатомъ, воздавала должную дань удивленія непріятельскимъ вождямъ и ихъ воинамъ ¹⁾.

Трагическая гибель отряда Пактѳ спасла отъ катастрофы войска Мармона и Мортъе. Оставленные почти безъ вниманія союзниками, маршалы успѣли ускользнуть съ поля битвы подъ покровомъ наступившей темноты. Во-время понялъ Мармонъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ одною конницею, а со всѣми силами союзниковъ. Страшная мысль, что непріятель идетъ прямо на Парижъ, мелькнула въ его головѣ. Онъ понялъ, что теперь нельзя терять ни минуты времени, что надо спѣшить какъ можно скорѣе на защиту столицы ²⁾.

Сраженіе при Лаферъ-Шампенаузѣ можно смѣло назвать единственнымъ во всей этой безпримѣрной войнѣ. 15,000 союзной кавалеріи разгромили въ этотъ день 25,000 французскую армію. Ни одна рота пѣхоты не участвовала въ дѣлѣ. Число трофеевъ было колоссальное. Однихъ плѣнныхъ взято было 10,000 челов., въ томъ числѣ было девять генераловъ. Орудій захвачено было 80. Союзники взяли кромѣ того 350 зарядныхъ ящиковъ и громадное количество обозныхъ фуръ

---

¹⁾ Императоръ Александръ поручилъ раненыхъ генераловъ попеченіямъ своихъ лейбъ-медиковъ. *Heildorf, aus dem Leben d. Prinzen Eugeu von Würtemberg, T. 4, стр. 28.*

²⁾ Товарищъ Мармона, Мортъе далеко былъ однакоже отъ этого пониманія; мысль о движеніи къ Парижу не приходила ему въ голову до самого Провена. (См. ссылка на стр. 25)

съ припасами всякаго рода ¹⁾). Поле битвы представляло, по словамъ очевидцевъ, ужасающій видъ; оно не поддавалось никакимъ описаніямъ. Тысячи раненыхъ валялись на землѣ вмѣстѣ съ трупами убитыхъ, нерѣдко нагроможденные другъ на друга. Почти всѣ эти несчастные ранены были саблями въ голову; ихъ лица залиты были кровью и искажены зіяющими ранами. Нѣкоторые изъ нихъ остались въ сидячемъ положеніи. Одни стонали, другіе ругались, но почти всѣ молили дать имъ хотя глотокъ воды. Были между ними и такіе, у коихъ ненависть къ врагу могла исчезнуть лишь съ послѣднимъ издыханіемъ.

Принцъ Евгенийъ, объѣзжая поле битвы, замѣтилъ одного раненаго француза, облокотившагося на небольшое возвышеніе. На правой сторонѣ головы его виднѣлась глубокая зіяющая рана. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ ружье, а правою бросалъ во всѣхъ подходившихъ къ нему союзныхъ солдатъ камушки и комки земли. „Мы подѣхали къ нему ближе и пытались утѣшить его. Онъ казался помѣшаннымъ, но просилъ дать ему пить. Одинъ изъ офицеровъ нашего штаба приказалъ своему деньщику подать ему вина. Деньщикъ опустилсѣ на колѣни передъ раненымъ и заботливо напоилъ его изъ походной фляжки. Отѣхавъ отъ этого несчастнаго шаговъ на пятнадцать, мы еще разъ съ состраданіемъ оглянулись на него. И что-же? мы видѣли, какъ онъ схватилъ свое ружье и выстрѣлилъ въ насъ. Пуля просвистала надъ нашими головами. Мы хотѣли вернуться къ безумному, но было уже поздно. Два казака изъ нашей свиты предупредили насъ. Они подскакали къ несчастному и пронзили его своими пиками“ ²⁾).

¹⁾ Если вѣрить французскимъ писателямъ, то дѣло представляется въ совершенно иномъ свѣтѣ. Всѣ они, вслѣдъ за Тьеромъ, повторяютъ, что въ этотъ кровавый день 200,000 союзниковъ напали на 20,000 французовъ, что одинъ французъ сражался противъ 10 враговъ и что вся потеря французовъ убитыми, ранеными и плѣнными доходила лишь до 6,000 чел. И все это писалось и пишется спустя цѣлыхъ полъ вѣка послѣ событій. По истинѣ, нигдѣ національное тщеславіе не искажало и не искажаетъ до такой степени историческую истину, какъ во Франціи

²⁾ См. Helldorf, aus dem Leben d. Prinzen Eugen v. Württemberg, T. IV, стр. 28—30.

Союзники спѣшили воспользоваться своею побѣдою. Уже на разсвѣтѣ 26-го марта ихъ колонны двинулись различными дорогами на Мо. Клейстъ и Йоркъ, шедшіе впереди силезской арміи, настигли неподалеку отъ Мо отступающихъ маршаловъ и пытались заградить имъ дорогу. Мортъе и Мармонъ, пораженные страхомъ, не рѣшились проложить себѣ путь силою, хотя на ихъ сторонѣ было значительное превосходство числа. Простоявъ около двухъ часовъ въ виду непріятеля, они повернули на Провенъ ¹⁾ и счастливо ускользнули отъ опасности, такъ какъ прусскіе генералы, успавшіе впередъ свою конницу, не въ состояніи были гнаться за ними. И въ слѣдующіе затѣмъ два дня маршалы были настолько счастливы, что избѣгли всякой встрѣчи съ непріателемъ. Форсированными маршами подвигались они впередъ, давая своимъ утомленнымъ солдатамъ лишь по нѣскольку часовъ отдыха. Уже 29-го марта достигли они Шарентона, въ окрестностяхъ Парижа.

Союзники не встрѣчали на пути своемъ къ Парижу никакого сопротивленія. Дивизія Компана, занимавшая Мо, отступила при ихъ приближеніи, взорвавъ предварительно на воздухъ громадныя пороховыя склады, находившіеся въ этомъ городѣ ²⁾. Переправа черезъ Марну совершилась без-

---

¹⁾ Только въ Провенъ маршалы рѣшились идти форсированными маршами къ Парижу. До тѣхъ поръ они все еще льстили себя надеждою, что непріятель не пойдетъ на столицу. Мортъе продолжалъ колебаться даже теперь. „Но если мы придемъ къ Парижу“, спрашивалъ онъ наввно Мармона, „не произведутъ ли тамъ тревоги наше появленіе?“. — „А какъ вы полагаете“, возразилъ ему Мармонъ, „развѣ тревога будетъ меньше, если непріятель явится тамъ раньше насъ?“ Магмон, *Memoires*, т. VI, стр. 248.

²⁾ Взрывъ этотъ произвелъ страшное опустошеніе въ Мо и надѣлалъ большой переполохъ въ союзной арміи. Дѣло было въ глухую полночь, когда все въ союзномъ лагерѣ послѣ утомительнаго дневнаго перехода погружено было въ глубокій сонъ. Эффектъ взрыва былъ поразительный. Страшные громовые удары потрясли атмосферу, земля заколебалась, ночная тьма озарилась на нѣсколько секундъ яркимъ свѣтомъ. Въ лагерѣ произошло страшное смятеніе: ружья, сложенные въ козлы, попадали на землю, лошади оторвались отъ конюшней и съ дикимъ ржаніемъ носились по лагерю, офицеры и солдаты толпились въ недоумѣніи, спрашивая другъ друга, что случилось, воздухъ огласился дикими безпорядочными криками. Но вскорѣ громовой кличъ: „къ ружью!“ привелъ все въ порядокъ. Не прошло и полчаса, какъ уже вся армія стояла въ

препятственно. Впереди нигдѣ не видно было непріятеля, но за то съ тылу начали приходять тревожныя вѣсти. Партизаны доносили, что Наполеонъ напалъ на Виндингероде при С. Дизье и принудилъ его отступить съ большими потерями. Изъ другихъ сбивчивыхъ и противорѣчивыхъ извѣстій оказывалось, повидимому, что императоръ французовъ понялъ планы своихъ враговъ, что онъ повернулъ назадъ и спѣшить на помощь къ Парижу. Положеніе становилось критическимъ. Шварценбергъ готовъ былъ уже остановиться и сосредоточить армію на Марнѣ въ ожиданіи Наполеона, но Александръ настоялъ на быстромъ движеніи къ Парижу. Рѣшено было оставить близъ Мо на Марнѣ корпуса Вреде и Сакена, а съ остальными войсками, всего около 120,000 человекъ, продолжать движеніе на Парижъ. Армія двинулась впередъ форсированными маршами. Восторженное настроеніе господствовало въ средѣ союзныхъ ополченій. Всѣ забыли думать о Наполеонѣ, у всѣхъ былъ на умѣ одинъ Парижъ. Страна, по которой проходили войска, была прелестная, не тронутая опустошеніями войны. Въ сѣстныхъ припасахъ вмѣсто прежняго недостатка господствовало изобиліе. Но болѣе всего одушевляло солдатъ побѣдоносное сознаніе своей силы, одушевлявшее всѣхъ и cadaго. Никто не тяготился форсированными маршами; никто не ропталъ на кратковременность и неудобства бивуачнаго отдыха. Солдатамъ почти

сомкнутыхъ колоннахъ, готовая къ бою. Вмѣсто прежняго страшнаго шума водворилась гробовая тишина. Никто не рѣшался выйти изъ рядовъ, все было въ напряженномъ состояніи ожиданія. Но прошло четверть часа и все было спокойно. Въ рядахъ начался шопоть. Офицеры стали выходить изъ фронта и спрашивали другъ друга, что могло-бы значить это чудесное явленіе. Одни говорили, что французы взорвали мостъ въ Мо; другіе утверждали, что непріятель взорвалъ мину, вблизи союзнаго лагеря. Часовые показывали, что около полуночи стало вдругъ свѣтло какъ днемъ, небо въ сторону Мо раскрылось и изъ него посыпался огненный дождь, а нѣсколько секундъ страшный громъ потрясъ всѣ окрестности. Лишь черезъ полчаса тревожнаго ожиданія прибыли адъютанты изъ главной квартиры и объявили, что непріятель взорвалъ на воздухъ пороховые склады въ Мо. На другой день, когда союзники проходили черезъ Мо, то они не нашли уже здѣсь непріятеля, но весь городокъ заваленъ былъ грудами развалинъ. См. Helldorf, Aus d. Leben, d. Prinzen Eugen von Württemberg. T. 4, стр. 31—32.

не давали времени для ѣды и сна, а они бодро и весело шли впередъ.

29-го марта союзныя войска начали подходить къ Парижу. Колонна Раевского, состоявшая изъ однихъ русскихъ войскъ, первая завидѣла столицу Франціи. Еще въ теченіи дня она прошла черезъ Бонди и расположилась вечеромъ у Пантена, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Парижемъ. Русско-прусская гвардія и резервы, подъ начальствомъ Барклая, слѣдовавшіе непосредственно за Раевскимъ, стали бивуакомъ у Вилльнарзиса. Только войска кронпринца виртембергскаго и Гіудая находились еще позади, первыя у Анне, впереди Мо, вторыя у Нантеля на лѣвомъ берегу Марны. Силезская армія, долженствовавшая сдѣлать въ этотъ день большой обходъ, чтобы подойти къ Парижу съ сѣверной стороны, находилась вечеромъ 29-го марта почти въ такомъ-же разстояніи отъ столицы Франціи, какъ и утромъ этого дня. Главная квартира князя Шварценберга и обоихъ союзныхъ монарховъ находилась въ Бонди.

Союзники подступили къ Парижу съ сѣверо-восточной стороны, т. е. именно съ той, которая была наиболѣе укрѣплена самою природою ¹⁾. Тутъ возвышались передъ самымъ городомъ двѣ группы холмовъ, Бельвильскія высоты и Монмартръ, раздѣленные глубокимъ ущельемъ, по которому проведенъ былъ Уркскій каналъ. Обѣ группы холмовъ отличаются совершенно различнымъ характеромъ и представляютъ не одинаковыя выгоды для обороны. Монмартръ тянется въ видѣ значительной и довольно крутой возвышенности и составляетъ превосходную оборонительную позицію, но гребень его очень узокъ и разъ занятый непріателемъ, онъ можетъ быть отнятъ обратно лишь съ большими потерями. Наоборотъ, Бельвиль представляетъ небольшую плоскую возвышенность, круто поднимающуюся изъ равнины. Поверхность его волнообразна; въ тѣ времена она была покрыта почти сплошь многочисленными деревнями. Однѣ изъ этихъ деревень, какъ

---

¹⁾ Описаніе поля битвы подъ Парижемъ находится между прочимъ у Гелльдорфа. Т. IV, 45—46 и Бернгарди, т. IV, стр. 341—342.

напримѣръ, Бельвиль, Шаронъ, Баньоле, Малассизъ, Монтрейль построены на самой возвышенности; другія какъ Пре-Сентъ-Жерменъ и Роменвиль расположены на ея склонахъ. Какъ тѣ, такъ и другія деревни состояли по большей части изъ каменныхъ загородныхъ домовъ, во всѣхъ ихъ были каменныя церкви, очень удобныя для защиты. Между деревнями лежали отдѣльныя виллы, окруженныя парками. По всѣмъ направленіямъ разбросаны были сады и виноградники, окруженные каменными оградами. По склонамъ холмовъ тянулись глубокія ущелья. Мѣстность представляла тутъ безчисленныя выгоды для обороны. Тутъ можно было защищать каждый шагъ земли; отходить изъ одной крѣпкой позиціи въ другую. Отъ Бельвильскихъ высотъ вплоть до Сены, выше города простирался Венсенскій лѣсъ; на самой опушкѣ лѣса былъ расположенъ городокъ Венсенъ и старый замокъ того-же имени. Вся эта мѣстность была ровная, но Венсенскій лѣсъ, городокъ и замокъ являлись и тутъ крѣпкими оборонительными пунктами. Къ западу отъ Монмартра вплоть до самой Сены, пониже города, простиралась также почти ровная мѣстность, но по самой срединѣ ея тянулась небольшая возвышенность, представлявшая нѣкоторыя удобства для обороны. Въ углубленіи между Бельвилемъ и Монмартромъ, на лѣвомъ берегу Уркскаго канала, у подшвы Бельвиля, лежала деревня Пантенъ, на правомъ берегу канала мѣстечко Ла-Виллетъ, а у подножія Монмартра Ла-Шапель.

Искусство не сдѣлало еще въ то время ничего для укрѣпленія Парижа ¹⁾. Наполеонъ, полагавшійся на свой военный геній, на свое превосходство въ открытомъ полѣ, относился всегда съ пренебреженіемъ къ укрѣпленію своей столицы. Правда, вокругъ всего города тянулась старая стѣна, но въ стѣнѣ этой было устроено 56 широкихъ воротъ, да и сама она легко могла быть разрушена нѣсколькими пушечными

¹⁾ Объ укрѣпленіяхъ Парижа см. свидѣтельства Іосифа Бонапарте, приведенныя уже выше; см. также письма Наполеона въ его *Correspondance*, относящіяся къ этому-же предмету. Изъ другихъ сочиненій можно указать на Бернгарди, Плото, Гелльдорфа и Богдановича.

выстрѣлами. Теперь, когда счастье измѣнило императору, когда многочисленныя непріятельскія арміи вторглись во Францію, вопросъ объ укрѣпленіи Парижа поставленъ былъ на очередь. Составлена была особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ Іосифа Бонапарте и уже 31 января 1814 года она представила подробный проектъ укрѣпленія Парижа, но императоръ отвергъ этотъ проектъ, какъ слишкомъ сложный и приказалъ построить у городскихъ заставъ палисадныя тамбуры и снабдить ихъ амбразурами и бойницами. Тамбуры должны были быть устроены такъ, чтобы съ нихъ можно было обстрѣливать близъ лежащія части городской стѣны, наружныя бульвары и ведущія къ заставамъ улицы. Большая часть этихъ тамбуровъ была окончена ко времени прибытія непріятеля; продѣланы были кромѣ того бойницы въ городской стѣнѣ, а проломы и отверстія или задѣланы камнемъ, или заграждены палисадами.

Всѣ эти легкія и построенныя на скорую руку укрѣпленія не могли особенно усилить обороны Парижа, но все-же они не лишены были нѣкотораго значенія тамъ, гдѣ дѣлу обороны способствовали условія мѣстности. За то на южной и въ особенности на западной сторонѣ Парижъ былъ совершенно открытый городъ и легко могъ быть взятъ штурмомъ. Ничто не мѣшало, повидимому, союзникамъ передвинуть свои массы на западную окраину города и повести атаку на заставу звѣзды. Такое передвиженіе могло занять лишь нѣсколько часовъ времени, въ самомъ худшемъ случаѣ день; но оно облегчило-бы, безъ сомнѣнія, взятіе Парижа и сохранило тысячи человѣческихъ жизней. На военномъ совѣтѣ, созванномъ въ Бонди, вечеромъ 29 марта, передвиженіе это было, однако-же, отклонено и состоялось рѣшеніе атаковать на слѣдующее-же утро (30 марта) Парижъ всѣми силами съ сѣверной стороны. Атака Монмартра возложена была на Блюхера, въ распоряженіи котораго имѣлось 47,000 человѣкъ; тогда какъ корпуса главной арміи, всего около 68,000 человѣкъ, должны были штурмовать Бельвильскія высоты. Мотивами такого, на первый взглядъ страннаго распоряженія, являлись соображенія, казавшіяся союзнымъ вождямъ въ выс-

шей степени важными, но основанныя въ дѣйствительности на совершенно невѣрныхъ предположеніяхъ. Извѣстія, получаемыя отъ партизановъ и лазутчиковъ, утверждали, что Наполеонъ находится уже недалеко отъ Мо, что не позже какъ черезъ день онъ долженъ явиться подъ стѣнами Парижа. Съ другой стороны, въ главной квартирѣ союзниковъ не имѣли никакихъ точныхъ свѣдѣній о маршалахъ Мортъе и Мармонѣ и были почему-то убѣждены, что они не успѣли еще достигнуть Парижа, что въ столицѣ Франціи нѣтъ другой вооруженной силы, кромѣ слабой дивизіи Компава и нѣсколькихъ тысячъ никуда негодной національной гвардіи. На основаніи всѣхъ этихъ предположеній утвердилось мнѣніе, что нельзя терять ни минуты времени, что необходимо штурмовать укрѣпленія Парижа прежде, чѣмъ подоспѣютъ къ нему на помощь войска обоихъ маршаловъ, а затѣмъ и армія самого Наполеона.

Наступила ясная, весенняя ночь, а въ лагерѣ союзниковъ кипѣла самая оживленная дѣятельность. Настроеніе было радостное, самоувѣренное. Никто не сомнѣвался въ побѣдѣ. Солдаты готовились къ штурму какъ къ празднику. Состоялось распоряженіе, что всѣ союзные воины должны обвязать себѣ руку бѣлою повязкою, распоряженіе необходимое въ виду той массы разнообразныхъ мундировъ, которыми отличалось многонародное и многоязычное союзное ополченіе. Необходимо было для каждаго достать откуда-бы то ни было клочекъ холста или какой-нибудь бѣлой матеріи — и вотъ солдаты пустились на розыски. Все, что ни попадало подъ руку, шло въ дѣло; въ крестьянскихъ домахъ и подгородныхъ дачахъ оказалось не мало подходящаго матеріала. Солдаты предпочитали простыни, они рѣзали ихъ на полоски и братски дѣлили между собою. По всѣмъ бивакамъ пылали громадныя костры; вокругъ нихъ толпились, лежали и сидѣли солдаты, образуя перѣдко самыя живописныя группы. Шумный говоръ, веселыя шутки, смѣхъ раздавались отовсюду. Всѣ говорили о завтрашнемъ днѣ, о богатой добычѣ, ожидавшей ихъ въ вражеской столицѣ ¹⁾. Прислушиваясь къ би-

¹⁾ Настроеніе въ союзномъ лагерѣ, наканунѣ битвы подъ Парижемъ, прекрасно рисуется въ слѣдующихъ строкахъ, набросанныхъ очевидцемъ и участникомъ

важному говору, не трудно было замѣтить, что въ массѣ господствовало далеко не дружелюбное настроеніе къ парижанамъ. Французы побывали во всѣхъ странахъ и столицахъ Европы, повсюду оставили они по себѣ страшную, неизгладимую память. Теперь настала часъ расчета. Достигнута была, наконецъ, цѣль, къ которой такъ напрасно стремилась Европа въ теченіи цѣлыхъ двадцати двухъ лѣтъ. Великолѣпная столица общаго врага человѣчества лежала, распростертая у ногъ побѣдителей. Сотни тысячъ разноплеменныхъ воиновъ, соединенныхъ однимъ общимъ чувствомъ ненависти, пожирали глазами городъ, наполненный всевозможными богатствами и чудесами искусства, награбленными со всѣхъ концовъ міра. Тяжкія страданія и неслыханный позоръ, милліоны окровавленныхъ жертвъ громко и настойчиво вопили о возмездіи. И что могло помѣшать совершенію кары, гдѣ была та сила, которая могла спасти міровой городъ, осужденный на разрушеніе самою судьбою?

Императоръ Александръ переживалъ самыя великія и

великаго событія: „Поздно вечеромъ графа Палена посѣтили генералъ Кретовъ и другіе старшіе офицеры. Мы сидѣли далеко за полночь, толкуя о возможныхъ событіяхъ грядущаго дня, событіяхъ, которыя должны были совершиться подъ стѣнами Парижа. Никто не сомнѣвался, что предстоящая битва будетъ выиграна нами. Высокомѣрный Вавилонъ долженъ былъ пасть къ ногамъ нашимъ смиренный и побѣжденный, все равно, разрушенный-ли, или сохраненный. Я розыскалъ въ моей квартирѣ хорошую постель съ превосходнымъ матрадомъ, вещь, которую французы умѣютъ устраивать лучше кого-либо. Я спалъ спокойно и крѣпко и уже на зарѣ былъ у Палена. Было 30 марта. Я видѣлъ, что всѣ спѣшили застаться бѣлыми повязками. Многіе носили ихъ уже на рукѣ, другіе старались раздобыть ихъ. Солдаты забирали отовсюду простыни и рѣзали ихъ на куски. Съ верху отданъ былъ приказъ, чтобы всѣ военные безъ различія чиновъ, принадлежащіе къ союзной арміи, носили, какъ общій распознавательный знакъ, на лѣвой рукѣ, бѣлую повязку. Такая мѣра вызывалась разнообразіемъ мундировъ въ союзномъ войскѣ. Еще за день передъ тѣмъ казаки попочивали немножко никами англійскаго полковника, Кампбеля, принявъ его, незнакомый имъ, мундиръ за французскій. Теперь, когда войска стремились со всѣхъ сторонъ къ одному средоточію и легко могли столкнуться при этомъ, наступая съ противоположныхъ сторонъ, подобный знакъ былъ крайне необходимъ, дабы предупредить подобныя-же случайности. Бѣлый цвѣтъ повязки не имѣлъ, впрочемъ, никакого отношенія къ Бурбонамъ, хотя ихъ сторонники и пытались истолковать это обстоятельство въ свою пользу“. *Denkwürdigkeiten eines Lievländers*, Т. II, стр. 247—248.

торжественныя минуты своей жизни. Еще нѣсколько часовъ, еще одно, послѣднее усиліе,—и цѣль, къ которой такъ настойчиво стремился онъ въ теченіи послѣднихъ лѣтъ,—будетъ достигнута! Императоръ выѣхалъ на передовыя позиціи и передъ нимъ, сверкая милліонами огней, развернулся Парижъ. Глухой шумъ, подобный рокоту моря, явственно доносился до его слуха. То было ускоренное, напряженное дыханіе милліоннаго города. Говоръ и крики толпы, стукъ сотенъ тысячъ колесъ, топотъ коней, трескотня барабановъ и звонъ колоколовъ явственно выдѣлялись изъ общаго хаоса звуковъ. Парижъ видимо готовился къ послѣдней отчаянной оборонѣ; революція, изрыгавшая отсюда разрушеніе и смерть на цѣлый міръ, билась въ послѣднихъ, предсмертныхъ судорогахъ. И Александръ понялъ въ свою очередь, что часъ расчета и возмездія пробилъ, но онъ понималъ также, что расчетъ и возмездіе должны совершиться не тѣми путями и способами, какъ понимала ихъ толпа.

Тщеславный, гордый врагъ былъ ниспровергнутъ съ высоты своего эфемернаго величія. Позоръ Аустерлица и Фридрихсборга, униженіе Тильзита и Эрфурта, пожаръ Москвы, оскверненіе святыни,—все было смыто потоками крови. Половина Франціи была занята и опустошена всеевропейскимъ воинствомъ. Уже его русскіе полки подступили къ самому гнѣзду революціи и тиранніи, уже христолюбивые легіоны его взирали съ окрестныхъ высотъ на поприще столькихъ злодѣяній и толикой славы. „Чтобы сказала Екатерина Вторая, когда-бы могла предусмотрѣть, что нѣкогда царственный ввукъ ея такъ близко придвинетъ побѣдоносную свою армію къ стѣнамъ великой столицы міра и, что Александръ Благословенный не будетъ въ этотъ моментъ лишь предводителемъ одного своего воинства, но Агамемнономъ между царями и повелителемъ всѣхъ европейскихъ полчищъ, что мощный русскій владыка будетъ вмѣстѣ и душою своихъ державныхъ и вѣнценосныхъ соратниковъ“¹⁾. И развѣ въ этомъ моментѣ не заключалось уже само по себѣ и полное удовлетвореніе для

¹⁾ Изъ записокъ Бартенева, Русскій Архивъ, 1886 г. Кн. V, стр. 94.

побѣдителя, и горькое возмездіе для ниспровергнутаго въ прахъ гордаго врага? И неужели было мыслимо запятнать это удовлетвореніе и возмездіе дикими сценами убійства, грабежа, пожара, разрушенія? Нѣтъ, онъ, Александръ, поборникъ свѣта и добра, не можетъ, не долженъ допускать этого! Рука Божія ополчила его десницу несокрушимою мощью, она привела его отъ пожарища Москвы къ стѣнамъ вражеской столицы, она повергла къ стоиамъ его величайшаго военнаго генія міра, она направила его къ Парижу вопреки всѣмъ сомнѣніямъ, колебаніямъ и расчетамъ человѣческимъ, она избрала его исполнителемъ своей воли. И эта воля должна была теперь свершиться, но свершиться не въ духѣ кроваваго отмщенія, а въ духѣ милосердія и помилованія, которымъ было преисполнено сердце Александра.

Не ложное тщеславіе, не желаніе блеснуть великодушіемъ, не заискиваніе предъ низложеннымъ непріателемъ и не дальновидныя политическія комбинаціи ¹⁾, а единственно нравственныя и чисто религіозныя побужденія руководили въ этотъ величайшій моментъ дѣйствіями русскаго Самодержавца. Русскіе варвары и людоѣды должны были пристыдить своимъ человѣколюбіемъ поборниковъ революціонной фразы и ложной цивилизаціи. Беззащитное населеніе не должно было расплачиваться своею кровью, честью и имуществомъ за безумное ослѣпленіе своихъ тиранновъ. На мѣстѣ невѣрія и нечестія не должны были совершиться новыя оргіи кроваваго разрушенія; нѣтъ! это мѣсто должно было быть очищено колѣнопреклонною молитвою побѣдителей и побѣжденныхъ.

Александрѣ доносили, что въ средѣ союзнаго воинства господствуетъ самое озлобленное настроеніе, что пруссаки готовятся смыть въ крови парижанъ неслыханный позоръ, причиненный ихъ родинѣ, что русскіе солдаты намѣреваются расчитаться съ французами за пожаръ Москвы и опусто-

---

¹⁾ Такими мотивами объясняли и объясняютъ образъ дѣйствій Александра по отношенію къ побѣжденному Парижу почти всѣ западные писатели, за немногими почтенными исключеніями.

шеніе своего отечества, что всѣ союзные воины, безъ исключенія, рассчитываютъ на грабежъ Парижа. Императоръ сѣшшилъ принять мѣры противъ собирающейся грозы. Онъ подѣлился своими мыслями прежде всего съ своимъ другомъ, королемъ прусскимъ и успѣлъ склонить его на свою великодушную точку зрѣнія. Къ государямъ были призваны начальники всѣхъ отдѣльныхъ частей; всѣмъ имъ отданъ былъ самый строгій приказъ принять самыя дѣятельныя мѣры къ сохраненію дисциплины, къ предупрежденію беспорядковъ и насилій надъ мирными жителями въ случаѣ взятія города приступомъ ¹⁾).

И парижане должны были знать о великодушныхъ намѣреніяхъ союзныхъ монарховъ, и они должны были понять, что соединенная Европа стремится лишь къ низложенію всесвѣтнаго тирана и восстановленію мира. Князь Шварценбергъ долженъ былъ обратиться, по желанію монарховъ, съ слѣдующею прокламаціею къ жителямъ Парижа:

„Жители Парижа! Союзныя арміи стоятъ передъ вашимъ городомъ; цѣль ихъ похода къ столицѣ Франціи,—это надежда достигнуть искренняго и прочнаго примиренія съ вашею страной. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ Европа покрывается потоками слезъ и крови. Всѣ попытки положить предѣлъ сему великому несчастью остались безплодными, ибо въ могуществѣ угнетающаго васъ правительства, заключается

---

¹⁾ Въ запискахъ Бартенева читаемъ: „Вскорѣ послѣ рѣшенія нашего идти на Парижъ, продолжалъ государь, нѣкоторые изъ моихъ генераловъ донесли мнѣ, что, обзрѣвая солдатскіе биваки, они случайно слышали и узнали единодушное намѣреніе солдатъ, невольно обнаружившееся въ ихъ простодушныхъ разговорахъ, чтобы поразорить и пограбить, какъ они тогда называли, богатую французскую столицу. Но я въ то же время принялъ противъ этого рѣшительныя мѣры. Пересказывая о сихъ солдатскихъ желаніяхъ королю прусскому, я весьма удивился, когда отъ него услышалъ, что онъ никакъ не беретъ на себя воспретить такого лакомаго и такъ давно ожидаемаго случая для войскъ прусскихъ. „Возьмите, государь, вы сами на себя, сказалъ мнѣ тогда Фридрихъ, удержать мои войска, а я ни какъ за это не берусь“.—За моихъ русскихъ я могу смѣло отвѣтствовать, промолвилъ я. Надѣюсь сдержать и вашихъ солдатъ. Въ то же время я приказалъ призвать къ себѣ майоровъ полковъ, и все устроилось по моему желанію“. Русская Старина, 1886 г. Кн. V, стр. 97.

непреодолимое препятствіе для мира. Нѣтъ ни одного француза, который не былъ-бы убѣжденъ въ этой истинѣ. Такъ какъ союзные монархи искренно желаютъ водворенія во Франціи такой верховной власти, которая могла-бы примириться со всѣми націями и правительствами, то они полагаютъ, что и городъ Парижъ могъ-бы способствовать въ настоящую минуту установленію всеобщаго мира. Они ожидаютъ выраженія вашего желанія съ тѣмъ участіемъ, какое способно внушить столь великое рѣшеніе. Пусть только Парижъ заявитъ свои желанія и армія, стоящая подъ стѣнами его, поддержитъ ихъ. Парижане! Вы знаете положеніе вашего отечества, образъ мыслей Бордосцевъ, дружелюбное занятіе Ліона, несчастія, обрушившіяся на всю Францію и настоящій образъ мыслей вашихъ земляковъ. Въ этихъ примѣрахъ вы должны найти конецъ внѣшней войны и внутренняго раздора. Тщетно пытались-бы вы найти ихъ на иномъ пути. Сохраненіе и спокойствіе вашего города будутъ предметомъ заботливости союзниковъ; они будутъ стремиться къ этой цѣли въ согласіи съ тѣми властями и нотаблями, которые пользуются наибольшимъ уваженіемъ. Войска не будутъ расквартированы въ вашемъ городѣ. Съ такими чувствами обращается къ вамъ стоящая подъ стѣнами вашими вооруженная Европа. Поспѣшите-же оправдать то довѣріе, которое возлагаетъ Европа на вашу любовь къ отечеству и на ваше благоразуміе“ ¹⁾).

Прокламація Шварценберга была составлена по желанію монарховъ, но можно сказать положительно, что она не могла удовлетворить императора Александра. Шварценбергъ говорилъ не языкомъ побѣдителя, дарующаго пощаду и милость побѣжденнымъ, а языкомъ чловѣка, прибѣгающаго къ посредничеству великаго и непобѣдимаго Парижа. Онъ какъ будто извинялся передъ парижанами за свое неожиданное появленіе подъ стѣнами ихъ города, онъ приглашалъ ихъ

¹⁾ Подлинный текстъ прокламаціи Шварценберга напечатанъ, между прочимъ, у Плото, *Der Krieg in Deutschland u. Frankreich in den Jahren 1813—1814*, Т. III, стр. 403.

выразить свои желанія и требованія и предлагалъ къ ихъ услугамъ свою армію. Понятно, что подобная прокламація могла произвести лишь самое тяжелое и невыгодное впечатлѣніе въ рядахъ союзной арміи ¹⁾. Что-же касается до парижанъ, то они едва-ли успѣли ознакомиться съ воззваніемъ князя. Ихъ вниманіе поглощено было въ это время иными интересами; они еще не знали, чѣмъ окончится борьба за ихъ городъ и предпочитали пока оставаться безучастными зрителями этой борьбы.

Безпокойство и тревога въ Парижѣ возростали съ каждымъ днемъ съ тѣхъ поръ, какъ пронесся слухъ, что сильный неприятельскій корпусъ приближается къ столицѣ со стороны Марны. Правительство поспѣшило, правда, обнародовать самыя успокоительныя извѣстія. Было объявлено, что неприятель, направляющійся къ Парижу, состоитъ лишь изъ небольшого отряда, что, отрѣзанный отъ остальныхъ союзныхъ войскъ, онъ бросился къ столицѣ, руководимый слѣпымъ отчаяніемъ и, что вслѣдъ за нимъ идетъ побѣдоносная армія

¹⁾ О впечатлѣніи, произведенномъ прокламаціею князя Шварценберга на союзныя войска, см. между прочимъ: Helldorf, aus dem Leben d. Prinzen Eugen v. Württemberg, T. 4, стр. 51. „Wenn der Eindruck, den diese Proclamation auf die Pariser machte, kein grösserer war, als der, den sie ihrer matten Sprache halber auf uns machte, so war seine Wirkung eine gänzlich verfebelte, dem schwarzenbergischem Hauptquartier ging vor den Thoren von Paris nicht nur Umsicht, sondern auch Energie ab. Schwarzenberg fühlte theils sich überwältigt von der unermesslichen Aufgabe, welche ihm jetzt, zum Theil wider seinen Willen, gedrängt durch die Ereignisse geworden; theils durch die Anwesenheit der Monarchen in seinen Schritten beengt. Wir fragten mit Recht: warum sollte nach Paris keine militärische Einquartierung können, hatten die braven Truppen, welche mit den unsöglichsten Entbehrungen bisher gekämpft hatten, nicht ein Recht erungen, Paris als das Ende derselben ansehen zu dürfen und dort Erholung zu finden, und wodurch hatten, die Pariser diesen Vorzug, von Einquartierung befreit zu bleiben, errungen? Etwa durch das Benehmen des Fremzosen in den von ihnen bisher Leider, besetzt gehaltenen Hauptstädten Europa's? War es nicht genug, wenn ihnen versprochen wurde, es sollte nach dem Einzug die strengste Mannszucht gehalten werden?“ Слова эти любопытны во многихъ отношеніяхъ. Они характеризуютъ, какъ нельзя лучше, настроеніе, господствовавшее въ союзной арміи по отношенію къ князю Шварценбергу. Нелюбимому фельдмаршалу приписывалъ все, что не правилось массѣ. Такъ и въ данномъ случаѣ. Извѣстно, что рѣшеніе освободить Парижъ отъ квартирнаго поста войскъ исходило отъ императора Александра, а вовсе не отъ Шварценберга.

Наполеона. Распоряженія самого правительства, его напряженная, лихорадочная дѣятельность плохо гармонировали, однако-же, съ этими баснями. Парижане видѣли, что правительство забираетъ подъ ружье всѣхъ, кого только возможно, что оно отправляетъ послѣднихъ рекрутъ изъ запасныхъ депо къ вновь сформированной дивизіи Компана, что оно высылаетъ въ поле даже совершенно необученныхъ и плохо вооруженныхъ людей.

Трудно допустить, чтобы Наполеоновскія власти обманывали самихъ себя, чтобы они питали еще какія—нибудь надежды на спасеніе Парижа. Эти надежды должны были во всякомъ случаѣ исчезнуть, когда пришло извѣстіе о пораженіи маршаловъ при Феръ-Шампенаузѣ и когда два дня спустя вступили съ одной стороны въ городъ истомленные отряды Мармона и Мортъе, а съ другой появились у Бонди русскіе казаки и егеря. Наступило 29-е марта, а вмѣстѣ съ нимъ пробилъ и послѣдній часъ Наполеоновскаго владычества во Франціи. Король Іосифъ, переговоривши съ маршалами и получивъ отъ нихъ точныя свѣдѣнія о громадныхъ силахъ, съ которыми идетъ непріятель на Парижъ, о безнадежности дальнѣйшаго сопротивленія, порѣшилъ, что теперь наступилъ моментъ исполнить инструкціи, данныя ему императоромъ и принять мѣры къ удаленію изъ Парижа императрицы и короля римскаго. Но онъ не рѣшился принять на себя всю тяжкую отвѣтственность этого дѣла, а предпочелъ оградить себя авторитетомъ государственнаго совѣта.

Засѣданіе совѣта открылось вечеромъ 29 марта ¹⁾ въ одной изъ залъ Тюльерійскаго дворца. На предсѣдательскомъ мѣстѣ воссѣдала императрица Марія-Луиза, блѣдная, взволнованная, но неспособная ни по своей натурѣ, ни по положе-

---

¹⁾ Подробныя свѣдѣнія объ этомъ засѣданіи мы находимъ въ запискахъ Іосифа Бонапарте, въ мемуарахъ Савари и въ свидѣтельствахъ другихъ участниковъ. По словамъ Савари въ совѣтъ засѣдали слѣдующія лица: князь Бенсвентскій, архиканцлеръ, верховный казначей, великій судья М. Моле, министръ внутреннихъ дѣлъ Монгальве, министръ военный, герцогъ Фельтрскій, министръ духовныхъ дѣлъ Бигго де Прамене, министръ торговли де Сюсси, государственный секретарь, герцогъ Кадорскій, министръ финансовъ, герцогъ Гаэтскій, хра-

нію, къ какому-бы то ни было самостоятельному, героическому рѣшенію. Вокругъ нея размѣстились всѣ корифеи Наполеоновскаго режима. Тутъ были архиканцлеръ Камбасаресъ, верховный судья Молё, президентъ сената Ласепедъ; тутъ за сѣдали всѣ министры, сюда не преминулъ явиться и хитрый Талейранъ, давно уже покончившій всѣ счеты съ имперіею и дѣятельно подготовлявшій въ тиши реставрацію Бурбоновъ.

Странное зрѣлище представлялъ этотъ государственный совѣтъ, состоявшій изъ однихъ креатуръ Наполеона, изъ людей, поднятыхъ имъ изъ ничтожества. Всѣ эти люди отлично понимали теперь, что вопросъ идетъ о существованіи Наполеона и его династіи; всѣ они отлично сознавали, что и ихъ интересы тѣсно связаны съ существующимъ порядкомъ вещей, но ни у одного изъ нихъ не хватило въ этотъ моментъ ни мужества, ни способности, ни рѣшимости высказать самостоятельное мнѣніе. Воспитанные въ рабствѣ, привыкшіе къ слѣпому исполненію воли своего повелителя, они остались рабами и въ этотъ послѣдній моментъ своей политической дѣятельности. Они способны были говорить и говорить много, они умѣли отчеканивать громкія, героическія фразы, но какъ всегда, такъ и теперь, они предоставляли рѣшеніе всѣхъ вопросовъ своему непогрѣшному владыкѣ.

Строгій этикетъ, напоминавшій доброе старое время, господствовалъ въ этомъ собраніи. Король Іосифъ испросилъ прежде всего разрѣшеніе императрицы начать совѣщанія и предоставилъ затѣмъ слово военному министру, герцогу фельтрскому Кларке. Кларке произнесъ длинную рѣчь, въ которой изображалъ положеніе дѣлъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Онъ говорилъ, что столица находится въ крайней опасности, что императоръ далеко, а враги близко и что нѣтъ средствъ для борьбы съ ними. Онъ перечислил всѣ

инитель государственной казны Мольенъ, министръ полиціи, герцогъ Ровиго, морской министръ, герцогъ Декресъ, государственные министры: герцогъ де Масса, Реньо де сень-жанъ-д'Анжели, Буле де-га Мертъ, Мерлинь де Дуэ, Мюреръ, графъ де Сессакъ, де-Фермонъ, президентъ сената Ласепедъ". Мнѣ кажется, добавляетъ Савари, что въ совѣтѣ присутствовали также маршалы Монай и Серрюрье, хотя я и не могу утверждать этого". *Memoires de duc du Mowigo*, Т. 6, стр. 381.

войска, бывшія въ его распоряженіи какъ въ Парижѣ, такъ и въ окрестностяхъ; онъ жаловался на недостатокъ въ ружьяхъ и въ артиллеріи; онъ упомянулъ, что у него нѣтъ даже лошадей, которыхъ можно было запрягать подъ орудія. Онъ не сдѣлалъ никакого вывода изъ своей длинной рѣчи, но онъ видимо хотѣлъ сказать: я объяснилъ вамъ все; теперь дѣлайте, какъ знаете, а я уываю руки.

Никто изъ членовъ совѣта не рѣшился оспаривать заявленій военнаго министра. Всѣ молчали, не исключая и министра полиціи Савари, увѣрявшаго потомъ въ своихъ мемуарахъ, что Кларке намѣренно скрылъ отъ совѣта тѣ громадныя средства, которыя имѣлись въ его рукахъ для обороны Парижа, что онъ умолчалъ о десяти тысячахъ войска, находившихся на пути изъ Версаля въ Вандомъ, о пятидесяти четырехъ тысячахъ совершенно готовыхъ ружей, сложенныхъ въ парижскомъ арсеналѣ, что онъ не упомянулъ ни однимъ словомъ о двухъ стахъ пятидесяти орудіяхъ, стоявшихъ въ полной готовности на Марсовомъ полѣ. Какъ бы то ни было, но Савари не счелъ почему-то удобнымъ дополнить или поправить сообщенія Кларке; быть можетъ, онъ самъ не былъ увѣренъ въ точности своихъ свѣдѣній и какъ настоящій чиновникъ считалъ неумѣстнымъ мѣшаться въ чуждую ему область военной администраціи ¹⁾. Всѣ присутствующіе держались, очевидно, такой-же тактики. Заявленія военнаго министра были приняты какъ факты, не подлежащіе сомнѣнію. Парижъ невозможно было защищать съ какою-нибудь надеждою на успѣхъ, а отсюда естественно возникалъ вопросъ: возможно-ли было оставлять въ городѣ императрицу и ея сына?

Савари увѣряетъ пасъ, что всѣ члены совѣта высказались

¹⁾ Всѣ утвержденія Савари, повторяемыя и другими бонапартистскими авторами, или крайне преувеличены, или совершенно вымышлены. Не только Кларке, но и король Іосифъ и другіе свидѣтели утверждаютъ, что въ парижскихъ арсеналахъ вовсе не было ружей. Что ружей дѣйствительно не было, видно, между прочимъ, изъ того, что изъ 12,000 парижской національной гвардіи, принимавшей участіе въ оборонѣ Парижа, только 7,200 человекъ вооружены были солдатскими ружьями, тогда какъ остальные имѣли только охотничьи ружья и карабины. Войска вооруженнаго и готоваго къ бою въ окрестностяхъ Парижа

по этому вопросу, какъ подобаетъ добрымъ французамъ и людямъ, преданнымъ императору и его дѣлу. Они доказывали, что крайне опасно предоставлять Парижъ въ жертву враждебнымъ династіи вліяніямъ, что не слѣдуетъ оскорблять парижанъ, удаляя изъ ихъ среды правительницу и короля римскаго, которыхъ они поклялись защищать. Съ особеннымъ жаромъ говорилъ сенаторъ Буле-де-ла-Мертъ. „Необходимо“, заявилъ онъ, „чтобы императрица послѣдовала въ этотъ критическій моментъ героическому примѣру бабки своей, Маріи Терези. Пусть Марія-Луиза явится съ своимъ сыномъ на рукахъ въ городскомъ домѣ, пусть она покажется народу на улицахъ, пусть она отправится въ предмѣстія— и парижская масса подыметъ съ энтузіазмомъ, какъ одинъ человекъ, на защиту имперіи“. Рѣчь Буле произвела, по видимому, сильное впечатлѣніе, всѣ одобряли высказанную имъ мысль, всѣ были, казалось, преисполнены чувствами національной гордости и династической преданности. Даже Талейранъ замѣтилъ, что императрица должна остаться въ Парижѣ, что одно ея присутствіе можетъ предупредить грозящій переворотъ. Мастеръ дипломатической интриги, человекъ, замѣтившій, что языкъ данъ людямъ лишь для того, чтобы удобнѣе скрывать свои мысли, счелъ для себя удобнымъ надѣть въ эту минуту еще разъ маску ревностнаго слуги императора. Талейранъ отлично понималъ, что члены совѣта играютъ пустую и недостойную комедію, что все ихъ вниманіе поглощено теперь не вопросомъ спасенія имперіи, а спасенія собственной карьеры и матеріальнаго благосостоянія. Онъ зналъ, какъ знали это и всѣ другіе, что паденіе Парижа неминуемо, что присутствіе императрицы и ея сына не можетъ оказать ни малѣйшаго вліянія на

не было и быть не могло, такъ какъ въ противномъ случаѣ Наполеонъ давно бы притянулъ его къ своей арміи. Въ запасныхъ дено находилось, правда, до 20,000 рекрутъ, но они не были обучены и вооружены. Национальная гвардія и рабочее населеніе Парижа, объ энтузіазмѣ и героизмѣ которыхъ толкуетъ такъ много Тьеръ, вовсе не были годны къ бою съ регулярными войсками и не обнаруживали ни малѣйшаго желанія идти въ огонь. Что-же касается до артиллеріи, то защитники Парижа снабжены были ею, какъ увидимъ это ниже, въ достаточномъ количествѣ.

неудержимый ходъ событій, онъ не боялся возстанія пролетаріевъ и не ожидалъ отъ него ничего хорошаго или дурнаго; но онъ считалъ излишнимъ противорѣчить въ этомъ мѣстѣ и въ эту минуту громкимъ словамъ безсовѣстныхъ фразеровъ, онъ даже вторилъ имъ съ свойственною ему тонкою, сатанинскою ироніею.

Дѣланный энтузіазмъ совѣта достигъ до своего апогея, рѣчь слѣдовала за рѣчью и не предвидѣлось конца вѣрно-подданническимъ изліяніямъ, когда Іосифъ Бонапартъ внезапно вынулъ изъ кармана письмо императора отъ 16 марта ¹⁾, предписывавшее немедленно увести изъ Парижа императрицу и короля римскаго въ томъ случаѣ, если союзники явятся подъ стѣнами столицы съ главными своими силами. Теперь этотъ случай наступилъ и воля императора должна была быть исполнена немедленно и безпрекословно. Письмо подѣйствовало на собраніе подобно магическому жезлу. Нашлись, правда, храбрецы, въ родѣ герцога Кадорскаго, утверждавшіе, что не слѣдуетъ обращать вниманіе на предписаніе императора, что правительница и сынъ ея должны оставаться въ Парижѣ, что если правители желали слѣпо исполнять декреты Наполеона, не принимая во вниманіе обстоятельствъ времени и мѣста, то въ такомъ случаѣ вовсе не было надобности созывать членовъ государственнаго совѣта. Никто не возражалъ противъ послѣдняго вполне основательнаго замѣчанія, но всѣ члены совѣта объявили, что воля императора должна быть исполнена. Правительница не противорѣчила. Ей объявили, что она должна выѣхать изъ Парижа въ 8 часовъ утра. Было уже три часа ночи, когда окончилось засѣданіе совѣта.

Страшная сумятица поднялась въ роскошныхъ покояхъ Тюльирийскаго дворца. Возвратились, казалось, страшныя времена великой революціи. Горопливо метались во всѣ сто-

---

¹⁾ Впослѣдствіи бонапартисты утверждали, что Іосифъ ссылался на устарѣлое и отмѣненное распоряженіе Наполеона. Нечего и говорить, что эта наглая ложь лишена всякаго основанія. Наполеонъ никогда не отмѣнялъ своего приказанія отъ 16 марта и приказаніе это относилось именно къ тому случаю и къ тѣмъ обстоятельствамъ, которые наступили 29 марта.

роны элегантныя, придворныя дамы и простые лакеи. Забыты были правила строгаго этикета. Рабочіе заколачивали ящики и сундуки съ пожитками императрицы и ея дамъ. Чиновники, блѣдныя отъ страха, упаковывали бумаги и остатки государственной казны. Никто не вздремнулъ въ эту ночь во всемъ дворцѣ. Да и возможно-ли было думать о снѣ, среди всѣхъ дѣйствительныхъ, а еще болѣе воображаемыхъ ужасовъ, потрясавшихъ нѣжныя нервы придворнаго люда! Парижъ представлялъ въ эту ночь тревожную картину. Весь горизонтъ былъ залитъ яркимъ заревомъ десятковъ тысячъ костровъ, пылавшихъ въ непріятельскомъ лагерѣ. На всѣхъ улицахъ гремѣли барабаны, призывавшіе на сборъ національную гвардію. Толпы буйной черни бродили тамъ и сямъ, громко и неистово требуя оружія. Войска Мармона и Мортъе торопливо проходили черезъ городъ спѣша занять высоты Монмартра и Бельвиля.

Настало утро и приближался уже часъ, назначенный для отъѣзда императрицы и короля римскаго. За городомъ раздавались уже отдѣльные пушечные выстрѣлы и слышался трескъ ружейнаго огня. Марія-Луиза готова была въ дорогу, но маленькій сынъ ея ни за что не хотѣлъ покидать отцовскаго дворца. Тщетно пытались уговорить малютку его мать и гувернантка. „Я не хочу ѣхать въ Рамбулье! Это гадкій замокъ! Останемся здѣсь, мама!“ кричалъ мальчикъ. Казалось, онъ чувствовалъ, что его влекутъ въ вѣчное изгнаніе, что надъ нимъ свершается страшный приговоръ. Шталмейстеръ Канишъ вынесъ его на лѣстницу, но онъ сопротивлялся всѣми силами. Онъ хватался рученками за мебель, за двери, за перила лѣстницы. „Я не хочу оставлять мой домъ!“ вопилъ онъ, обливаясь слезами. „Папа уѣхалъ! Онъ оставилъ меня здѣсь хозяиномъ“. Съ трудомъ вынесли его изъ дворца и усадили въ карету, почти безъ чувствъ. Всѣ присутствующіе были невольно потрясены этою странною сценою ¹⁾. Печальный кортежъ тронулся въ путь.

¹⁾ Подробности см. у Савари, т. VII, стр. 2—3, Дюраидъ Мемуары (нѣмецкое изданіе) стр. 189—191; Мемуары короля Юсифа, т. X, стр. 33; Боссе, Memoires et souvenirs. T. IV, стр. 66 (нѣмецкое изданіе).

Императрицу сопровождалъ, въ числѣ другихъ лицъ, президентъ сената. Передъ отъѣздомъ, онъ обратился съ письмомъ ко всѣмъ сенаторамъ, предупреждая ихъ отнюдь и ни по чьему приглашенію не собираться въ незаконное засѣданіе. Смѣшная предосторожность, со стороны лицъ, никогда не стѣснявшихся никакими законами и формальностями! Іосифъ Бонапарте и государственные министры оставались пока въ городѣ, но и они готовы были къ отъѣзду.

Выпроводивъ правительницу и ея сына ¹⁾, Іосифъ поспѣшилъ за городскую заставу и въ сопровожденіи Мармона объѣхалъ ближайшія позиціи. Онъ имѣлъ тутъ возможность лично убѣдиться въ крайней несоразмѣрности своихъ и непріятельскихъ силъ. Невозможность защищать подступы къ Парижу даже въ теченіе одного дня представилась ему во всей очевидности. Эксъ-король, страшно взволнованный предстоящимъ ему тяжелымъ рѣшеніемъ, расположился на возвышенности Монмартра, откуда открывался видъ на все обширное поле битвы. Онъ хотѣлъ лично слѣдить отсюда за ходомъ боя, дабы имѣть возможность съ точностью опредѣлить моментъ, когда изсякнутъ послѣднія средства обороны и когда сама необходимость заставитъ вступить съ непріателемъ въ переговоры о капитуляціи Парижа.

Вооруженныя силы, находившіяся въ распоряженіи Мармона и Мортье, были крайне ограничены. Онѣ состояли изъ 18,981 человѣка пѣхоты и 5,565 всадниковъ. Изъ этого числа 3,345 всадниковъ расположились у подошвы холмовъ, тянувшихся вдоль Вепсенскаго лѣса; 9,000 пѣхоты заняли Бельвильскія высоты, тогда какъ у Пантена и въ ущельи Уркскаго канала стали 5,320 человѣкъ пѣхоты. Всѣ эти войска, со включеніемъ 210 человѣкъ морскихъ канонировъ, находившихся при орудіяхъ на высотахъ Бельвиля, составляли правое крыло всей французской арміи и находились подъ непосредственнымъ начальствомъ маршала Мармона. На лѣвомъ крылѣ, гдѣ командовалъ маршалъ Мортье, рас-

¹⁾ Надъ несчастнымъ сыномъ Наполеона совершилась, дѣйствительно, участь Астіанакса, всегда казавшаяся его отцу самою печальною и ужасною во всей всемірной исторіи.

положено было всего на—всего 4,410 человекъ пѣхоты и 2,200 всадниковъ. Главная часть этихъ войскъ, 3,603 человека пѣхоты и вся кавалерія, сосредоточены были на Сенъ-Дениской равнинѣ, тогда какъ на крутой возвышенности Монмартра находились всего лишь 780 человекъ инвалидовъ артиллеристовъ и учениковъ политехнической школы ¹⁾. Защита Парижа была-бы впрочемъ совершенно немыслима, если-бы въ распоряженіи маршаловъ не находилась многочисленная артиллерія, всего около 154 орудій. Правда, эта артиллерія не могла маневрировать, такъ какъ она не имѣла упряжныхъ лошадей. Всѣ пушки были доставлены на позиціи извозчичьими и почтовыми лошадьми; онѣ должны были оставаться неподвижными во все время боя, но французскіе артиллеристы распредѣлили ихъ такъ искусно, что онѣ могли обстрѣливать всѣ подступы и дороги къ высотамъ и наносить большой уронъ непріятелю. Нѣсколько баталіоновъ національной гвардіи отважились также выйти изъ города утромъ 30-го марта и заняли позиціи вблизи линейныхъ войскъ, но едва только раздались первые пушечные выстрѣлы, какъ эти гражданскіе воины поспѣшно отретировались съ поля сраженія въ болѣе бозопасныя мѣста.

В. Кадлеръ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Относительно численности защитниковъ Парижа самыя точныя свѣдѣнія даетъ Кохъ, *Memoires pour servir à l'histoire de la campagne de 1814*. Т. II, стр. 433—436. Если у Коха общее число французскихъ войскъ показано въ 40,000 чел., то эта цифра не должна вводить насъ въ заблужденіе, такъ какъ въ составъ ея внесены 12,000 національной гвардіи, не имѣвшей никакого значенія на полѣ битвы. См. также: Бернгарди, т. IV, втор. полов. стр. 342—344; Богдановичъ, т. IV стр. 486; Мармонъ, т. VI, стр. 241, который, уменьшая, по обыкновенію до смѣшнаго, количество войскъ, находившихся подъ его командою, выражается, между прочимъ, такимъ образомъ: „Итакъ съ семью тысячами пятьюстами пѣхотинцевъ, принадлежавшими къ семидесяти различнымъ баталіонамъ и состоявшимъ, слѣдовательно, изъ однихъ обломковъ, и пятнадцатью сотнями лошадей, я выдержалъ противъ цѣлой арміи, введшей въ бой около 50,000 человекъ, одну изъ славнѣйшихъ битвъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ Франціи“.

Московскій періодъ (1821 — 1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова).

(Продолженіе *).

Изъ всего предшествующаго весьма ясно, что Филаретъ какъ до 1824 года или, точнѣе, до майской перемѣны министерства этого года, такъ и послѣ этой перемѣны до конца разсматриваемаго періода, отсѣвая и осуждая крайности мистическихъ воззрѣній, не только не осуждалъ самое мистическое движеніе, но и являлся однимъ изъ лучшихъ сторонниковъ его. Въ этомъ-же лучшемъ направленіи мистическаго движенія Филаретъ споспѣшествовалъ и нѣкоторымъ изъ его предпріятій, особенно-же грандіознѣйшему, — распространенію Библии и переводу ея на русскій языкъ, притомъ опять не только до майской перемѣны министерства, но и послѣ этой перемѣны, не только дѣломъ, но и словомъ проповѣди. Мы уже отчасти видѣли это, когда говорили о личныхъ отношеніяхъ, жизни и дѣятельности святителя московскаго. Намъ остается теперь добавить къ тому лишь немного, на основаніи самыхъ проповѣдей Филарета. И прежде всего о важности распространенія и чтенія Библии Филаретъ съ полнымъ въ ней убѣжденіемъ говоритъ не только въ рѣчахъ, произнесенныхъ въ генеральныхъ собраніяхъ Библейскаго Общества, но и съ церковной кафедрой, не только до 1824 года,

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 12.

но и въ 1825 году. Такъ, на примѣръ, вотъ что говоритъ онъ въ своемъ словѣ на день Благовѣщенія 25-го марта 1825 года: „если скажутъ тебѣ, что стремленіе къ совершенству есть мечтательство, что любовь къ мудрости есть дерзкое мудрованіе, что размышленіе о вѣрѣ, поученіе въ законѣ Божіемъ, чтеніе слова Божія, или не нужно, или опасно: вслушайся внимательно, походитъ-ли сіе на гласъ ангельскій, на ученіе духовное, на проповѣдь небесную? Сличите съ симъ истинный и чистый гласъ пророческій: *блаженъ мужъ, его-же воля въ законъ Господень, и въ законъ Его поучится день и ночь* (Пс. 1, 2). Сличите съ симъ ученіе Божественнаго Учителя: *испытайте писанія* (Іоан. 5, 39). Сличите съ симъ проповѣдь апостола: *слово Христово да вселяется въ васъ богато, во всякой премудрости, учаще и вразумляюще себѣ самѣхъ* (Кол. 3, 16). Сличите съ симъ примѣръ Маріи: никто не запретилъ юной Дѣвѣ Израилевой читать книгу Исаи Пророка и надъ нею размышлять о Еммануилѣ“¹⁾. Затѣмъ опыты русскаго перевода библейскихъ текстовъ мы отчасти уже отмѣчали раньше въ проповѣдяхъ Филарета. Такіе-же опыты можно находить и въ другихъ проповѣдяхъ его, относящихся какъ къ 1821, такъ и къ дальнѣйшимъ годамъ, кончая 1824-мъ годомъ²⁾. Известно, что катихизисы Филарета — пространный и краткій первой группы изданій (1823—1824 годовъ), также содержатъ въ себѣ всѣ тексты Священнаго Писанія въ русскомъ переводѣ³⁾. — Но если умѣренный мистицизмъ или, какъ мы сказали выше, мистическое движеніе въ лучшемъ его направленіи не заслуживало порицанія, то въ его крайностяхъ оно заслуживало прямо обличенія, какъ севта. Мы разумѣемъ такія крайнія выраженія мистицизма, какъ

¹⁾ Тамъ-же, стр. 372—373. Въ этомъ-же отрывкѣ кстати заключается и отпоръ какъ противникамъ мистическаго движенія, такъ и сторонникамъ его крайняго направленія. Срав. также стр. 197. 281. 326 и др.

²⁾ См. *Сочин. Филар.* 2, 24—25. 67—68. 308—309 и др.

³⁾ См. объ этомъ въ нашихъ изслѣдованіяхъ, помѣщенныхъ въ *Филаретовскомъ Юбил. Сборникѣ*. (Томъ II. Москва, 1883). О томъ-же мы замѣчали выше и въ настоящемъ нашемъ изслѣдованіи.

„Духовный союзъ“ Татариновой, секты хлыстовъ, скопцовъ, духоборцевъ и молоканъ, хотя въ нихъ собственно мистическаго было уже очень мало, кромѣ развѣ духовнаго союза Татариновой ¹⁾. Но все-же и нѣчто мистическое въ нихъ, а за тѣмъ и общее начало вѣротерпимости, господствовавшее въ высшемъ управленіи Россіи за время царствованія Александра I и управленія князя Голицына министерствомъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія не только было причиною послабленія этимъ сектамъ, но и прямо поощряло ихъ существованіе и развитіе. Союзъ Татариновой пользовался сочувствіемъ и покровительствомъ самого Государя и царской фамиліи, не говоря о князѣ А. Н. Голицынѣ, особенно сочувствовавшемъ этому союзу, и объ аристократіи, и свободно продолжалъ свои радѣнія въ Петербургѣ до самаго 1825 года и въ окрестностяхъ Петербурга съ 1825 по 1837 годъ. Хлысты и даже скопцы также пользовались покровительствомъ людей сильныхъ и вліятельныхъ и въ Петербургѣ открыто совершали свои радѣнія, находясь въ близкихъ отношеніяхъ съ членами Татариновскаго союза. Главный ихъ руководитель Селивановъ пользовался вниманіемъ и самого государя. Но скопцы еще по самому дѣлу оскотленія представляли нѣчто коробящее, если не прямо отвратительное и опасное въ глазахъ даже сильныхъ защитниковъ его изъ лицъ правительственныхъ, и потому прямого покровительства имъ оказывать было неудобно. Другое дѣло—духоборцы. Эти пользовались прямымъ покровительствомъ высшей власти. Такъ, когда въ 1816 году херсонскій губернаторъ Ланжеронъ послалъ въ Петербургъ два представленія о медитопольскихъ духоборцахъ, обвиняя ихъ въ развратной жизни и зловредныхъ для общества правилахъ поведенія, а духоборцы, въ свою очередь, послали на высочайшее имя жалобу на губернатора за притѣсненіе ихъ: то государь принялъ ихъ сторону и сдѣлалъ Лан-

---

¹⁾ Объ этомъ см. въ нашемъ изслѣдованіи о Петерб. періодѣ проповѣд. дѣят. Филар. въ журн. *Вѣра и Разумъ* 1884, т. II, отд. церк. стр. 608 и 1885 года т. II, отд. церк. стр. 468 и дал.

жерону весьма сильное внушеніе по этому поводу. „Просвѣщенному-ли правительству,—писалъ онъ въ указѣ 9 декабря,—приличествуетъ заблуждшихъ возвращать въ нѣдра Церкви жестокими и суровыми средствами, истязаніями, ссылками и т. п.? Ученіе Спасителя міра, пришедшаго на землю взыскати и спасти погибшаго, не можетъ внушаемо быть насильствіемъ и казнями, не можетъ служить къ гибели спасаемаго, коего ищутъ обратитъ на путь истины. Истинная вѣра поражается благодатію Господнею чрезъ убѣжденіе, поученіемъ, кротостію, а болѣе всего добрыми примѣрами. Жестокость-же не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ“¹⁾. Точно такимъ-же покровительствомъ со стороны правительства пользовались и молокане. Но что всего удивительнѣе, такъ это то, что даже раскольники пользовались не только терпимостію со стороны сперва либеральнаго, а потомъ мистически настроеннаго правительства, но и также своего рода покровительствомъ. Даже указъ 1822 года, запрещавшій тайныя общества, повелѣваетъ раскольническихъ бѣглыхъ поповъ оставлять безъ всякаго вниманія и существовавшія дотолѣ раскольническія церкви не трогать, а только вновь не строить этихъ церквей. Особенно искусно было обставлено право существованія и дальнѣйшаго преуспѣянія московскаго Преображенскаго кладбища и такъ называемаго „богадѣннаго дома“. Сильные матеріальными средствами и умѣньемъ привлечь на свою сторону сочувствіе правительственныхъ лицъ, радѣтели или „попечители“ этого гнѣздилища еедосѣвщины сумѣли обезпечить его существованіе и преуспѣяніе подъ видомъ благотворительнаго учрежденія. И государь императоръ Александръ I постоянно давалъ понять гражданскому начальству Москвы, чтобы оно не преслѣдовало раскольниковъ за ихъ мнѣнія и обряды, совершаемые безъ публичнаго оказательства. Въ такомъ-же духѣ въ 1823 году составлены были и новыя правила о надзорѣ за Преображенскимъ кладбищемъ. Другія средоточія безпоповщины въ Москвѣ, поморская Покровская и Филипповская

¹⁾ См. Изслѣдованіе проф. Знаменскаго въ *Правосл. Собес.* 1885: III, 271—272.

часовни, хотя менѣе Преображенскаго кладбища обращали на себя вниманіе правительства, однако съ не меньшимъ успѣхомъ пользовались духомъ вѣротерпимости послѣдняго и также процвѣтали за рассматриваемое время.—Рогожскимъ кладбищемъ завѣдывали попечители изъ поповщинскаго толка, а потому, согласно высказанному выше, оно еще болѣе Преображенскаго и другихъ пользовалось покровительствомъ со стороны высшихъ властей. Бѣглецы попы изъ конторы этой своего рода митрополіи раскола беспрепятственно и безконтрольно рассылаемы были даже по отдаленнымъ провинціальнымъ гнѣздилищамъ поповщины. Да и вообще Москва была центромъ всѣхъ движеній въ расколѣ, прибѣжищемъ для всѣхъ преслѣдуемыхъ раскольниковъ, золотою какъ-бы бездонною чашею, изъ которой свободно черпалъ потребное всякій нуждающійся раскольникъ и убѣжищемъ для всѣхъ не имѣвшихъ законнаго вида существованія, лишь-бы они оказывали склонность умножать собою число раскольниковъ. Единоувѣрцы московскіе за рассматриваемое время составляли только каплю въ морѣ среди завязтыхъ раскольниковъ разныхъ толковъ по Москвѣ и московской епархіи. При этомъ что-же оставалось дѣлать епархіальной власти? Правительство постоянно внушало духовному вѣдомству, даже требовало отъ него, чтобы оно, въ своей борьбѣ съ расколомъ, какъ и другими сектами, отнюдь не пользовалось внѣшними мѣрами, а старалось развивать преимущественно духовныя средства, — вразумленіе и просвѣщеніе народа. Такъ и вынуждалось дѣйствовать духовенство. Такъ дѣйствовалъ и Филаретъ. Какія-же именно дѣлалъ онъ вразумленія раскольникамъ и другимъ сектаптамъ по Москвѣ и епархіи? Выберемъ относящіяся сюда мѣста изъ его проповѣдей въ хронологическомъ порядкѣ послѣднихъ. При этомъ мы не можемъ не отмѣтить того обстоятельства, что до 1824 года Филаретъ въ своихъ проповѣдяхъ даже почти и не касается сектъ и расколовъ, или затрогиваетъ ихъ лишь въ самыхъ общихъ, какъ-бы даже безобидныхъ выраженіяхъ въ родѣ слѣдующихъ наставленій слушателю: „если умъ твой прилагается въ наученія странна и различна (Евр. 13, 9), и

не хочетъ отдать себя въ свободный плѣнъ и блаженное послушаніе вѣрѣ: то не нужна-ли тебѣ противъ тебя самого ревность святыхъ отцевъ, которые силою вѣры *низлагали взимавшіяся на разумъ Божій возношенія* (2 Кор. 10, 5) гордаго разума ересеначальниковъ? ¹⁾ или: „не примѣчаете-ли, какъ врагъ толикократно вносившій адскую брань въ небесную область Церкви съ оружіемъ ересей и расколовъ, лжеученій и соблазновъ, суевѣрій и невѣжества, толикократно отраженный ангелами Церквей и сонмомъ право и твердо вѣрующихъ,—не могъ поколебать *твердаго снованія Божія*, которое донинѣ *стоитъ непоколебимо*, имущее печать сію: *позна Господь сущія Своя, и да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне* (2 Тим. 1, 19)“ ²⁾. И только съ 1824 года, когда и само правительство стало усматривать вредъ своего прежняго потворства сектамъ и расколу, когда увидѣло, что подъ прикрытіемъ религіозныхъ обществъ процвѣтаютъ и тайныя политическія общества, стремящіяся къ ниспроверженію правительства, Филаретъ также болѣе возвысилъ свой голосъ противъ сектъ и раскола. Такому направленію дѣла способствовала и не разъ упомянутая майская перемѣна министерства. Поэтому уже въ проповѣди на день Вознесенія Господня, сказанной въ Архангельскомъ соборѣ 15 мая 1824 года, святитель московскій, изъясняя слова Дѣян. 1, 10 и дал., говоритъ: „*Грядетъ часъ*, или время искушенія (можетъ быть *и нынѣ есть*), когда скажутъ: *се здѣ Христосъ, или ондѣ! Се въ пустыни есть! Се въ сокровищахъ* (Матѣ. 25, 23. 26)! Вотъ Онъ у насъ, говорятъ отщепенцы ³⁾, которые, оставя градъ Божій, духовный Іерусалимъ, апостольскую Церковь, убѣгаютъ не въ истинную пустыню мира и тишины, но въ заустѣніе духовное и чувственное, гдѣ нѣтъ ни здраваго ученія, ни святости таинствъ, ни добрыхъ правилъ жизни частной и обществен-

¹⁾ Сочин. Филар. 2, 87. Изъ проповѣди 1822 года.

²⁾ Тамъ-же, стр. 288—289. Изъ проповѣди 1823 года.

³⁾ Въ рукописи проповѣди первоначально было (а также и въ Евреин. сборн.): „люди“; но потомъ въ рукописи это слово поправлено самымъ Филаретомъ на слово: „отщепенцы“.

ной. Вотъ Онъ у насъ, говорятъ скрытно еретичествующіе, указуя на свои тайныя сборища ¹⁾, какъ будто солнцу должно свѣтитъ только подъ землею; какъ будто не Онъ сказалъ и повелѣлъ: *еже глаголю вамъ во тьмѣ, рыцте во свѣтѣ: и еже во ушх слышите, проповѣдите на кровяхъ* (Матѣ. 10, 27). Слыша таковыя вопли или шептанія, вспомните, христіане, ангельскій гласъ и проповѣдь о Вознесшемся Господѣ: *такожде приидетъ, имже образомъ видѣсте Ею идуща на небо, такъ-же явно, такъ-же торжественно. И потому, аще кто речетъ вамъ: се здѣ Христосъ, или ондѣ: не имите въры. Ни грубые вопли, ни хитрыя шептанія, не походятъ на провозвѣщеніе архангела и на трубу Божію. Не исходите въ слѣдъ зовущихъ васъ изъ града Господня; оставайтесь на мѣстѣ своемъ, и берегите вѣру вашу для истиннаго пришествія Христова, славнаго и торжественнаго“* ²⁾. Затѣмъ въ словѣ на день памяти преподобнаго Сергія 25 сентября того-же 1824 года, сказанномъ въ Сергіевой Лаврѣ на текстъ: *блаженн алуции нынѣ: яко насытитесь* (Лук. 6, 21), нашъ проповѣдникъ, уже имѣя въ виду помянутую выше связь заблуждашихъ овецъ Церкви съ тайными политическими обществами, говоритъ о своемъ времени: „Воздержаніе ума еще менѣе почитается обязанностію, нежели воздержаніе воли. Жажда познанія безъ дальняго разсмотрѣнія приеѣмлетъ не только за естественное и невинное, но даже за благородное чувствованіе. И какъ роскошь чувственная оказываетъ какое-то уваженіе умъ помрачающему вину, въ сравненіи съ очищающею оной водою: такъ нерѣдко роскошь ума съ пренебреженіемъ проходитъ мимо чистыхъ источниковъ Израилевыхъ, и съ жадностію принимаетъ изъ рукъ любодѣйцы Вавилонской, ложной мудрости міра, чашу, изъ которой сія *отъ вина ярости любодѣянія своего напоеваетъ ося языки* (Апок. 14, 8). Наше время видѣло, и не къ блаженству своему, кажется, еще

¹⁾ Въ Евреяхъ. сборникъ: „кроющіеся въ вертепахъ и пещерахъ, или въ тайныхъ храминахъ“. Такъ-же было первоначально и въ рукописи автора, но потомъ исправлено имъ для изданія въ печати.

²⁾ Сочин. Филар. 2, 166—167.

видитъ жаждущихъ такъ называемаго просвѣщенія, которые изъ чаши сей пьютъ *вино* сперва духовнаго *любодѣянія*, приемятъ ученіе, которое приводитъ въ забвеніе священныя отношенія человѣка къ Богу, и вводитъ противное чистому закону не растлѣннаго ума смѣшеніе истины съ ложью, зла съ добромъ, нравственности со страстями, духовнаго съ чувственнымъ; потомъ пьютъ *вино любодѣянія* даже чувственнаго, поелику отъ нечистыхъ понятій естественно происходятъ нечистыя чувствованія и растлѣнное ученіе сопровождается развратною жизнію;—и въ которыхъ, наконецъ, сіе *вино любодѣянія*, въ высшей степени упоенія, превращается въ *вино ярости*; поелику обуявшіе отъ ложнаго просвѣщенія, подобно пьянымъ, не любятъ быть въ покоѣ, но съ мечтательною мыслію преобразования все хотятъ испровергнуть и разрушить, и не здравую жажду просвѣщенія, отъ неестественнаго питія превратившуюся у нихъ въ другую, еще болѣе неистовую жажду—быть просвѣтителями, не умѣютъ угасить иначе, какъ слезами и кровію людей и народовъ“¹⁾. Увы! декабрь 1825 года показалъ, какъ вѣрны были предчувствія святителя московскаго и относительно русскихъ подражателей Запада. Въ 1825 году Филаретъ начинаетъ дѣлать уже болѣе ясныя указанія на раскольниковъ именно. Такъ въ извѣстной уже намъ проповѣди, сказанной 12 февраля сего года на текстъ: *не мнози учителя бывайте*, онъ въ концѣ ея говоритъ: „Что сказать о тѣхъ, къ болѣзнованію Церкви, многихъ учителяхъ, которые, оставя любовь отъ чиста сердца, и совѣсти благія и вѣры не лицемѣрныя уклоняются, какъ обличаетъ ихъ апостоль, *въ суетствія, хотяще быти законоучители, не разумюще ни яже глаголютъ, ни о нижше утверждають* (1 Тим. 1, 6. 7), которые изъ всякаго слова Писанія хотятъ составить особый толкъ, изъ всякаго обряда церковнаго особую вѣру? Да дасть имъ Господь разумъ, чтобы они сами себѣ воспоминали дѣла Діотрефа, размыслили о нихъ безпристрастно и благовременно избѣжали его уча-

¹⁾ Тамъ же, стр. 350—351.

сти“¹⁾. Но все это очевидно слишкомъ мягко сказано, въ согласіи съ тономъ общихъ правительственныхъ распоряженій. Сильнѣе и тверже говоритъ святитель о раскольникахъ въ проповѣди, сказанной по освященіи храма святителя Алексія въ селѣ Черкизовѣ 6 сентября того-же 1825 года. Именно въ ней, говоря о непоколебимости Церкви, нашъ витія заводитъ такую рѣчь: „При семъ размышленіи о твердомъ и неразрушимомъ созданіи Церкви Христовой, нельзя не вспомнить о современныхъ и ближнихъ намъ, не знаю, какъ лучше назвать ихъ—врагами-ли, какъ они мыслятъ, или братіями, какъ мы желали-бы,—о тѣхъ, которые, уклонясь отъ единой святой, соборной и апостольской Церкви, вздумали созидать себѣ какую-то иную, которой основаніемъ и подпорами служатъ имъ бѣглецы священства, и самооставленные наставники, никѣмъ никогда не посвященные. Подумайте, что вы созидаете? Христосъ созидаетъ Церковь Свою: а вы чью созидаете? Не признаетесь-ли вы сами, что не Христову Церковь созидаете, когда сами себя почетнымъ образомъ называете *Онуфріевымъ согласіемъ*, *Теодосіевымъ согласіемъ* и подобными названіями? Когда истинная Церковь Христова называлась человѣческими именами? Истинная Церковь созидается такъ, что всѣмъ вѣрующимъ глава и основаніе есть Христосъ, на Немъ утверждаются, и преемствомъ отъ Его *апостоловъ* священнаго рукоположенія, и общеніемъ прочихъ таинствъ неразрывно соединяются всѣхъ временъ и мѣстъ православные *пастыри и учителя*, а съ ними и прочіе вѣрующіе. На комъ или на чемъ основаны Теодосій, или Онуфрій и подобные имъ? Кто рукоположилъ ихъ? Кто благословилъ ихъ учить? И въ комъ изъ нихъ искать твердости и единства, съ Церковію неразлучнаго, когда они другъ на друга встаютъ, и другъ друга разрушаютъ?—*Врата адавы не одолѣютъ* истинной Церкви. Но если, какъ вы говорите, нѣтъ епископства, или совсѣмъ нѣтъ священства и таинствъ: то скажите также, что Церковь лишилась своего утверженія; скажите, что *врата адавы одолѣли ей*; скажите, что слово

¹⁾ Стр. 367.

Христово не сбылось; если-же сего сказать не смѣете: то признавайтесь или нѣтъ устами,—совѣсть ваша, рано-ли, поздно-ли должна признаться, что мы имѣемъ твердую, подкрѣпляемую священствомъ и таинствами, а потому *не одолѣваемую вратами адовыми* Церковь Христову: и слѣдственно ваши самовольныя и самодѣльныя построения, воздвигнутыя во враждѣ противъ Церкви, суть не иное что, какъ вновь построенныя и отворенныя врата адовы, на прельщеніе невѣдущихъ малымъ нѣкимъ подобіемъ Церкви притворно прикрашенныя. Кто видитъ и разумѣтъ, да бѣжитъ и ищетъ своего спасенія въ безопасномъ градѣ единыя святыя, соборныя и апостольскія Церкви: а кто по упрямству, или по корыстолюбію и любоначалию, еще не хочетъ видѣть и разумѣть, тому да умягчитъ Господь сердце, и да отверзетъ очи прежде, нежели врата адовы совсѣмъ поглотятъ его¹⁾. Но само собою разумѣется, что даже такія слова едва ли много пользы принесли въ отношеніи къ обращенію раскольниковъ къ Церкви, при указанныхъ выше, и еще въ общемъ продолжавшихся за 1825 годъ мѣрахъ свѣтскаго правительства. Дѣйствительнѣе были мѣры правительства, а потому смѣлѣе и дѣйствительнѣе въ этомъ отношеніи было и слово проповѣди Филарета въ слѣдующее царствованіе.

Заговоривъ о расколѣ, мы тѣмъ естественно и даже какъ-бы невольно отъ общей церковной жизни Россіи перешли уже къ жизни собственно московской епархіи, гдѣ были главныя гнѣздилища раскола. Войдемъ теперь нѣсколько подробнѣе въ ходъ этой жизни за рассматриваемое время, останавливаясь главнымъ образомъ на тѣхъ моментахъ ея, по прежнему, на которыхъ останавливается проповѣдь Филарета. И какъ обозрѣніе общей церковной жизни мы начали, по обыкновенію историковъ, съ характера и лицъ церковнаго управленія, такъ и теперь будемъ поступать, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что о личности самого первоіерарха московской епархіи, уже достаточно извѣстной намъ изъ раньше сказаннаго, мы не будемъ теперь говорить осо-

¹⁾ Стр. 410—411.

бенно. Ближайшимъ помощникомъ первосвятителя московскаго былъ его викарій, епископъ дмитровскій. За разсматриваемое время у Филарета было два викарія, преемствовавшихъ одинъ другому: Аванасій Телятевъ, посвященный въ годъ поступленія Филарета на московскую епархію, но еще до прибытія послѣдняго въ Москву, и прослужившій почти четыре года викаріемъ, а потомъ выбывшій на самостоятельную кафедру тамбовскую и Кирилль Богословскій—Платоновъ, изъ ректоровъ московской духовной Академіи въ октябрѣ 1824 года рукоположенный во епископа дмитровскаго на мѣсто Аванасія. Служеніе Аванасія прошло тихо и малозамѣтно, особенно при энергическомъ дѣйствованіи самого новаго архипастыря Москвы. Болѣе замѣтнымъ для насъ является служеніе преемника его, который къ тому-же былъ первый викарій, рукоположенный самимъ Филаретомъ и прослужилъ съ послѣднимъ въ самое непріятное для него время 1824 и 1825 годовъ, но за то потомъ видѣлъ и оправданіе дѣйствій невиннаго святителя московскаго въ 1826 и 1827 годахъ. Онъ пользовался за свой кроткій нравъ и другія добрыя качества искреннимъ расположеніемъ со стороны московскаго владыки, о чемъ свидѣтельствуютъ письма къ нему послѣдняго, къ сожалѣнію, доселѣ еще не изданныя. Въ письмѣ отъ 20 октября 1824 года Филареть писалъ Кириллу, еще архимандриту и ректору: „Богу угодно было дать мнѣ васъ, возлюбленный братъ, для ближайшей помощи. Приемлю волю Его съ благодареніемъ: примите и вы съ послушаніемъ. Надѣюсь единокупія: при немъ будемъ носить немощи другъ друга. Назначеніе васъ въ викарія послѣдовало 28 сентября, въ день когда мы молились вмѣстѣ“. Затѣмъ въ письмѣ слѣдуютъ распоряженія и соображенія относительно рукоположенія Кирилла ¹⁾. Это рукоположеніе состоялось 26 октября того-же 1824 года. При семъ Филареть произнесъ рѣчь къ новорукоположенному, въ

---

¹⁾ Приведенное письмо хранится въ рукописномъ видѣ въ числѣ другихъ писемъ московскаго святителя къ тому-же лицу въ библиотекѣ москов. дух. Академіи.

которой говорить: „Многое и великое совершилось нынѣ надъ тобою: и отъ тебя востребовалось многое и великое. Ты принялъ великій даръ: и далъ великіе обѣты. Въ преподанномъ тебѣ дарѣ заключается для тебя залогъ многихъ благъ: а данные тобою обѣты призываютъ тебя ко многимъ подвигамъ. Привѣтствую тебя, ущедреннаго великимъ даромъ Божиимъ: страшусь вмѣстѣ съ тобою, испытуя бремя общихъ намъ обѣтовъ“. И далѣе съ живостію выражаетъ свои чувствованія въ тогдашнее, уже начинавшее быть тяжкимъ для него по дѣлу о Библейскомъ обществѣ и катихизисахъ время ¹⁾, слѣдующими, все къ тому-же рукоположенному епископу обрацаемыми словами: „Съ какими-же помышленіями, съ чувствованіями отпущу тебя отсюда, послѣ совершившагося надъ тобою тайнодѣйствія? Съ помышленіями страха? Но Церковь, призвавшая тебя въ служеніе міра для нея, не имѣла намѣренія взять отъ тебя твой собственный миръ; и притомъ возмущеніе духа страхомъ трудностей и опасностей не уменьшаетъ трудностей, не отвращаетъ опасностей, если не приближаетъ и не увеличиваетъ оныхъ. Съ чувствованіями радости? Боюсь на земли радости, которая думаетъ, что ей нечего бояться. Умѣрь страхъ вѣрою во благодать, тебя посѣтившую и надеждою на Того, Который избралъ и пріимъ тебя: умѣрь радость, недовѣріемъ къ самому себѣ, и ненадѣяніемъ на собственныя силы, и между страхомъ и радостію, какъ между двумя оградами отъ унынія и дерзости, узкимъ, но безопаснымъ путемъ, *иди въ миръ!*“ И далѣе, указавъ на богоучрежденность епископскаго служенія въ Церкви Христовой, рукоположитель продолжаетъ паставленія свои новорукоположенному, поставляя ему въ примѣръ Самого Христа, представляющаго Собою „первоначальный образъ воспріемлемаго Имъ служенія и заключаетъ свою рѣчь къ нему слѣдующими словами: „Таковыми размышленіями укрѣпляясь, благодушествуй, возлюб-

¹⁾ Къ этому времени Филаретъ уже получилъ письма изъ Петербурга отъ м. Серафима и еписк. Григорія съ предостереженіями по означенному дѣлу, вызванными неумѣренною ревностію Шишкова.

ленный о Господѣ братъ, вступая на поприще, тебѣ открытое; и помощію твоею облегчай мнѣ часть бремени, столько-же и мнѣ, какъ тебѣ, страшнаго, но вмѣстѣ, ради Возложившаго и ради тѣхъ, которыхъ тяготы носить намъ должно, возлюбленнаго бремени.—Се вручаю тебѣ и жезлъ, какъ знаменіе силы, посылаемой тебѣ отъ Господа, частію какъ знаменіе пастырскаго попеченія о словесномъ стадѣ, отъ тебя ожидаемаго.—Возмогай о Господѣ, и не стѣсненнымъ сердцемъ возноси къ горнему Престолу Его молитвы о святой Церкви Его, и о благочестивѣйшемъ помазанникѣ Его, о послужившихъ настоящему твоему освященію“ ¹⁾. Надобно замѣтить, что Филаретъ, какъ на своихъ рукоположителей (митрополитовъ Амвросія, Серафима и др.) смотрѣлъ, какъ на отцевъ и руководителей своихъ, такъ и на рукоположенныхъ имъ самимъ смотрѣлъ, какъ на духовныхъ сыновей своихъ, которыхъ онъ былъ не только въ правѣ, но и обязанъ руководить въ архипастырской дѣятельности ихъ. Яснѣе всего выразилъ онъ мысль объ этомъ именно Кириллу, въ одномъ изъ писемъ къ нему, говоря по поводу и въ оправданіе своихъ наставленій ему: „*аще инымъ нѣсмь Апостолъ, обаче Вамъ есмь*“ ²⁾. И подобнымъ отеческимъ руководствомъ полны письма Филарета къ рукоположеннымъ отъ него во епископы.—О другихъ лицахъ епархіальнаго управленія Москвы за рассматриваемое время мы не будемъ говорить, чтобы не расширять еще болѣе и безъ того широкихъ предѣловъ нашего изслѣдованія. Переходимъ къ другимъ моментамъ исторіи московской епархіи за то-же время, и ближе всего коснемся посѣщенія Филаретомъ епархіи. Не говоря о поѣздкахъ въ Троице-Сергіеву Лавру, коей Филаретъ былъ настоятелемъ, а равно и на Перерву, Филаретъ совершалъ и болѣе далекія и продолжительныя путешествія по епархіи. Таково, напр., путешествіе въ Коломну и Серпуховъ, которое совершилъ онъ въ пер-

¹⁾ Сочин. Филар. 2, 171—172, 173, 174.

²⁾ Письмо изъ Петербурга отъ 17 ноября 1828 года, когда Кириллъ былъ уже на самостоятельной кафедрѣ вятской. Хранится въ числѣ другихъ писемъ въ библиотекѣ моск. дух. Академіи.

вѣй-же годъ своего управленія московскою епархіею лѣтомъ 1822 года, причемъ, говорилъ извѣстныя уже намъ проповѣди: „Слово въ недѣлю всѣхъ святыхъ, при посѣщеніи города Коломны, о преимущественной христіанской обязанности любить Бога и Христа“, мая 28 ¹⁾ и „Слово, при посѣщеніи города Серпухова, о главныхъ предметахъ дѣятельнаго ученія спасительной благодати“, 2 іюня ²⁾. Затѣмъ большую часть лѣта 1823 года пробывъ въ Петербургѣ по дѣламъ синодальнымъ, лѣтомъ слѣдующаго 1824 года святитель московскій опять совершилъ поѣздку по своей епархіи,—и на этотъ разъ посѣтилъ другую, не незначительную часть ея, при чемъ также произнесъ не одну проповѣдь. Именно 6 іюня, при посѣщеніи города Вереи, онъ произнесъ проповѣдь, въ которой, въ качествѣ продолжателя Апостольскаго служенія, возвѣщалъ своимъ слушателямъ *свидѣтельство Божіе* (1 Кор. 2, 1), т. е. ученіе христіанской вѣры ³⁾; 8 іюня, при посѣщеніи города Можайска, говорилъ слово въ недѣлю вторую по Пятидесятницѣ, въ которомъ, по примѣру Самого Божественнаго Архіерея—Господа Иисуса Христа, предложилъ ученіе „о проповѣданномъ отъ Него *Евангеліи Царствія*“ ⁴⁾; и 12 іюня, при посѣщеніи города Волоколамска, въ день св. Апостола Варнавы, говорилъ слово о терпѣннѣ ⁵⁾. Въ 1825 году, въ началѣ лѣта Филаретъ прожилъ въ Сергіевой Лаврѣ и Виѳаніи частію въ видахъ непосредственнаго наблюденія за производившимися тамъ постройками ⁶⁾, частію же въ тѣхъ видахъ, чтобы тамъ съ большимъ удобствомъ выдержать курсъ лѣченія ⁷⁾, а кстати и произвести ближайшее наблюденіе за учебными занятіями въ академіи и семинаріи; въ послѣдней-же половинѣ лѣта онъ пробылъ въ Москвѣ,

¹⁾ Сочин. Филар. II, 102. С.-П. Собр. 1822 г. стр. 3 и 236.

²⁾ Соч. Филар. II, 111. С.-П. Собр. 1822 г. стр. 3 и 257.

³⁾ Соч. Филар. II, 311 и д.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 317.

⁵⁾ Стр. 322 и дал.

⁶⁾ См. письма Филарета къ намѣстнику Лавры Афанасію въ *Приб. къ Теор.* 1886, XXXVIII, 143 и дал.

⁷⁾ *Письма Фил. къ роднымъ*, стр. 266. Москва, 1882.

ожидаю (хотя, какъ оказалось потомъ, и напрасно) проѣзда государя чрезъ Москву ¹⁾, и потому не ѣздилъ по епархіи. О своемъ пребываніи въ Лаврѣ лѣтомъ сего 1825 года, гдѣ Филаретъ также не оставлялъ проповѣди слова Божія, вотъ что писалъ онъ самъ отъ 29 іюня къ викарію своему, вышеупомянутому Кириллу: „Здѣсь хорошо. Я сегодня служилъ и говорилъ ²⁾. Не знаю, что Богъ даруетъ далѣе. А ректоръ ³⁾, которому-бы, повидимому, въ случаѣ нужды, меня перемѣнить, просить, чтобы я обязался говорить въ Сергіевъ день ⁴⁾, и его-бы не утруждалъ приготовленіемъ. Или, по увольненіи отъ писанія уроковъ, и отъ проповѣдей ученье уволятся?— Если случится, что вы въ срединѣ сей недѣли крещеніе ⁵⁾ отпразднуете: то къ празднику можете пріѣхать къ намъ; только экзамена конечно уже не застанете“ ⁶⁾. И подлинно Филаретъ-же говорилъ въ Лаврѣ проповѣдь и на праздникъ преподобнаго Сергія 5 іюля. А между тѣмъ еще ранѣе того, именно 9 мая, того-же 1825 года, въ день святителя Николая, Филаретъ былъ и говорилъ бесѣду въ Николаевскомъ Перервинскомъ монастырѣ близъ Москвы „о прикосновеніи вѣры ко Христу“ ⁷⁾. Относительно всѣхъ проповѣдей Филарета, сказанныхъ при посѣщеніи имъ епархіи, за исключеніемъ сказанныхъ въ Лаврѣ и на Перервѣ, какъ имѣвшихъ особаго рода слушателей для себя, нельзя не отмѣтить той особенности ихъ, что онѣ, въ отличіе отъ сказанныхъ въ самой Москвѣ, весьма просты по изложенію, чрезъ что вполне опровергается ходячая мысль, будто Филаретъ не говорилъ простыхъ, удобопонятныхъ и для необразованнаго че-

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Разумѣется „слово въ день первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла“, мѣсто произнесенія котораго въ употребительнѣйшихъ изданіяхъ словъ и рѣчей Филарета не значитя. См. *Соч. Филар.* II, 212.

³⁾ Ректоръ Академіи, архим. Поликарпъ (Гойтацниковъ), котораго, за нѣкоторыя особенности его нрава и поведенія, Филаретъ не долюблялъ.

⁴⁾ 5-го іюля.

⁵⁾ Разумѣется крещеніе великой княжны Александры Николаевны.

⁶⁾ Письмо хранится въ рукописномъ видѣ въ библіотекѣ москов. дух. Академіи въ числѣ другихъ писемъ Филарета къ тому-же лицу.

⁷⁾ *Сочин. Филар.* II, 201.

ловѣка проповѣдей, и наоборотъ вполне доказывается мысль, что, когда нужно было, онъ умѣлъ говорить проповѣди и весьма просто. Такъ, наприимѣръ, вотъ прекрасное начало вышеупомянутой проповѣди его, сказанной 6 іюня 1824 г. при посѣщеніи г. Вереи и, къ сожалѣнію, до 1874 года не напечатанной: „пришедъ къ вамъ, братіе, незнаемый въ лице, къ малознаемымъ по образу мыслей и жизни, недоумѣваю, что сказать вамъ, и какъ говорить съ вами.—Да разрѣшить сіе недоумѣніе, и да будетъ нынѣ моимъ и вашимъ наставникомъ Божественный апостолъ Павелъ. Онъ, приводя на память Коринѣянамъ и вмѣстѣ повѣствуя для насъ, какимъ образомъ въ первый разъ приходилъ онъ къ нимъ съ проповѣдію Евангельскою, говоритъ къ намъ: *азъ пришедъ къ вамъ, братіе, придохъ не по превосходному словеси или премудрости, возвыщая вамъ свидѣтельство Божіе: не судихъ бо вѣдѣти, что въ васъ, точію Іисуса Христа и сего распята* (1 Кор. 2, 1). Слышите-ли, что говоритъ симъ гражданамъ сей пришелецъ, пришедшій отъ Бога? *Возвыщая имъ свидѣтельство Божіе.* Примѣчаете-ли, какъ говорилъ онъ съ ними? *Не по превосходному словеси или премудрости*, то-есть, не употреблялъ онъ для привлеченія ихъ къ себѣ искусственнаго краснорѣчія, не разсыпалъ предъ ними сокровища знанія, но, сколько можно, простымъ словомъ предложилъ имъ главное и необходимое ученіе.—Посему, и *азъ пришедъ къ вамъ, братіе, нынѣ*, по тому-же долгу служенія Евангельскаго, которое Господь нашъ первоначально ввѣрилъ апостоламъ, а отъ нихъ чрезъ непрерывное преемство священнаго рукоположенія протеръ и до нашего недостойнства,—*прихожду не по превосходному словеси или премудрости, возвыщая вамъ свидѣтельство Божіе.* Не забочусь о искусствѣ слова человѣческаго, ни о богатствѣ знанія человѣческаго: слово Божіе не имѣетъ нужды въ сихъ ничтожныхъ пособіяхъ, и Премудрость Божія даже утаеваетъ свои тайны отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открываетъ младенцамъ. Желаю, поколику Богъ даруетъ, въ простотѣ слова и въ чистотѣ истины, возвѣститъ вамъ *свидѣтельство Божіе*, или точнѣе сказать, не возвѣститъ какъ новое, но какъ извѣстное въ мысляхъ и чувствованіяхъ

вашихъ, возобновить въ общему назиданію“¹⁾. И за тѣмъ дѣйствительно весьма просто излагаетъ „въ немногихъ словахъ многознаменательное свидѣтельство Христіанскія вѣры о Богѣ и спасительныхъ дѣлахъ Его“²⁾. Такъ-же просты и проповѣди Филарета, сказанныя въ Можайскѣ, въ Волоколамскѣ и другихъ мѣстахъ московской епархіи.

Частію при посѣщеніи епархіи, частію-же и въ самой Москвѣ за рассматриваемое время Филаретъ освятилъ много храмовъ, при чемъ по большей части не хотѣлъ лишать присутствовавшихъ и проповѣди слова Божія. Созиданіе храмовъ Божіихъ, обновленіе и благоукрашеніе ихъ было особенно пріятнымъ для нашего архипастыря дѣломъ, составляло предметъ настолько-же заботливости, насколько и любви его. Наполняя душу его и сердце пріятными чувствами, оно и въ умѣ его порождало цѣлый рядъ плодотворнѣйшихъ для назиданія паствы мыслей, которыя онъ и изливалъ и излагалъ въ своихъ проповѣдяхъ по освященіи или обновленіи храмовъ. Само собою разумѣется, что еще обильнѣе были мысли и еще плодотворнѣе назиданіе у нашего проповѣдника, когда съ созиданіемъ храмовъ Божіихъ соединялось еще и созиданіе обителей столь дорогаго ему равноангельскаго житія. Такъ напримѣръ случилось въ концѣ перваго-же года управленія Филарета московскою паствою. Въ 1820 г. княгиня Евдокія Николаевна Мецерская, урожденная Тютчева, въ имѣніи своемъ Аносинѣ, Звенигородскаго уѣзда московской епархіи, устроила при церкви, также ею построенной, богадѣльню на 12 женщинъ, а въ слѣдующемъ 1821 г., вмѣсто этой богадѣльни, задумала учредить женское общежитіе, опять на свои собственныя средства. По имени храма, устроеннаго въ честь св. Бориса и Глѣба, общежитіе получило названіе Борисоглѣбскаго Аносинскаго общежитія. Къ 4 мая 1822 года готовъ былъ въ этомъ общежитіи новоустроенный храмъ во имя Живоначальныя Троицы. 4 мая, въ день именинъ покойной матери основательницы общежи-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 311—312.

²⁾ Стр. 313.

тія, архієпископъ московскій освятилъ этотъ храмъ и открылъ общежитіе, причемъ говорилъ и проповѣдь, помѣщенную во всѣхъ собраніяхъ его словъ и рѣчей, начиная съ 1822 года. Въ этой проповѣди онъ выразилъ все главное, что всегда одушевляло его при подобныхъ обстоятельствахъ. Она сказана на текстъ: *аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ: храмъ бо Божій святъ есть, иже есте вы* (1 Кор. 3, 17), и начинается такъ: „Слава Богу дивному во святимихъ Своихъ! Еще мѣсто содѣлалось святымъ и Божиимъ; еще отверзлось небо на земли; еще дано приближище молитвамъ; еще явился престоль благодати. Нѣкогда во всей вселенной былъ одинъ только храмъ истиннаго Бога; и былъ нѣкто, который восхищался отъ одной мысли, что онъ можетъ идти въ домъ Господень: *возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень поидемъ* (Псал. 121, 1). Какъ не радоваться теперь, когда, такъ сказать, домъ Божій приходитъ къ намъ изъ невидимаго вездѣсущія Божія, чтобы намъ ближе было приступать къ Богу?—Давидъ, возжелавъ создать храмъ Богу, влялся не имѣть покоя, доколѣ не найдетъ мѣста угоднаго Богу: *клятсѣ Господеву, обѣщася Богу Иаковлю: аще дамъ очима моима сонъ, и въисхода моима дреманіе, и покой скраніама моима, дондеже обрящу мѣсто Господеву* (Псал. 31, 2. 4. 5); а до самаго созданія храма и дожить ему не суждено было. Какъ пріятно сердцу, которому не только желаніе создать храмъ Богу, но и совершеніе сего желанія даровано,—какъ пріятно предъ Богомъ сердцу успокоиться въ любви и благодарности!“ И за тѣмъ, указывая, кромѣ созданія храма Живоначальныхъ Троицы въ Аноснѣ, и на открытіе общежитія здѣсь, витія говоритъ, все еще продолжая вступленіе, въ своей проповѣди: „Есть нынѣ здѣсь и еще радость. вмѣстѣ съ обновленіемъ сего дома Божія, обновляется близъ его домъ Богоугоднаго жительства; такъ что радость благочестія получаетъ новое пространство, соединяясь съ радостію человѣколюбія, и радость человѣколюбія пріемлетъ освященіе отъ радости благочестія. Знаменіе во благо сотворилъ Богъ, устроивъ сіе такимъ образомъ: благо убогимъ, когда они видятъ себя у Бога.—

Соединимъ каждый свою радость въ общее славословіе . . . .
 Впрочемъ, сколь ни чистъ источникъ нашей радости предъ Богомъ, намъ заповѣдано и *радоваться* Господу *съ трепетомъ* (Псал. 2, 11). И естественная осторожность побуждаетъ, съ радостію о желанномъ приобрѣтеніи соединять заботу о томъ, какъ беречь и какъ употреблять прибрѣтенное. И отъ апостола слышимъ грозное слово на того, кто не сохранитъ столь драгоцѣннаго приобрѣтенія, какъ храмъ Божій: *аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ* ¹⁾. Такъ искусно возвратившись къ тексту, отъ котораго изшелъ въ своей проповѣди, витія далѣе и развиваетъ, раскрываетъ тему ея: „о ненарушимомъ сохраненіи святости храма Божія“ ²⁾, при чемъ отъ мысли о храмѣ Божіемъ рукотворенномъ переходитъ, конечно, и къ мысли о храмѣ Божіемъ нерукотворенномъ, о которомъ апостоль говоритъ: *храмъ Божій святъ есть, иже есте вы.*—Но скромное, съ благотворительнымъ характеромъ, Аносинское Борисоглѣбское общежитіе вскорѣ-же послѣ сего обратилось и въ общежительный монастырь, въ обитель равноапгелнаго житія. Основательница общежитія, княгиня Е. Н. Мещерская, которую Филаретъ утвердилъ попечительницею общежитія, будучи уже давно вдовою и довольно давно устроивъ судьбу единственной дочери своей, столь-же давно имѣла мысль удалиться отъ міра и предаться заботамъ о спасеніи души своей въ какой-либо уединенной женской обители. И самое общежитіе она устроила съ нѣкоторыми особенностями монашеской жизни. Открывъ общежитіе, Филаретъ всѣмъ сестрамъ его разрѣшилъ носить черную одежду и камилавки безъ покрываль, а 4 іюня того-же 1822 года, строитель Покровскаго монастыря, іеромонахъ Іона, съ разрѣшенія владыки, постригъ въ рясофоръ смотрительницу общежитія Матрону Ивановну и четырехъ изъ сестеръ ³⁾. Сама княгиня — основательница и попечи-

¹⁾ Стр. 75—76.

²⁾ Собр. 1822 г. стр. 2.

³⁾ См. біографію княгини Мещерской, въ монашествѣ Евгенія, въ *Чтен. въ общ. ист. и древн.* 1876, кн. 2, стр. 23 отд. „Смѣсь“.

тельница общежитія въ томъ-же 1822 году, съ совѣта и благословенія нѣсколькихъ духовныхъ лицъ, въ томъ числѣ и архіепископа московскаго, приняла окончательное рѣшеніе постричься въ монахини и, по настояніямъ этихъ лицъ, именно для жизни не въ какомъ-либо другомъ уединеніи, а прямо въ Аносинскомъ общежитіи, которое при семъ переименовалось въ женскій общежительный монастырь, игуменію котораго Филаретъ и назначилъ княгиню, въ монашество принявшую имя Евгеніи, не смотря на то, что она желала быть только въ послушаніи у вышеупомянутой Матроны Ивановны. Все это совершилось въ 1823 году. Новая игуменія желала ввести въ свой монастырь строгій образъ жизни иноческой, чѣмъ не довольны были многія сестры, а казначея и прямо ушла изъ монастыря. Это обстоятельство, которое не могло не обезпокоивать игуменію, желавшей добраго, относится къ самымъ-же первымъ годамъ существованія обители (1823—1825) ¹⁾. Само собою разумѣется, что такое недовольство и нѣкотораго рода возмущеніе покоя иноческой жизни обители, окончившееся лишь въ 1825 г. съ выходомъ казначеи въ московскій Вознесенскій монастырь, не измѣнило памфреніи игуменіи, всецѣло посвятившей себя Богу и поставившей своею задачею воскресить въ основанномъ ею монастырѣ духъ древняго иноческаго подвижничества. Она ревностно продолжала благоустроить свою обитель извнутри и извнѣ. Между прочимъ въ 1824 году она построила небольшую церковь во имя св. Димитрія Ростовскаго, для отправления требъ прихожанъ по лѣвую руку отъ святыхъ вратъ ²⁾. Эту церковь освящалъ 12 сентября 1824 г. также самъ Филаретъ, желавшій своимъ особеннымъ вниманіемъ къ игуменіи нѣсколько ее саму ободрить въ ея скорбяхъ при добромъ дѣйствованіи въ новоустроенной обители, настолько-же и вѣреннѣмъ ея духовному руководству показать необходимость послушанія ей и неуклоннаго шествованія по избранному пути подвижничества. Все это весьма

¹⁾ См. тамъ-же, стр. 30.

²⁾ Стр. 31.

тонко и вмѣстѣ краснорѣчиво изобразилъ онъ въ своей проповѣди, сказанной по освященіи означеннаго храма и имѣющей значительное сходство съ знаменитой проповѣдію, сказанною въ 1842 году въ Сергіевой Лаврѣ по освященіи храма Явленія Божіей Матери преподобному Сергію, устроеннаго надъ мощами преподобнаго Михея. Знаменательно самое начало проповѣди, сказанной въ Аносинѣ въ 1824 году и, къ сожалѣнію, только въ 1874 году появившейся въ печати. „Какого слова ожидаютъ теперь отъ пришедшихъ изъ города“,—такъ начинается ее нашъ витія, желая указать на не утихшія еще волненія и смутенія въ новоустроенной обители,—„живущіе въ пустынь сей? Не желаютъ ли, можетъ быть, по обыкновенію, слышать, что происходитъ въ городѣ? Жаль, если тѣ, которые въ уединеніи могутъ вкушать сладость безмолвія, и въ невозмущенномъ воздухѣ зрѣть чистый свѣтъ Божій, добровольно попускаютъ своимъ желаніямъ и помышленіямъ бродить въ многолюдствѣ, гдѣ сквозь шумъ и пыль слышатъ и видятъ суету!—Кто чувствуетъ жажду любопытства, или, вѣрнѣе сказать, кто страдаетъ болѣзнію пристрастія (ибо какъ не бываетъ излишней жажды безъ жара, такъ не бываетъ любопытства безъ пристрастія): тому, какъ врачество, предлагаемъ городское извѣстіе, которое хотя слишкомъ за двѣ тысячи лѣтъ написано, и пришло не изъ нашихъ городовъ, однако еще и теперь, и у насъ, представляетъ, къ сожалѣнію, довольно сходное изображеніе города: *видѣхъ беззаконіе и пререканіе во градѣ. Днемъ и ноцію обыдетъ и по стѣнамъ его: беззаконіе и трудъ посредаго, и неправда: и не оскудѣ отъ стогаго лихва и леть* (Псал. 44, 10—12). Не требуйте, чтобы къ сему свидѣтельству очевидца присовокупили мы, что и мы видѣли во градѣ. Мы пришли сюда отъ безпокойствъ города искать пріятностей пустыни, и хотимъ лучше говорить что нибудь о пустынь между живущими въ пустынь.—Новымъ обитателямъ сей пустыни полезно, думаю, было-бы услышать и увидѣть какого нибудь древняго любителя пустыни, который-бы своимъ примѣромъ утвердилъ ихъ въ любви къ пустынь и наставилъ въ образѣ пустынножительства. Пусть-же слышать они та-

коваго и видятъ, какъ онъ самъ себя изображаетъ: *и рѣчь: кто дастъ ми криль яко голубинь? и полещу и почию. Се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни. Чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури* (ст. 7—9)¹⁾. И далѣе, въ назиданіе тяготившимся строгостию пустынножительства, витія краснорѣчиво изображаетъ черты добраго пустынножителя, въ каковомъ изображеніи и состоитъ содержаніе проповѣди. А въ заключеніе успокоиваетъ тяготившихся, по новости, подвигомъ пустынножительства, говоря: „живущіе въ сей пустынь, если встрѣчаютъ еще особенныя трудности по новости своего жительства, то по благодати Божіей имѣютъ и особенныя очевидныя побужденія къ упованію на Бога Спасителя, Который въ краткое время при малыхъ, видимо, средствахъ и способахъ человѣческихъ, мѣсто сіе устроилъ, и утвердилъ, и освятилъ, и распространяетъ, и украшаетъ“. Но тотчасъ-же даетъ и послѣднее имъ назиданіе въ словахъ: „Внимайте себѣ и званію вашему, сестры о Господѣ, и ходите достойно сего благаго на васъ призрѣнія Отца небеснаго. Возлюбите пустыню, которую Онъ благословляетъ, забывайте міръ, отъ котораго Онъ со дня на день васъ ограждаетъ и обезпечиваетъ, возбуждайте себя къ неослабнымъ подвигамъ для спасенія душъ вашихъ надеждою на Бога Спасителя“²⁾. А потомъ, какъ-бы воспаряя духомъ къ безмолвію пустыни, какъ цѣли и своего иноческаго призванія, и какъ-бы предвидя имѣвшую вскорѣ надъ нимъ самимъ разразиться бурю мірскаго волненія (дѣло было, не забудемъ, около половины сентября 1824 года), витія слѣдующими словами заканчиваетъ свою проповѣдь: „А намъ, которые, послѣ кратковременной бесѣды въ пустынь о пустынь, должны возвратиться въ молву города, *кто и когда дастъ криль, яко голубинь, да полетимъ и почиемъ?* Когда облегчимся отъ чужихъ бремени, чтобы обратить все попеченіе къ облегченію собственнаго бремени грѣховнаго? О

¹⁾ Сочин. Филар. II, 342—343.

²⁾ Выше мы уже отмѣтили, что въ 1825 году, съ выходомъ казначей, въ Аноснѣводворился желанный миръ.

Дающій однимъ крилѣ голубинѣ, чтобы летѣть въ пустыню, а другимъ вкочнущій гласъ кокоши, чтобы въ городѣ и пустынѣ собирать птенцовъ Твоихъ подѣ крилѣ Твои! Собирай Самъ и храни всѣхъ насъ подѣ крилами благоднн Твоея, и стогнами-ли града, тропинками-ли пустыни, приведи наконецъ всѣхъ въ вѣчно безопасный градъ, изъ котораго не нужно будетъ бѣжать ни въ какую пустыню. Аминь“ ¹⁾).

Кромѣ освященія храма въ Аносинѣ, Филаретъ въ 1824 и 1825 годахъ освятилъ еще нѣсколько храмовъ въ самой Москвѣ, при чемъ также говорилъ и проповѣди, которыя, подобно послѣдней Аносинской, не напечатаны были при жизни проповѣдника. Таковы именно: а) Слово при освященіи храма во имя святителя Николая, созданнаго тщаніемъ князя Сергія Александровича Голицына въ Москвѣ, на мѣстѣ называемомъ Котельники, сказанное 24 августа 1824 года на текстъ: *помяни Господи Давида, и всю кротость его* (Псал. 131, 1) ²⁾; б) Слово по освященіи храма Успенія Пресвятыя Богородицы, что въ Казачей, за Москвою рѣкою, говоренное 15 іюля 1825 года на текстъ изъ 1 Ездры III, 12, гдѣ говорится о возсозданіи храма іерусалимскаго, каковое обстоятельство проповѣдникъ примѣняетъ и къ храму Успенія въ Казачей, разрушенному французами въ 1812 году и теперь вновь возстановленному ³⁾; в) Слово по освященіи храма святителя Алексія въ селѣ Черкизовѣ, говоренное 6 сентября того-же 1825 года на текстъ: *Ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей* (Матѣ. 16, 18) и разсуждающее о твердомъ созиданіи Церкви Христовы ⁴⁾; г) Слово въ день обновленія храма іерусалимскаго, и по случаю обновленія храма великомученика Никиты, въ Басманской, говоренное 13 сентября 1825 года на текстъ: *писано есть: домъ Мой, домъ молитвы есть* (Лук. 19, 46) и имѣющее цѣлю „вразумить“ слушателей „о высокомъ досто-

¹⁾ Сочин. Филар. II, 346—347.

²⁾ Тамъ-же, стр. 327.

³⁾ Стр. 379.

⁴⁾ Стр. 406.

инствѣ“ храма, какъ „священнаго мѣста, и о расположеніяхъ, съ какими должно входить въ него, и пребывать въ немъ“¹⁾. И всѣ эти проповѣди превосходны, повсюду служатъ выраженіемъ того, о чемъ нами говорено было выше по поводу рѣчи о созиданіи, обновленіи и благоукрашеніи храмовъ; но относительно первой изъ нихъ вотъ что читаемъ мы въ письмѣ архіепископа Евгенія (Казанцева) къ его родственнику московскому протоіерею І. А. Благовѣщенскому отъ 12 сентября 1824 года: „Проповѣдь преосвященнаго, при освященіи говоренную, весьма любопытствую имѣть. Ежели будетъ напечатано, какъ и не сомнѣваюсь, не полѣнитесь прислать, не поскупитесь подарить. Мню, написана съ чувствомъ, когда говорена со слезами“²⁾. Что-же въ указанной проповѣди есть такого, о чемъ проповѣдникъ говорилъ даже со слезами, по свидѣтельству современника? Исходя отъ выше приведеннаго текста, витія полагаетъ *кротость Давида или подвигъ смиренія его въ томъ, что онъ клянется Господеву, обѣщая Богу Иаковлю: аще вниду въ селеніе дому моего, или възиду на одръ постели моя: аще дамъ сонъ очима моима, и вѣждома моима дреманіе, и покой скраніама моима, дондеже обрящу мѣсто Господеву, селеніе Богу Иаковлю* (Пс. 131, 2—5), то-есть,—въ усердіи его „создать храмъ, потому что какъ царь, и особенно какъ царь не наслѣдованнаго, но имъ вновь воздвигаемаго престола, онъ могъ-бы помышлять о царскомъ великолѣпнн для себя самого; но, забывъ себя, онъ видитъ только Царя царей, и о Его только домѣ и престолѣ помышляетъ“³⁾. За тѣмъ, и всегда, по возможности, не забывая храмоздателей, теперь витія еще менѣе считалъ удобнымъ опустить изъ виду савовнаго храмоздателя, благочестиваго князя С. М. Голицына⁴⁾, а потому слѣдующимъ, искуснымъ образомъ примѣняетъ къ нему указанную

¹⁾ Стр. 414.

²⁾ Письмо хранится въ числѣ другихъ писемъ того-же святителя въ рукописномъ отдѣлѣ Москов. епарх. библіотекп.

³⁾ Сочин. Филар. II, 300.

⁴⁾ Объ этомъ сановникѣ и его родѣ мы впослѣдствіи еще будемъ имѣть случай говорить въ нашемъ изслѣдованіи.

черту характера Давида: „Поелику сей самый псаломъ Богомудрые чиноположители церковные повелѣли намъ употребить и въ нынѣшнемъ освященіи храма: то, послѣдую ихъ внушенію, не могу я преминуть теперь, чтобы не сказать, и чтобы не пригласить собравшуюся здѣсь Церковь вѣрующихъ сказать со мною: *помяни Господи раба Твоего, который, самъ-ли клялся Господеву, принялъ-ли на себя обѣтъ, которымъ его предки обѣщались Богу Иаковлю, не облѣнился, не воздремалъ, не потерялъ изъ виду дѣла Божія во многочисленныхъ заботахъ* ¹⁾ или въ суетномъ разсѣяніи дѣлъ человеческихъ, доколѣ наконецъ нынѣ, чрезъ благодатное тайнодѣйствіе, *обрълъ съ нами здѣсь мѣсто Господеву, селеніе Богу Иаковлю*“ ²⁾. Но твердо памятуя, что каедрa церковная назначена не для похвалы лицамъ; а „для ученія и наставленія“ ³⁾, онъ тотчасъ-же спѣшитъ къ этому послѣднему и останавливается на мысли объ усердіи къ храму Божію, примѣръ коего представилъ въ себѣ Давидъ. И при этой мысли, конечно, многое представлялось уму и взору нашего проповѣдника—любителя храмовъ Божіихъ, что могло вызывать не только просто скорбь, но и прямо слезы у него. Не будетъ излишне, если мы приведемъ всю эту, сравнительно впрочемъ небольшую часть разсматриваемой проповѣди, которая и у внимательнаго читателя ея, а не только что у слушателя способна вызвать горячія слезы, тѣмъ болѣе, что, вопреки ожиданію архіепископа Евгенія, эта проповѣдь, въ числѣ другихъ, какъ мы замѣтили, не была напечатана при жизни проповѣдника. „Благодареніе Богу — думаютъ, можетъ быть, нѣкоторые“, — такъ начинается эта часть проповѣди, — „храмъ нашъ полонъ усердно притекшими въ него. Скажу охотно и я: благодареніе Богу за тѣхъ, которые съ усердіемъ и благоговѣніемъ паполяютъ его. Да помянетъ

¹⁾ Князь С. М. Голицынъ еще съ 1807 года былъ дѣятельнѣйшимъ почетнымъ опекуномъ учрежденій императрицы Маріи.

²⁾ Соч. Филар. II, 331.

³⁾ Слова самого-же Филарета изъ одного письма его писаннаго въ 1867 году). См. Чтен. въ общ. люб. дух. просв. 1878, III, 6. „Матеріалы для исторіи русской Церкви“.

Господь ихъ благочестіе! Но, вспоминая примѣръ Давида, который представляетъ намъ священная пѣснь, не могу не спросить: такъ-ли въ васъ, какъ въ немъ, постоянно, такъ-ли совершенно усердіе во храму Божію? Забываемъ-ли мы изъ усердія къ нему все собственное и житейское, какъ Давидъ забывалъ для онаго сонъ и отдохновеніе?—Когда металлъ, благочестивымъ искусствомъ посвященный въ церковныя провозвѣстники, возвѣщаетъ одно изъ торжественныхъ славословій Божеству, и призываетъ насъ къ оному: не многіе-ли слышатъ сіи священные звуки также безъ мысли и безъ чувства, какъ мѣдъ издаетъ ихъ; и, не обращая на оныя вниманія, идутъ иной на село свое, иной на купли своя, иные на суетныя зрѣлища, иные остаются продолжать свою работу, или свое увеселеніе, а иные не хотятъ оставить сладкаго сна? Тяжкое-ли, говорятъ, преступленіе—пропустить одно или пѣскольکو Богослуженій? Если угодно, не скажу, что тяжкое; не желаю обременять чужихъ совѣстей; но разсуждай каждый самъ для себя и совѣтуйся съ своею совѣстію. Когда законное и не состоящее въ твоей волѣ препятствіе не допускаетъ тебя въ храмъ на славословіе Божіе: ты легко можешь оставаться спокойнымъ; но и въ семъ случаѣ, если ты любишь Бога, и славу Его, и общеніе съ Нимъ, то, думаю, воздохнетъ духъ твой, и сердце твое скажетъ: *когда прииду и яволю лицу Божію?* (Псал. 31, 3). А если слышишь призываніе во храмъ, не принужденно и добровольно идешь ты на дѣла собственной корысти, или на бездѣліе собственнаго удовольствія: въ семъ случаѣ, очевидно, ты предпочитаешь то, что избираешь, тому, что оставляешь, — т. е., предпочитаешь собственную корысть обязанности твоей къ Богу, предпочитаешь чувственную забаву радости духовной, предпочитаешь зрѣлищныхъ лицемѣровъ Богу и Его служителямъ. Скажутъ, можетъ быть, еще, что можно и не въ храмѣ призывать Бога. Не споримъ и противъ сего; и желаемъ, чтобы всѣ, которые говорятъ сіе, самымъ дѣломъ сіе исполняли. Одно только скажемъ таковымъ: не видано и не слыхано, и само въ себѣ несообразно и несовмѣстимо, чтобы тотъ, кто умѣетъ любить, призывать и благословлять душею своего

Господа на всякомъ мѣстѣ владычества Его, не захотѣлъ призывать и благословлять Его во храмъ Его, въ соборѣ вѣрующихъ и святыхъ Его, когда сіе возможно и удобно. Давидъ, который *презрѣлъ Господа предъ собою выну* (Псал. 15, 8), безъ сомнѣнія, умѣлъ, также выну, предстоять Ему въ молитвѣ и славословіи: но Давидъ потому не бѣгалъ отъ храма Его, а напротивъ, когда только могъ, бѣжалъ въ оный съ восхищеніемъ: *возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень поидемъ* (Псал. 121, 1) ¹⁾.—Мы наполняемъ храмъ; но какъ наполняемъ его? Тѣломъ-ли наполняемъ видимое пространство храма, или также и духомъ наполняемъ невидимыя чиностоянія между Ангелами, сослужащими намъ, и сами наполняемъ благодатию Святаго Духа, и здѣсь нынѣ, какъ нѣкогда въ Сіонской горницѣ, хотя не ощутительнымъ дыханіемъ бурнымъ, но столь-же истинно и дѣйственно дышащаго въ словѣ и таинствахъ? Сіе истинное исполненіе Церкви видятъ Богъ и Ангелы Его и тѣ изъ человѣковъ, которые стоятъ на высшихъ степеняхъ духовнаго созерцанія: но недостатокъ сей полноты можно и обыкновенному, только внимательному, зрителю примѣчать по видимымъ знаменіямъ. Не видимъ ли, напримѣръ, какъ служитель сей Царской трапезы является въ сихъ Царскихъ вратахъ, показываетъ Божественное брашно и взываетъ: *со страхомъ Божиимъ и отрою приступите*, но ни одинъ изъ предстоящихъ не приступаетъ? Что сіе значитъ?—Если не во всѣхъ,—ибо у иныхъ преобладающій обычай отъемлетъ дерзновеніе,—то во многихъ не есть-ли сіе знаменіемъ того, что такъ близко тѣснящіеся къ алтарю, даже до препятствованія священнослужителямъ въ ихъ служеніи, совсѣмъ не такъ близки къ оному духомъ, какъ тѣломъ; что они не имѣютъ довольно усердія и ревности приближаться къ Спасителю своему тогда, какъ Онъ Самъ къ нимъ приближается? Не примѣчаемъ-ли также иногда, что послѣ тайнодѣйствія и молитвословія, и при на-

¹⁾ Нельзя не замѣтить, какъ тонко, но вмѣстѣ и сильно этими словами опровергается и ложное мнѣніе крайнихъ мистиковъ того времени о томъ, что при внутреннемъ Богослуженіи внѣшнее не нужно.

чалъ поученія, когда къ новому духовному упражненію надлежало-бы приступить съ новымъ вниманіемъ, нѣкоторые напротивъ теряютъ вниманіе, отступаютъ отъ поучающаго и удаляются изъ храма? И сіе не есть-ли знаменіемъ того, что и умъ, и сердце таковыхъ, слѣдственно весь внутренній чело-вѣкъ ихъ не принадлежитъ къ исполненію Церкви Божіей? Такъ, можетъ быть, нѣкоторые изъ стоящихъ въ домѣ Божіемъ стоятъ въ немъ только, какъ праздные сосуды и наполняютъ его видимое пространство своею внутреннею пустою. Такъ, можетъ быть, взирая на движеніе нашихъ желаній и помышленій, устремленныхъ не къ Богу, но къ міру, и намъ неслышимо глаголетъ Господь Вседержитель: *храмъ Мой есть пуста, вы же течете кійждо въ домъ свой*; и потому такъ часто *призираете на многа, и бываютъ мала* (Агг. 1, 9), не благословляя Бога во храмѣ, не обрѣтаете благословенія Его въ домахъ вашихъ“. И въ заключеніе витія говоритъ: „Христіане! Взыщемъ дома Божія усердіемъ постояннымъ и всегдашнимъ, усердіемъ полнымъ и совершеннымъ: да взыщетъ насъ Богъ благодатию Своею. Молитва, таинства, ученіе да будутъ для насъ равно вождельны во храмѣ; все прочее, входя въ него, будемъ оставлять за прагомъ, и забывать: тогда и наше смиреніе помянетъ Господь въ царствіи Своемъ. Аминь“¹⁾. По этой выдержкѣ можно судить въ общемъ о характерѣ и другихъ проповѣдей Филарета, относящихся къ разсматриваему разряду.

Но заботясь о храмахъ Божіихъ и ихъ благоустройствѣ, Филаретъ имѣлъ нѣжное, отеческое попеченіе и о служителяхъ храмовъ Божіихъ. Онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Синода по вопросу объ обезпеченіи духовенства, объ устройствѣ положенія вдовъ и сиротъ духовенства. Ему принадлежитъ составленный имъ, по порученію Св. Синода, „проектъ положенія о призрѣніи, за старостию и болѣзнями увольняемыхъ священно и церковнослужителей, ихъ вдовъ и сиротъ“, на основаніи коего уч-

¹⁾ Соч. Фил. II, 333—335.

реждены были по всѣмъ епархіямъ въ 1823 году попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, уставъ которыхъ, написанный Филаретомъ, удостоился высочайшаго утвержденія ¹⁾. При этомъ значительнѣйшую долю денежныхъ средствъ на обезпеченіе бѣдныхъ духовнаго званія приняло на себя духовное вѣдомство, съ нѣкоторою долею воспособленія изъ государственнаго казначейства, опредѣленнаго еще въ 1801 г., а затѣмъ попечительства должны были рассчитывать уже на добротныя подаванія. Филаретъ вскорѣ-же по прибытіи своемъ изъ Петербурга въ 1823 году принялся за осуществленіе получившаго надлежащее утвержденіе проекта и къ концу ноября сего года уже организовалъ въ Москвѣ мѣстное попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія. 2 декабря послѣдовало и открытіе дѣйствій этого попечительства. По этому случаю святитель московскій самъ совершилъ Богослуженіе въ кафедральномъ Чудовомъ монастырѣ и по литургіи говорилъ извѣстное, напечатанное и отдѣльно и во всѣхъ собраніяхъ словъ и рѣчей его, начиная съ изданія 1835 года, „Слово при открытіи попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія“. Для характеристики и положенія дѣла и самаго „слова“ мы возьмемъ изъ него лишь важнѣйшіе отрывки. Оно сказано на текстъ: *Да узрятъ нищии, и возвеселятся: възыщите Бога, и жива будетъ душа ваша. Яко услыша убогій Господь, и окованныя своя не уничтожи* (Псал. 58, 33. 34). Поэтому, начавъ съ свидѣтельства Христа о Себѣ, что Онъ посланъ *благовѣствовать нищимъ* (Лук. 4, 18), каковая обязанность отъ него перешла и къ Апостоламъ и ихъ преемникамъ—пастырямъ Церкви, витія говоритъ во вступленіи: „На сей разъ духъ человеколюбія Христова посылаетъ меня *благовѣствовать нищимъ, именно, вашимъ, братія, служители алтаря. Сей духъ въ благочестивѣйшемъ помазанникѣ Господнемъ и въ святѣйшемъ соборѣ правительства церковнаго подвигся на помощь безпомощнымъ ва-*

¹⁾ См. *Собр. мнѣній и отзывовъ Филарета*, изд. преосв. Саввою, т. 2, стр. 95 и дал. срав. 94. Спб. 1885. См. упомянутую раньше статью проф. Знаменскаго въ *Правосл. Собес.* 1885, ч. 2, стр. 185 и дал.

шимъ, изнуреннымъ старостію, окованнымъ болѣзнію, сиротствующимъ, вдовствующимъ; пынѣ полагается основаніе постоянного призрѣнія ихъ чрезъ составляемое для того изъ васъ-же попечительное сословіе; средства для сего частію дало само правительство, по мѣрѣ его возможности¹⁾, частію-же оно уполномочило насъ прибѣгнуть для сего къ человѣколюбію вѣрныхъ и послушныхъ дѣтей Церкви. *Да узрятъ нищии, и возвеселятся! Яко услыша убогія Господь, и окованныя своя не уничтожи*“. Но „прежде нежели“,—дѣлаетъ витіи переходъ къ темѣ проповѣди,—„сіе веселіе нищихъ принесемъ мы предъ Бога въ благодарственномъ моленіи, какъ-то заповѣдалъ намъ Святѣйшій Синодъ, бросимъ хотя легкій наблюдательный взоръ на многообразную скорбь нищихъ, ожидающую себѣ утѣшенія“²⁾. И затѣмъ, обстоятельно изслѣдуя сущность нищеты, между прочимъ говорить: „Кто пожелаетъ разсматривать нищету въ разныхъ общественныхъ званіяхъ, тотъ еще откроетъ разныя черты страданія, и новыя побужденія къ состраданію: и въ семъ разсмотрѣніи нищета нашего званія, думаю, представится внимательнымъ наблюдателямъ особенно достойною сострадательнаго участія. Въ другихъ званіяхъ нищета не рѣдко происходитъ отъ лѣности, отъ предприимчивой жадности къ приобрѣтенію, отъ расточительности, и потому есть не бѣдствіе, но наказаніе: въ званіи служителей алтаря, почти всеобщій жребій его составляющая бѣдность превращается въ нищету обыкновенно болѣзнію, старостію, или смертію начальника семейства, доставлявшаго себѣ и ему пропита-

¹⁾ Именно до 1823 года такими средствами, какъ изыснено въ вышеупомянутомъ проектѣ самого Филарета, были: а) для духовенства ружнаго проценты съ капитала моск. синод. типографіи, достигшаго къ 1823 году до 110,000 рублей; б) для духовенства армейскаго съ 1801 года ежегодно отпускаемые изъ государственнаго казначейства на пенсіоны 5000 руб. Въ добавленіе къ сему общія средства для той-же цѣли состояли только въ различныхъ условныхъ и крайне ограниченныхъ мѣрахъ мѣстныхъ епархіальныхъ. Въ 1823 году къ тому стали отпускать еще изъ доходовъ отъ свѣчной продажи ежегодно по 150,000 рублей, согласно проекту Филарета. См. *Собр. мн. и отв. Фил.* 2, 96 и дал.

²⁾ *Сочин. Филар.* 2, 135—136.

ніе. Въ иномъ званіи сирота и вдовица безпрепятственно, по крайней мѣрѣ, укрываются подъ осиротѣвшимъ кровомъ отца и супруга: въ нашемъ званіи сиротство и вдовство, даже болѣзнь и старость, заграждая источникъ пропитанія, по большей части отъемлютъ у нищаго и жилище, которое, по установленіямъ, должно всегда принадлежать дѣйстви-тельно служащему Церкви.—Наконецъ—*сей нищій воззва, и Господь услыша и* (Псал. 33, 7). *Да узрятъ нищии, и возвеселятся!*—Правда,—дѣлаетъ ограниченіе проповѣдникъ,—и теперь нищіе наши могутъ видѣть у насъ только еще приготовленіе къ облегченію ихъ участи; могутъ веселиться только еще надеждою. Ибо средства призрѣнія ихъ меньшею только частію подаетъ намъ человѣколюбивая рука правительства, большею-же частію онѣ скрыты еще въ рукахъ частнаго человѣколюбія. Совершится-ли и съ сей стороны надежда убогихъ, и будетъ-ли радость ихъ дѣйстви-тельно исполнена? Узрятъ-ли они въ участникахъ одного званія одинъ духъ братолюбія, и столь-же искреннюю попечительность о бѣдности званія, какъ о бѣдности собственнаго семейства? Узрятъ ли въ чадахъ Церкви возвѣщаемую Апостоломъ *отру чистую и нескверную предъ Богомъ и Отцемъ, еже посылати сирыхъ и вдовицъ въ скорбехъ ихъ* (Іак. 1, 27), и во-первыхъ, сирыхъ и вдовицъ, оставленныхъ служителями сея чистыя вѣры? При ходатайствѣ за сихъ вдовицъ и сирыхъ, вспомните-ли вы, чада вѣры, что тѣ, отъ которыхъ онѣ остались, провели и окончили жизнь въ молитвахъ за васъ и въ служеніи спасенію душъ вашихъ? Подумаете-ли вы, что сіи вдовицы и сироты пастырей вашихъ потому не получили наслѣдства, и самые сіи пастыри потому не собрали запаса на старость или болѣзнь, что *посылали стадо Божіе не нуждею, но волею, и по Бозь, ниже не праведными прибытки, но усердно* (1 Петр. 5, 2)? Пожелаете-ли на ваше изобиліе, на ваше великолѣпіе, на ваши увеселенія, которыя по истинѣ часто дѣлаетъ нечистыми неумѣренность,—пожелаете-ли положить на оныя добровольную очистительную дань человѣколюбію и ницелюбію? И наконецъ заключаетъ проповѣдь слѣдующими сло-

вами: „Будемъ надѣяться, что Начный дѣло благо въ насъ, и совершитъ оное благодатію Своею, чрезъ благоудныя Ему орудія. Возблагодаримъ Его за начало: воззовемъ къ Нему о совершеніи. *Взыщите Бога, и жива будетъ душа ваша. Услыша—и еще услышитъ—убогія Господь, и окованныя Своя не уничтожитъ.* Аминь“ ¹⁾).

О другихъ сторонахъ попечительности Филарета въ отношеніи къ духовенству его епархіи,—разумѣемъ заботливость его касательно умственнаго образованія духовенства, ему подвѣдомаго, касательно преуспѣянія его въ дѣлѣ проповѣданія слова Божія и т. д.,—равно какъ и другихъ сторонахъ его архипастырской дѣятельности въ своей епархіи за 1821—1825 года, мы будемъ говорить, по нѣкоторымъ соображеніямъ, въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. А теперь бросимъ общій заключительный взглядъ на весь разсмотрѣнный періодъ (1821—1825 г.г.) проповѣднической дѣятельности нашего святителя въ историческомъ отношеніи.

Не разъ мы высказывали мысль, что во всѣхъ, подлежащихъ нашему разсмотрѣнію отношеніяхъ; которыхъ касалась проповѣдническая дѣятельность Филарета за 1821—1825 г., то есть и въ отношеніи къ его личной жизни и дѣятельности, и въ отношеніи къ внѣшней и внутренней политикѣ Россіи и въ отношеніи къ исторіи Церкви русской и даже московской епархіи въ частности печальнаго было не меньше, если не больше, нежели радостнаго. Въ отношеніи къ исторіи московской епархіи собственно, повидимому, не оказывалось что либо печальнаго, судя по изложенному выше. Но не говоря уже о сектантствѣ и расколѣ, составлявшихъ больныя мѣста этой исторіи, не говоря объ окрашивавшихся оттѣнкомъ вліянія мистицизма тѣхъ или другихъ явленіяхъ церковной жизни, распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ самого предстоятеля московской Церкви, развѣ не печально одно уже то, въ какомъ положеніи находился самъ первоіерархъ сей епархіи,—Филаретъ? Не колебалось-ли зданіе Церкви московской отъ стрѣлъ, которыя сыпались съ разныхъ сторонъ на

¹⁾ Тамъ-же стр. 140—141.

первостоятеля ея? Не полагался-ли нежеланный разладъ между архипастыремъ, подчиненными ему пастырями и паствою благодаря тому уничиженію, какому онъ, хотя-бы и несправедливо, подвергался со стороны непризванныхъ судей? А такое прискорбное положеніе московскаго архипастыря было только отголоскомъ общаго положенія дѣлъ въ Россіи. Благороднѣйшій, великодушнѣйшій монархъ, поставившій своею задачею внести „правду и миръ“ не только въ Россію, но и въ Европу, одушевленный идеею, начертанною имъ на хартіи священнаго союза, при всемъ своемъ желаніи, при всемъ своемъ могуществѣ и при всѣхъ усиліяхъ осуществить эту идею, въ концѣ концовъ не осуществилъ ея вполне. И во внѣшней политикѣ своей и внутри самой Россіи онъ постоянно долженъ былъ бороться съ препятствіями, часто непреодолимыми, на пути къ такому осуществленію. Мало того, благодаря его политикѣ, основанной на идеѣ священнаго союза, повидимому, частію усилилось и получило бѣдшую свободу прежде бывшее зло, а частію посянны были и новыя сѣмена зла какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи, притомъ не только въ гражданской, но и въ церковной жизни (секты). И Александръ долженъ былъ предъ самую смертію своею услышать объ адскихъ замыслахъ покушенія даже на его собственную жизнь, которая вся направлена была къ добру, ко благу своихъ подданныхъ. Конечно, не столько онъ былъ виною всего зла, выше указаннаго, сколько люди, находившіе выгоды въ томъ, чтобы дѣлать зло или невольно увлекавшіеся въ дурную сторону, а отчасти и исполнители его предначертаній. Въ этомъ-то смыслѣ и писалъ, вскорѣ послѣ кончины императора глубже другихъ понимавшій его Филаретъ къ Е. В. Новосильцевой (отъ 24 декабря 1825 года): „что касается до покойнаго государя, для меня понятно, что во многомъ виноваты мы, въ чемъ виняты его: и потому нашъ здѣшній судъ не осудить его на небесахъ“¹⁾. Тѣмъ не менѣе и самъ госу-

¹⁾ Гр. Вл. П. Орлова-Давыдова, *Біографическій очеркъ графа Вл. Гр. Орлова*, ч. II, стр. 279. Спб. 1878.

дарь предъ концомъ своей жизни сознавалъ, что въ результатѣ его добрыхъ стремленій и попытокъ оказалось много, весьма много нежелательнаго ¹⁾; и всѣ благонамѣренныя росіяне должны были только отъ новаго царствованія ожидать лучшаго.

И. Курсунскій.

(Продолженіе будетъ).

---

¹⁾ Срав. сказанное въ *Русск. Архивъ* за 1886 г. № 11 по поводу письма государя къ кн. С. С. Мещерской.

ГИМНЫ ПРУДЕНЦІЯ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

(Продолженіе *).

VI.

(Гимнъ) въ прославленіе блаженнѣйшихъ мучениковъ: епископа Тарраконскаго Фруктуоза и діаконовъ Авгурія и Евлогія.

1. Счастливая Тарракона ¹⁾ поднимаетъ (свою) голову, блистающую вашими огнями, Фруктуозъ и два левита, далеко распространяющіе сіяніе! ²⁾

4. Богъ благосклонно призираетъ на Испанцевъ, коль скоро Всемогущая Троица вѣнчаетъ Иберійскую твердыню ³⁾ тропцею мучениковъ.

7. Воспарилъ горѣ пламенный Авгурій; вмѣстѣ съ нимъ устремляется къ небесному престолу Христа и свѣтоносный Евлогій;

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 15.

¹⁾ Городъ Тарракона (Таггасо), отъ котораго сѣверо-восточная часть Испаніи получила названіе Тарраконской (Hispania Tarracoenensis), находится при Средиземномъ морѣ нѣсколько сѣвернѣе устьевъ Эбро (Iberus).

²⁾ Ср. Рег. IV, 21—28, гдѣ представляется, что голова Тарраконы украшена діадемою, въ которой блистаютъ, подобно огнямъ, драгоценные камни, именно, мученикъ Фруктуозъ и его діаконы—Авгурій и Евлогій, вмѣстѣ съ нимъ пострадавшіе. Можно, также, здѣсь видѣть намекъ на кончину сихъ мучениковъ, сожженныхъ на кострѣ.

³⁾ Разумѣется Тарракона—важный укрѣпленный пунктъ.

10. Пресвѣтлѣй-же епископъ Фруктуозъ предшествовалъ имъ (въ стремленіи) къ такой чести, какъ ихъ вождь и учитель ⁴⁾.

13. Неожиданно потребованный правителемъ ⁵⁾ (сей), святитель явился на форумъ ⁶⁾ въ сопровожденіи двухъ левитовъ ⁷⁾.

16. Оттуда кровожадный палачъ повлекъ сихъ мужей въ темничное заключеніе: Фруктуозъ, радостный, самъ поспѣшно идетъ туда ⁸⁾.

19. Шествуя-же, дабы страхъ не объялъ спутниковъ (его), онъ, какъ бодрственный наставникъ, укрѣпляетъ и воспламеняетъ (ихъ) вѣру жаромъ Христовымъ.

22. „Пребудемъ непоколебимы, сотоварищи! свирѣпый змій призываетъ къ мукамъ служителей Божіихъ, пусть не страшитъ смерть, готова пальмовая вѣтвь ⁹⁾).

25. „Темница есть для чтителей Христа ступень къ вѣдцу (мученическому); темница приводитъ ихъ небеснымъ чертогамъ; темница дѣлаетъ Бога милостивымъ къ (нимъ) блаженнымъ“.

29. При сихъ словахъ они входятъ въ вертепъ, въ который заключаемы были преступники; тамъ совершаютъ они тайнственное омовеніе ¹⁰⁾ и ужасають мракъ очищеніемъ воднымъ ¹¹⁾.

31. Здѣсь въ продолженіи шести дней пребываютъ они; потомъ

⁴⁾ Эпитеты „пламенный“ (*ardens*, ст. 7; ср. ст. 68: *ardens supplicium*), „свѣтоносный“ (*lucidus*, ст. 9), „пресвѣтлѣй“ (*clarus*, ст. 12). приложенныя къ Августину, Евлогію и Фруктуозу, указываютъ, по Аревалю, на сожженіе сихъ мучениковъ.

⁵⁾ Разумѣется Эмилианъ, префектъ Испаніи въ 258 году. См. стих. 34.

⁶⁾ Форумъ (т. е. площадь) былъ въ древнемъ мірѣ средоточіемъ гражданской и общественной жизни (ср. Дѣян. XVI, 19): на форумѣ допрашивались мученики и предавались мукамъ (ср. Рег. I, 47; III, 64; VI, 126; X, 816. 1106).

⁷⁾ Т. е. Августинъ и Евлогія.

⁸⁾ Между тѣмъ какъ обыкновенно преступники не охотно идутъ въ темницу.

⁹⁾ Какъ въ живописныхъ изображеніяхъ пальмовая вѣтвь очень часто встрѣчается какъ символъ мученичества, такъ и здѣсь ею обозначается мученичeskій подвигъ или мученическое торжество.

¹⁰⁾ Т. е. таинство крещенія.

¹¹⁾ Можно разумѣть здѣсь и физическій мракъ, такъ какъ мѣста заключенія были лишены свѣта (ср. Рег. V, 237; X, 1107; XIII, 51—52; но еще болѣе основаній видѣть здѣсь указаніе на тьму духовную, т. е. демоновъ.

предстають предъ трибуналъ свирѣнаго врага ¹²⁾; катасты дрожать ¹³⁾ предъ тремя братьями ¹⁴⁾.

34. Грозно обращается (къ Фруктуозу) судія Эмилианъ; суровый, гнѣвный, дерзкій, нечестивый онъ повелѣваетъ (ему) почитать демонскіе жертвенники ¹⁵⁾.

37. „Ты—говорить—учитель, сѣющій новый вымыселъ, вслѣдствіе чего легкомысленныя дѣвицы перестали посѣщать роши ¹⁶⁾ и чтить Юпитера!

40. „Осуди, если ты мудръ, (это) пустое ученіе; императоръ Галліенъ повелѣлъ всѣмъ почитать то, что почитаетъ власть“.

43. На это святитель кротко отвѣтствуетъ: „Я почитаю Вѣчнаго Владыку, Создателя времени и Господа самому Галліену,

46. „Точно также почитаю Христа, рожденнаго отъ Вѣчнаго Отца, (Христа), Котораго я есмь рабъ и стада Котораго есмь пастырь“. Тотъ-же, смѣясь, говоритъ: „Быль“.

49. Не умѣряетъ и не удерживаетъ нечестивецъ (своего) гнѣва: приговариваетъ (исповѣдниковъ Христа) къ сожженію мучительнымъ огнемъ, тѣ-же радуются и воспрещаютъ народу плакать.

52. Видитъ святитель, что нѣкто изъ народа подноситъ ему стаканъ съ питьемъ ¹⁷⁾ и говоритъ: „Мы постимся; я не буду пить.

55. „Еще не наступилъ девятый часъ; никогда я не нарушу постановленнаго и самая смерть не заставитъ меня преступить мою (святую) заповѣдь ¹⁸⁾“.

58. „Страдалъ отъ жажды и Христосъ, когда, вися на крестѣ,

¹²⁾ Префекта Эмилиана.

¹³⁾ Подобную гиперболу встрѣчаемъ въ Рег. III, 13; VI, 102; ср. VI, 30. О катастахъ см. примѣчаніе 17 къ 1 мученическому гимну.

¹⁴⁾ Такъ какъ Пруденціи нерѣдко отличаетъ христіанъ названіемъ „братья“ (Рег. II, 73; VI, 133), то нѣтъ нужды предполагать, что Фруктуозъ, Авгурій и Евлогій были братья по плоти.

¹⁵⁾ Ср. Рег. V, 21 sqq.

¹⁶⁾ Разумѣются роши, въ которыхъ изычники чествовали своихъ боговъ, особенно сельскихъ.

¹⁷⁾ Имѣется въ виду обычай—давать пить осужденнымъ.

¹⁸⁾ Т. е. заповѣдь о постѣ, обанчянавшемся въ девятомъ часу по восходѣ солнца (ср. Cath. VIII, 9—16). До девятаго часа, по Елифанію, продолжался въ древности постъ среды и пятницы.

„отвергнулъ поднесенное ему питье и не восхотѣлъ оное отвѣ-
„дать“ ¹⁹⁾).

61. Между тѣмъ входятъ въ мѣсто, окруженное сидѣньями для зрителей ²⁰⁾; во множествѣ это мѣсто, обогряемое кровію множества звѣрей, посѣщаютъ неистовые,

64. Когда шумятъ кровавыя зрѣлища, когда падаетъ ни во-что вмѣняемый гладиаторъ, пораженный крѣпкимъ мечемъ и раздаются крики удовольствія.

67. Здѣсь разводится огонь; чернаго цвѣта служитель, которому повелѣно было предать пламени (мучениковъ), воздвигъ смертный костеръ,

70. Что долженъ былъ, разрѣшая (въ ничто) тѣла, осужденныя на сожженіе, освободить изъ сокрушенной темницы ²¹⁾ души, пламенѣющія желаніемъ небеснаго свѣта.

73. Нѣжно любящіе сотоварищи ²²⁾ соревнуютъ въ услугахъ; одинъ изъ нихъ наклонился, чтобы снять сандалии съ ногъ (Фруктуоза), когда они были освобождены отъ узъ.

76. Но святой Фруктуозъ воспрещаетъ наклоняться: „Пусть—
„говорить—ваша преданность не отягчаетъ нашу смерть.

79. „Я самъ разрѣшу (отъ обуви) мои ноги, дабы они, бывъ
„связаны, не умедлили ступить въ огонь.

82. „Зачѣмъ слезы увлажжаютъ ланиты (ваши)? зачѣмъ вы про-
„сите меня помнить о васъ? Я за всѣхъ буду молиться Христу“

85. При этихъ словахъ онъ самъ снимаетъ съ ногъ (своихъ) обувь, какъ нѣкогда сдѣлалъ Моисей, приближаясь къ купинѣ ²³⁾.

88. (Ибо) только съ обнаженными ногами можно ступить на священный огонь ²⁴⁾ или предстать Богу.

¹⁹⁾ Марк. XV, 23.

²⁰⁾ Въ подлинникѣ: *locum rotunda conclusum cavea*. Описывается амфитеатръ въ Тарраконѣ, развалины коего сохранились доселѣ.

²¹⁾ Т. е. изъ сгорѣвшихъ тѣлъ.

²²⁾ Разумѣются діаконы: Авгурій и Евлогій, пострадавшіе вмѣстѣ съ Фруктуозомъ.

²³⁾ Исх. III, 5; ср. Сатъ. V, 31—32.

²⁴⁾ Въ подлинникѣ: *non calcare sacrum cremationem... licebat*. Рѣчь здѣсь объ огнѣ, въ которомъ имѣли сгорѣть Фруктуозъ и его товарищи и который долженъ былъ возвести ихъ къ престолу Божію (ст. 97—99; ср. 70—72).

91. Вотъ уже нѣтъ на ногахъ (Фруктуоза) обуви; тогда въ дувовеніи съ неба раздаются слова, которыя приводятъ въ трепетъ всѣхъ слышавшихъ:

94. „Вѣрите: не есть казнь то, что вы видите; эта казнь чрезъ „малое время окончится; она не отнимаетъ жизнь, но возстановляетъ.“

97. „Блаженны души, чрезъ огонь вознесшіяся въ горнія обители Вседержителя; нѣкогда ихъ минуеть вѣчный огонь“.

100. Среди этого поспѣшно входятъ на костеръ (мученики), угрожая самому огню.

103. Веревки, связывавшія на спинѣ руки мучениковъ, обгорѣвъ, отпали; но кожа (на тѣлѣ ихъ) осталась невредимою.

106. Огонь не осмѣлился воспрепятствовать крестообразному воздѣянію дланей; руки мучениковъ остались свободными для молитвы къ Богу.

109. Такъ нѣкогда три отрока въ Вавилонѣ привели въ трепетъ тирана ²⁵⁾, воспѣвая (Бога) среди огня ²⁶⁾.

112. Тѣхъ пощадило тогда утихшее пламя, ибо не приспѣло еще время страданія и Христосъ не положилъ начала прекрасной смерти.

115. Отъ сихъ ²⁷⁾ сталъ (также) отбѣгать томительный жаръ; но они молятся, дабы устремился на нихъ огонь и прекратилось (ихъ) тяжкое испытаніе.

118. Владыка міра внемлетъ молитвѣ ихъ и повелѣваетъ ²⁸⁾, чтобы пріяли, наконецъ, смерть (Его) рабы и, оставивъ тѣлныя тѣла, возвратились къ Нему.

121. Видѣлъ одинъ изъ служителей правителя ²⁹⁾, что для мучениковъ отверзлось небо и (сіи) славные мужи вознеслись горѣ.

124. Онъ указалъ и дочери господина (своего) на сіе свидѣ-

²⁵⁾ Т. е. Навуходоносора.

²⁶⁾ Дан. III, 19—24; 91—92. Ср. Apoth. 129 sqq.

²⁷⁾ Разумѣются Фруктуозъ, Авгурій и Евлогій.

²⁸⁾ Въ подлинникѣ: exorata... maiestas... jubet.

²⁹⁾ Префекта Эмилиана.

тельство (о злодѣяніи отца ея), внушивъ, что погубленные форумомъ живутъ въ небѣ.

127. Дѣвица удостоилась ясно въ прозрачномъ воздухѣ видѣть восшествіе мучениковъ на небо, дабы домъ ³⁰⁾ ужасался преступленія домовладыки, оставшагося слѣпотствующимъ ³¹⁾.

130. Вѣрующіе собираютъ пепель отъ (сожженныхъ) святыхъ тѣлъ (мучениковъ) и облитыя чистымъ виномъ кости (ихъ) и все наперерывъ стараются добыть ихъ себѣ.

133. Столь велико было желаніе братіи ³²⁾ хранить въ домахъ своихъ или носить на груди своей святой прахъ, какъ священный даръ ³³⁾ и вѣрный залогъ благополучія!

136. Но (вотъ), дабы не разлучены были въ отдѣльныхъ гробницахъ останки (святыхъ мучениковъ), которые скоро должны воскреснуть и быть вмѣстѣ съ Господомъ,

139. Являются облеченные въ бѣлыя одежды ³⁴⁾ и повелѣваютъ собрать снова священный прахъ (всѣхъ трехъ мучениковъ) и заключить въ одной гробницѣ.

142. О тройственная честь! о тройственное украшеніе, отъ котораго возвышается глава нашего города ³⁵⁾, превосходя все города Иберійскіе!

145. Возрадуемся о—трехъ покровителяхъ, заступничествомъ которыхъ оберегаемся все мы—обитатели странъ Нирнейскихъ.

148. Да станетъ вокругъ хоръ изъ того и другаго пола! мужчины, дѣвушки, отроки, старцы, старицы! воспойте по зановѣданному вашего Фруктуоза!

³⁰⁾ Разумѣется семейство правителя.

³¹⁾ Или: не видѣвшимъ восшествія мучениковъ на небо.

³²⁾ Т. е. вѣрующихъ во Христа. Ср. Рег. II, 27. 73. 374.

³³⁾ Ср. Рег. I, 115; IV, 16; VII, 4 и др. м.

³⁴⁾ Въ подлинникѣ: *niveis stolis amicti*. Должно разумѣть здѣсь не ангеловъ, но самихъ трехъ мучениковъ—Фруктуоза, Авгурія и Евлогія, какъ это явствуетъ изъ актовъ ихъ мученичества. При томъ *niveis stolis amicti* равнозначительно съ *candidati*, а слово „*candidati*“ не однажды у Пруденція прилагается къ мученикамъ (напр. въ Рег. IV, 145).

³⁵⁾ Т. е. Тарраконы, хранившей останки мучениковъ Фруктуоза, Авгурія и Евлогія. Ср. стих. 1—3. 158.

151. Да раздастся гимнъ, восхваляющій Авгурія, а вмѣстѣ и Евлогія! Воспоемъ равнымъ (по достоинству) равными пѣснями!

154. Пусть оглашаются (этими пѣснями) позолоченныя кровли ³⁶⁾ нашей твердыни ³⁷⁾; пусть издають тихій лепетъ берега; пусть и море слагаетъ праздничную пѣснь!

157. Нѣкогда, при разрушеніи міра, Фруктуозъ тебя, Тарракона, защититъ отъ огня, избавитъ отъ лютаго наказанія.

160. Можетъ быть, онъ, прочитывая сладкіе (мой) гендекасилябы ³⁸⁾, удостоитъ, по благоволенію Христа, облегчить и мои муки!

П. Цвѣтковъ.

(Продолженіе будетъ).

---

³⁶⁾ „Въ древности кровли храмовъ нерѣдко позолачивались“ (Ареваль). Ср. Рег. XI, 220; XII, 49—50.

³⁷⁾ Ср. ст. 5 и примѣчаніе 3.

³⁸⁾ Гендекасилябами назывались стихи, имѣющіе одиннадцать слоговъ; таковыми гендекасилябами, именно фалековскими, написанъ шестой мученичскій гимнъ.

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Продолженіе *).

XL.

Другія основы платонизма, иначе идеализма (убѣжденіе въ существованіи нормативныхъ законовъ разума, въ бытіи свободы и въ высшемъ предназначеніи человѣка).—Обозрѣніе различныхъ философскихъ ученій со стороны этихъ основъ.—Защита сенсуализма противъ идеализма, предпринятая Лаасомъ.—Неправильность сужденій Лааса о платоновой критикѣ сенсуализма.—Въ чемъ заключается сущность древней софистики? Истинный смыслъ протагорова сенсуализма.—Какъ Лаасъ доказываетъ (противъ Платона), что сенсуализмъ не исключаетъ твердаго знанія?—Критическія замѣчанія противъ сужденій Лааса по этому предмету.

Третью черту платоновскаго идеализма составляетъ убѣжденіе, что есть нормативные законы какъ для нашей дѣятельности, такъ и для бытія, которые свой корень имѣютъ въ разумѣ, а не въ чувственности, и потому суть происхожденія сверхчувственнаго, внѣвременнаго, какъ это видно изъ того, что они имѣютъ силу господствовать надъ всѣмъ чувственнымъ: все дѣйствительное только чрезъ нихъ познаваемо, все составляющее предметъ воли только чрезъ нихъ есть благо. Это воззрѣніе о полномочіи разума предписывать законы бытію и человѣческой дѣятельности теоретическою своею стороною исходитъ изъ философіи Парменида, а практическою изъ философіи Сократа, но будучи чрезъ соединеніе той и другой стороны, доведено Платономъ до нѣкоторой полноты, оно съ

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 14.

тѣхъ поръ, болѣе, нежели какая либо иная часть платонизма, господствовала надъ философскимъ мышленіемъ разныхъ временъ и народовъ. Такъ, аристотелевская онтологія поконтя въполнѣ на томъ предположеніи, что мышленіе способно къ нормативнымъ всеобъединяющимъ опредѣленіямъ бытія; какъ напр. принципы тожества и противорѣчія, будто-бы въ силу чистой автономіи разума, по мнѣнію онтологистовъ платоново-аристотелевскаго характера, имѣютъ безусловно обязательную силу въ отношеніи ко всякому бытію, такъ что будто-бы несообразное съ тѣми принципами не только не мыслимо, но и не возможно, т. е. не можетъ существовать. „Если говорить *Гамильтонъ* англійскій философъ, котораго оспаривалъ *Д. С. Милль*, существованіе и несуществованіе объективно не противоположны, такимъ-же точно образомъ какъ субъективно противоположны утвержденіе и отрицаніе, то все наше мышленіе есть не болѣе, какъ иллюзія, ложь. Законы эти, собственнымъ авторитетомъ, вынуждаютъ насъ разсматривать ихъ какъ универсальныя законы не только человѣческаго мышленія, но и универсальнаго разума“. Поелику мы эту вещь должны такъ мыслить, поэтому она такъ и есть,—замѣчаетъ съ своей стороны *Лаасъ*, въ поясненіе идеалистической мысли о нормативныхъ законахъ.

Эти формы, принципы и законы въ платоническихъ кругахъ не только не признаются происходящими изъ опыта, напротивъ, считаются единственнымъ пробнымъ камнемъ и руководящею нитью для различенія истиннаго отъ мнимаго въ субъективномъ опытѣ и для разрушенія противорѣчій. Такъ *Лейбницъ* говоритъ, что они составляютъ средство для узнаванія истины. Платоники называютъ того скептикомъ, кто не вѣритъ въ эти онтологическія нормы. Но въ ближайшемъ опредѣленіи и выборѣ такихъ апріорическихъ нормъ бытія платонизмъ издавна обнаруживалъ колебанія и различіе мнѣній. Впрочемъ такія положенія,—какъ напр., что абсолютное бываніе (т. е. процессъ перемѣнъ происхожденія и разрушенія безъ начала и конца) невозможно, что все въ мірѣ происходитъ сообразно съ порядкомъ природы, что всякая перемѣна имѣетъ свою причину, что реальное въ мірѣ не умень-

шается, ни умножается, что при тѣхъ-же условіяхъ тѣ-же слѣдствія происходятъ,—постоянно выставляются какъ истины, которыя имѣютъ онтологическую необходимость, ибо мы должны ихъ такъ, а не иначе мыслить, слѣдовательно, не суть ни гипотезы, изобрѣтенныя нами и подтверждаемыя опытомъ, ни постулаты долженствующіе имѣть силу, если мы не хотимъ отказаться отъ нѣкоторыхъ потребностей познанія напр. этиологической (т. е. потребности для всего отыскивать причину), но суть категорическія, абсолютно вѣрныя истины, которымъ и самый опытъ долженъ подчиняться. Подъ вліяніемъ аристотелевской философіи постоянно были дѣлаемы попытки всѣ предполагаемые нормативные законы вывести изъ принципа тождества и противорѣчія, какъ основнаго абсолютнаго формальнаго принципа. *Кантъ*, правда, значительно ограничилъ власть разума. Онъ пришелъ къ заключенію, что теоретическія полномочія разума ограничены опытомъ,—чувственно наблюдаемымъ, природою; а ргіогі разумъ никогда не можетъ сдѣлать больше какъ только предопредѣлить (*anticipiren*) форму возможнаго опыта. Но ни *Фихте*, ни *Шеллингъ*, ни *Гегель* не могли свести этого ограниченія онтологическаго верховенства присвоеннаго духу. Все бытіе для нихъ, по выраженію Шеллинга, есть какъ-бы окаменѣлый (*erstarrte*) со всѣми своими ощущеніями и созерцаніями умъ.

Платоновское убѣжденіе о первоначальной нормативной абсолютной обязательной силѣ человѣческаго разума обнаружило еще большее вліяніе на почвѣ практической.

Какъ Платона отвратили отъ эмпиризма преимущественно этическія изслѣдованія, такъ и впослѣдствіи постоянно этика признавалась такою сферою, которая всего менѣе допускаетъ эмпирическую, а только генеалогическую обработку. Даже *Локкъ* былъ того мнѣнія, что моральныя истины, хотя и не врожденны, но могутъ быть доказываемы какъ какое-нибудь математическое положеніе. И нынѣ еще убѣжденіе о внутренней (апріорической) самодостовѣрности и объективно значущей, всесвязующей необходимости традиціонныхъ этическихъ нормъ, можно сказать, составляетъ главную составную часть философіи здраваго смысла. Значительнѣйшее большинство сбра-

зованныхъ людей убѣждены, что понятія обязанности и права неизгладимо начертаны въ сердцѣ каждаго самою природою; что каждому, неиспорченному дурною привычкою, внутренней голосъ съ неослабѣвающей силою говоритъ, что хорошо и что худо, что позволительно и что непозволительно. Что удивительнаго, если встрѣчаются писатели, которые, отвергнувъ платоновскую діалектику на почвѣ теоретической, находятъ ее въ области моральныхъ вопросовъ вполне умѣстною?

Понятіе о нормативныхъ законахъ необходимо предполагать дѣятельность, которая ими формируется, и такая дѣятельность очевидно должна быть свободная, ибо безъ этого условія законы были-бы простою необходимостію, необходимостію фактической, состоящею лишь въ неизмѣнномъ однообразіи происходящаго. Вотъ почему, вмѣстѣ съ предположеніемъ о нормативныхъ законахъ, и въ тѣснѣйшей связи съ нимъ, слѣдуетъ далѣе признать однимъ изъ важнѣйшихъ мотивовъ платонизма идею самодѣятельности, какъ необходимой принадлежности разума. Этотъ мотивъ (четвертый) платонизма въ изложеніи Лааса представляется въ слѣдующемъ видѣ: наши наблюденія (ощущенія) и чувствованія, а также оставляемы ими воспоминанія, чувственныя желанія и страсти, въ основаніи своемъ, суть пассивныя состоянія сознанія, происходяція извнѣ подъ вліяніемъ тѣлесныхъ процессовъ; но кромѣ этихъ состояній, есть чистое самодѣйствіе, исходящее извнутри нашего высшаго духовнаго существа. Эта самодѣятельность духа проявляется уже въ актахъ сужденія во всякомъ формированіи и упорядоченіи воспринятаго чувствами матеріала, во всѣхъ собственно такъ называемыхъ дѣйствіяхъ, составляющихъ обнаруженіе *свободы* нашего духа.

На такомъ различеніи активныхъ состояній духа отъ пассивныхъ основывается исполненная чаяній вѣра, что иное назначеніе и иное мѣсто рожденія, а не эта земля, не этотъ весь чувственный міръ и не эта жизнь, оканчивающаяся смертию, принадлежитъ тому духовному началу, которое мыслить и познаетъ и начертываетъ практическій идеаль. Эта вѣра составляетъ пятый важнѣйшій мотивъ платонизма.

Что воля человѣка способна къ дѣйствіямъ свободнымъ, не-

зависимымъ отъ воздѣйствія внѣшнихъ причинъ, а также что разумъ человѣка автономически предписываетъ волѣ абсолютно обязательные, имѣющіе всегдашнее значеніе законы,—это—широко распространенное и въ исторіи и въ настоящее время убѣжденіе. Особеннаго вниманія, по мнѣнію Лааса, заслуживаетъ то, какъ платоновская мысль о самодѣятельности (*Spontaneität*) и активности развилась далѣе на теоретической почвѣ. Какъ Платонъ активности сужденія и умозаключенія противопоставляетъ пассивность чувственнаго наблюденія, такъ Аристотель, по этому указанію, разлагая самый разумъ, умъ страдательному противопоставляетъ умъ дѣятельный, изъ которыхъ послѣдній, будучи нематеріальнымъ, безсмертенъ и вѣченъ, а первый, какъ зависимый отъ тѣла, вмѣстѣ съ нимъ, подлежитъ смерти. Отсюда, далѣе, дѣятельный умъ признавался отличительною принадлежностію человѣка. Далѣе, убѣжденіе въ томъ, что духъ въ своей безтѣлесной, свободной отъ всего чувственнаго сущности, есть активность разума, ясно и опредѣленно познающаго истину, въ соединеніи-же съ чувственностію—могущаго имѣть лишь не ясныя, смѣшанныя мысли, составляетъ зерно и важнѣйшій пунктъ всей картезіанской философіи, хотя и здѣсь, такъ-же какъ у Аристотеля, эта мысль о противоположности активныхъ и пассивныхъ состояній не была изложена съ полною ясностію. Картезіанская теорія наблюденія, съ ея тѣлесными, внѣшними возбужденіями и послѣдующими затѣмъ психическими продукціями и формаціями, имѣла важное значеніе въ исторіи, которое простирается даже до новѣйшей психологіи. Платоновское противоположеніе чувственной воспримчивости и духовной самобытности мы находимъ и у Спинозы, и у Лейбница, особенно-же у Канта и послѣдующихъ философовъ, у которыхъ оно является въ болѣе совершенномъ видѣ. „Человѣкъ, говоритъ Кантъ, есть самодѣятельное существо; самобытность моего мышленія причина того, что я называю себя разумнымъ существомъ (*intelligenz*)“. Кромѣ самодѣятельнаго разсудка, который есть источникъ категорій и господствующихъ надъ опытомъ высочайшихъ законовъ, человѣкъ обладаетъ, по Канту, еще болѣе самодѣятельною силою духа, разумомъ—источникомъ тѣхъ духовныхъ

произведеній, которыя онъ называетъ, слѣдую Платону, *идеями*. Разумъ, какъ чистая самодѣятельность, тѣмъ превосходитъ разсудокъ, что послѣдній своею дѣятельностію производитъ лишь понятія, служащія для подчиненія чувственныхъ представленій опредѣленнымъ правиламъ, такъ что безъ употребленія чувственности разсудокъ не могъ-бы мыслить, между тѣмъ какъ разумъ, подъ именемъ идей, являетъ совершенную независимость отъ всего чувственнаго,—чрезъ что человекъ далеко возвышается надъ чувственнымъ міромъ. Отсюда человекъ можетъ разсматривать себя двоякимъ образомъ, представляя себя какъ такое существо, которое принадлежитъ двоякому міру—чувственному и духовному, и подчинено съ одной стороны натуральнымъ законамъ, а съ другой—законамъ независимымъ отъ природы, но имѣющимъ свое основаніе въ разумѣ.

Взявъ во вниманіе ученіе Капта о трансцендентальной свободѣ, объ автономіи разума стремящагося къ безусловному, *Фихте* видитъ абсолютно первое, просто безусловное основоположеніе всякаго человѣческаго знанія въ томъ недоказуемомъ дѣйствіи (*That-handlung*), которое лежитъ въ основаніи всего сознанія, и дѣлаетъ его возможнымъ, именно въ первоначальномъ, абсолютно свободномъ положеніи бытія нашего я, каковое положеніе совершается чрезъ него-же самаго. То, чего бытіе состоитъ лишь въ положеніи себя самаго, какъ сущаго, есть я,—абсолютный субъектъ. И далѣе весь міръ а priori выводится изъ самодѣятельности духа, при чемъ оказывается, что дѣйствія духа, образующія міръ данный въ нашемъ сознаніи, совершаются по законамъ обыкновенной логики, прежде всего по законамъ тождества и противорѣчія. Эти логическіе принципы, на почвѣ реальной логики Гегеля, которая имѣла смѣлость изъ себя раждать всѣ матеріалы и факты, должны были однако дать мѣсто какъ-бы гераклитовской игрѣ перемѣнъ, не допускающей ничему оставаться тождественнымъ, а безъ устали, въ вакхическомъ изступленіи, обращающей все въ противное себѣ, дабы тождественное и противное, какъ моменты постоянно исчезали въ высшемъ единствѣ. На мѣсто выразительныхъ и энергическихъ терминовъ *Фихте*: я, *дѣло*, *дѣйствіе*, *свобода* выступаютъ лишь діалекти-

ческія эволюціи понятія, вслѣдствіе чего великое платоновско-каптовское фундаментальное различіе между чувственностію и разумомъ, между пассивностію чувствъ и активностію духа, исчезаетъ въ однообразіи процесса. Тѣмъ не менѣе внутренняя діалектика вещи, такъ сказать, требовала этого перехода отъ фихтевскаго къ гегелевскому идеализму. Если духъ ничего извнѣ не воспринялъ, если съ другой стороны онъ свои дѣйствія произвелъ по имманентному логическому закону, то какая надобность была удерживать еще антитезу воспримчивости и самобытности, страданія и дѣйствія?

А вмѣстѣ съ уничтоженіемъ означеннаго различія и великая противоположность всего платоновскаго идеализма, противоположность между чувственностію и разумомъ, между животнымъ и человѣкомъ, все болѣе лишалась своего специфическаго характера. Поэтому нельзя считать случайностію, что съ появленіемъ трудовъ *Дарвина* нѣкоторымъ гегелианцамъ не трудно было принципы своего учителя постепенно приспособить къ новой теоріи эволюціи.

Какъ пассивной чувственности дуалистически противостоятъ мыслящій разумъ, такъ сверхъ чувственныхъ объектовъ долженъ существовать, по Платону, противоположный имъ умопостигаемый міръ, съ которымъ не чувственность, а только разумъ сроденъ; чувственный міръ даетъ намъ лишь несовершенное, неясное отображеніе міра сверхчувственнаго.

Ни одинъ корень платонизма, говоритъ Лаасъ, такъ много не выгналъ вѣтвей и порослей въ нефилософскомъ воздухѣ и такъ роскошно не распустился въ романтику, фантастику и мистицизмъ, какъ платоновское влеченіе (*Sehnsucht*) къ чему-то высшему въ трансцендентномъ смыслѣ, къ болѣе прекрасному и совершенному міру. Но прослѣдить всѣ мечты и чаянія этого рода, по мнѣнію Лааса, крайне трудно и бесполезно, а потому онъ ограничивается указаніемъ на *Канта*. Это единственный значительный философъ, который и въ этомъ отношеніи весьма близокъ къ Платону. Сверхчувственное, къ которому его душа привязана, не есть темное первооснованіе чувственнаго бытія, не заключается въ демокритовскихъ атомахъ; подобно Платону онъ мыслить вполне дуалистически;

сверхчувственное для него есть нѣчто противоположное всему чувственному, чисто духовное. Ему, также какъ и Платону, сверхчувственное нужно не столько для изъясненія чувственнаго міра, сколько для нравственнаго возвышенія человѣка. Сверхчувственное, простое, по Канту, не можетъ быть однородною частью чувственнаго. Еслибы наши чувства до безконечности были изощрены, и тогда для нихъ было-бы невозможно соприкосновеніе съ абсолютно простымъ, такъ какъ сами въ себѣ они ничего простаго не заключаютъ. Тѣла не суть самыя вещи въ себѣ, и то чувственное представленіе ихъ, которое мы обозначаемъ именемъ тѣлесныхъ вещей, есть лишь явленіе того, чтѣ, какъ вещь въ себѣ, одно только и можетъ содержать въ себѣ простое. Такъ какъ всѣ понятія разсудка только въ области возможнаго опыта могутъ дать намъ познаніе, то сверхчувственное, т. е. вышеопытное, для насъ непознаваемо. А потому о предметахъ, именуемыхъ Кантомъ *Noisena*, не можетъ быть, по его ученію, никакого теоретически-догматическаго познанія, никакой науки.

Выше сказано, что не ради изъясненія чувственнаго даннаго Кантъ признаетъ бытіе сверхчувственнаго міра, но дабы вложить въ человѣка идеальныя нравственныя цѣли, и потому сверхчувственный міръ даже противопологается чувственному. Вотъ почему далѣе Кантъ изъ мысли, что явленіе предполагаетъ являемое, а также изъ заключающагося въ чистыхъ понятіяхъ разсудка указанія на умопостигаемыя, т. е. абсолютно свободныя отъ условій чувственности субстанціи и причины, и наконецъ изъ категорическаго императива (т. е. нравственнаго закона, который вытекаетъ изъ автономнаго разума), изъ всего этого соткалъ практически нравственную вѣру въ умопостигаемую свободу человѣка (въ отличіе отъ животнаго) въ безсмертіе души и бытіе разумнаго и сообразно съ нравственнымъ закономъ дѣйствующаго виновника міра ¹⁾.

Итакъ стремленіе къ безусловному, вѣра въ законодательную силу разума (бытіе нормативныхъ законовъ), въ свободу человѣка и бытіе сверхчувственнаго міра,—таковы важнѣйшіе,

¹⁾ Ч. 1-я, стр. 126—176.

безспорные мотивы платонизма. Что-же доказывается кратко изложеннымъ нами историческимъ обзорѣмъ означенныхъ мотивовъ? Можно-ли сказать, что цѣль, которую при этомъ предположилъ Лаасъ, точно имъ достигнута? Историческимъ обзорѣмъ платонизма и антиплатонизма, т. е. сенсуализма, Лаасъ хотѣлъ, какъ можно убѣдительно, и такъ сказать наглядно представить превосходство послѣдняго надъ первымъ. На самомъ-же дѣлѣ, вопреки намѣренію Лааса, его обзорѣніе платонизма и сенсуализма доказываетъ противоположное тому, что онъ хотѣлъ доказать. Какъ ни бѣденъ сенсуализмъ по содержаніемъ своимъ и числомъ видныхъ представителей, на которыхъ Лаасъ могъ указать, однако и самъ онъ не могъ скрыть того, что выраженное представителями сенсуализма частію послужило въ ущербъ этому направленію, а частію настолько неполно и даже невѣрно, что требуетъ исправленія и дополненія. Напротивъ, обзорѣвая мотивы платонизма, какъ они выразились у разныхъ представителей этого направленія философіи, Лаасъ не указываетъ ни рѣзкихъ противорѣчій, ни какихъ-либо рѣшительныхъ отступленій отъ основныхъ началъ платонизма, ни явныхъ искаженій. Только у Гегеля онъ указываетъ противное истинному духу платонизма устраненіе двойственности представляемой активной природою разума и пассивнымъ характеромъ чувственности, что, по мнѣнію Лааса, дало послѣдователямъ Гегеля легкую возможность усвоить дарвиновскую теорію эволюціи; на самомъ-же дѣлѣ и Гегель не отрицалъ противоположности между чувственностію и сверхчувственною природою духа, а только училъ, что духъ дѣятельно осуществляетъ и проявляетъ себя въ чувственной природѣ и такимъ образомъ самъ постоянно создаетъ свое единство съ природою, между тѣмъ какъ по ученію дарвинистовъ наоборотъ, — природа создаетъ всѣ основныя свойства и проявленія духа. Какъ-бы то ни было, во даже и въ изложеніи Лааса оказывается полное согласіе и существенное единство между представителями такъ назыв. платонизма, т. е. идеализма относительно важнѣйшихъ необходимыхъ основаній его. Только пролическій тонъ изложенія показываетъ, что идеализмъ не внушаетъ Лаасу ни малѣйшей симпатіи къ себѣ. Между тѣмъ

достойно замѣчанія, что означенное единство и согласіе между представителями идеализма не было и не могло быть послѣдствіемъ прямаго вліянія со стороны философіи Платоновой. Въ самомъ существѣ идеализма лежитъ и потребность единства и основанія къ удовлетворенію такого единства, чего нельзя сказать относительно сенсуализма, или иначе, позитивизма. Лаасъ и самъ очевидно видитъ, что исторія нисколько не свидѣтельствуєтъ противъ платонизма и потому далѣе онъ берется доказать, что и въ дѣятельности теоретической, и въ дѣятельности практической возможно обойтись безъ указанныхъ выше мотивовъ платонизма.

Рѣшеніе этой своей задачи онъ начинаетъ съ того, что старается оправдать протагоровскій сенсуализмъ противъ критически выведенныхъ Платономъ его послѣдствій, уничтожающихъ и возможность твердаго знанія и возможность нравственно общественной жизни. Такъ какъ Лаасъ ведетъ борьбу противъ платонизма, то и понятно, что онъ счелъ первымъ своимъ дѣломъ отстоять того, въ комъ Платонъ самъ видѣлъ своего противника. Вотъ что говоритъ Лаасъ въ защиту сенсуализма противъ Платона.

„Платонъ признаетъ свойствами чувственнаго наблюденія, дѣлающими невозможнымъ приобрѣтеніе чрезъ него твердаго устойчиваго познанія,—непостоянство, измѣнчивость и относительность обѣихъ сторонъ въ процессѣ наблюденія (субъективной и объективной); свойства эти, по причинѣ неразрывной связи наблюденія съ наблюдаемымъ въ равной мѣрѣ относятся и къ послѣднему, почему какъ наблюденіе есть познаніе несовершенное, такъ наблюдаемое составляетъ собою самый несовершенный видъ бытія. Характеризуемое такимъ образомъ Платономъ ученіе Протагора ничего общаго не имѣетъ съ субъективизмомъ новой философіи, ибо никакого преимущества не дается въ этомъ ученіи субъекту надъ объектомъ, напротивъ признается равное значеніе и участіе въ познаніи какъ субъекта, такъ и объекта, изъ которыхъ ни тотъ, ни другой по этому ученію немислимы отдѣльно“. По мнѣнію Лааса, ученіемъ Протагора ничего болѣе не утверждается, какъ только тотъ всѣмъ доступный и общеизвѣстный *фактъ*, что объекты непо-

средственно извѣстны только какъ предметы нашего сознанія, какъ содержаніе его, а субъекты—только какъ центры отношенія, или какъ мѣсто обозрѣнія, какъ подкладка содержащагося въ наблюденіи; утверждая лишь этотъ фактъ соотношенія между субъектомъ и объектомъ, ученіе, излагаемое Платономъ подъ названіемъ протагоровскаго, не нуждается для своего оправданія ни въ какой метафизической теоріи. Законность означеннаго ученія заключается просто въ томъ, что оно есть *позитивизмъ*, если разумѣть подъ названіемъ позитивизма ту философію, которая никакихъ иныхъ основоположеній не признаетъ кромѣ *положительныхъ фактовъ* (positive Thatsachen), т. е. внѣшнихъ и внутреннихъ наблюденій, которая отъ всякаго мнѣнія требуетъ, чтобы оно указало на какихъ фактахъ опыта оно опирается.

Не только мысль о соотносительности, свойственной наблюденію, опирается на фактахъ, но также измѣнячивость объектовъ наблюденія во всякое время подтверждается фактами. Равно фундаментальное утвержденіе сенсуализма, что всѣ высшіе духовные процессы и состоянія: мышленіе, познаніе, разумъ, должно понимать какъ закономѣрно преобразованныя наблюденія (ощущенія) и опыты (Erlebnisse) чувствующаго, испытывающаго нужды, одареннаго памятью и способностію къ произвольному движенію существа,—это утвержденіе ни въ чемъ болѣе не нуждается какъ только въ фактахъ. Во всемъ этомъ ничего такого нѣтъ, что не содержалось-бы въ ученіи Протагора, или по крайней мѣрѣ не согласовалось-бы съ нимъ. Только въ одномъ пунктѣ Лаасъ находитъ невозможнымъ согласиться съ Протагоромъ, именно въ томъ, что чувствованіе удовольствія и неудовольствія, и по природѣ и психологическому значенію, одинаковы съ ощущеніями, т. е. суть зависимыя отъ тѣла, страдательныя состоянія и объекты души, иначе—воспріятія. Если гдѣ, то именно здѣсь слѣдуетъ полагать корень различія, проходящаго чрезъ всю жизнь и все наше познаніе, различія между субъектомъ и объектомъ. Содержаніе ощущенія объективно, но сопровождающее его и отъ него неотдѣлимое сознаніе—субъективно, а сознаніе всегда имѣетъ извѣстный оттѣнокъ чувства; во всякій моментъ субъектъ совна-

даетъ со своимъ чувствованіемъ; чувство принадлежитъ субъективной сторонѣ каждаго жизненнаго момента; первоначально оно только и есть; когда-же чувство воспоминается, то дѣлается объектомъ (мы различаемъ его отъ своего я какъ состояніе), но за то чувство, которымъ сопровождается самое воспроизведеніе,—субъективно.

Измѣняемость объектовъ наблюденія, какъ сказано, постоянно подтверждается фактами, но эта измѣняемость не такова, какъ изображаетъ ее Платонъ, излагая ученіе Протагора;—ею не исключается возможность, при повторительной встрѣчѣ съ объектами узнавать, что это тѣже самые объекты, т. е. находить тожество. Опытъ противорѣчитъ понятію измѣняемости, какое даетъ намъ Платонъ, излагая ученіе Протагора, и потому трудно допустить, чтобы и самъ Протагоръ имѣлъ такое-же понятіе объ измѣняемости. Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, что подлинное ученіе Гераклита о текучести вещей не стоитъ въ противорѣчьи съ задачами научнаго познанія. Нельзя сказать, что наука не имѣетъ иныхъ задачъ, какъ только познавать *мѣру и законъ*, однако-же это несомнѣнно двѣ важнѣйшія ея задачи, и притомъ наиболѣе близкія къ платоновскому идеалу науки. Поэтому гераклитовскій огонь, который по опредѣленной *мѣрѣ* то воспламеняется, то потухаетъ, солнце, которое *мѣры* не переступить, судьба, разумъ, о которыхъ онъ говорилъ,—все это не было-ли выраженіемъ границы, закона и порядка природы?

Критикуя платоновское изложеніе ученія Протагора, Лаасъ видимо колеблется, впадаетъ въ противорѣчіе, самъ-же потомъ утверждаетъ то, что прежде отрицалъ. Не чувствуетъ-ли онъ, что неправильно смотритъ на отношеніе Платона къ Протагору и ложно толкуетъ критику платоновскую? Въ самомъ дѣлѣ, Лаасъ прежде всего настаиваетъ на томъ, что между протагоровымъ ученіемъ объ относительности нашего познанія и гераклитовскою текучестью вещей нѣтъ необходимой связи, и отсюда заключаетъ, что не Протагоръ самъ выводилъ свое ученіе объ относительности познанія изъ гераклитовой текучести вещей, а Платонъ навязалъ Протагору такой выводъ. Хотя-бы и точно не было связи между протагоризмомъ и ге-

раклитизмомъ (будемъ такъ выражаться для краткости),—чего однако сказать нельзя,—то и это еще не даетъ права утверждать о самопроизвольномъ усвоеніи Платономъ Протагору того, чего послѣдній не утверждалъ. Далѣе, разъ признавъ, что гераклитизмъ—произвольная приставка къ ученію Протагора, и имѣя дѣло только съ этимъ послѣднимъ, Лаасъ долженъ-бы, въ такомъ случаѣ, гераклитову текучесть оставить безъ вниманія. Между тѣмъ что-же мы видимъ? Съ одной стороны и гераклитовское ученіе объ измѣняемости вещей Лаасъ защищаетъ противъ того преувеличенія, съ какимъ оно представлено у Платона, съ другой-же стороны это ученіе въ томъ самомъ преувеличенномъ видѣ, въ какомъ оно излагается у Платона, Лаасъ признаетъ вполне согласнымъ съ дѣйствительностію. Вотъ что мы читаемъ у него объ этомъ. По изложенію Платона, если въ актѣ наблюденія ощущается цвѣтъ, крѣпость, теплота, то эти качества—не самостоятельныя реальности, а происходятъ вмѣстѣ съ актомъ наблюденія и прилагаются объектамъ какъ присущія имъ свойства. Да и самыя эти объекты—не болѣе какъ только агрегаты такихъ не-самостоятельныхъ текучихъ воспріятій. А какъ сказанное о частяхъ относится и къ цѣлому, то и цѣлые объекты также имѣютъ лишь измѣняющееся съ актомъ наблюденія, преходящее существованіе. Равно и о сознаніи, какъ соотносительномъ съ наблюдаемымъ, тоже слѣдуетъ признать: и субъекты, а не только объекты, имѣютъ лишь относительную, текучую реальность. „Такія положенія, говоритъ Лаасъ, когда слышать ихъ въ первый разъ, идутъ въ разрѣзъ съ натуральнымъ и обычнымъ взглядомъ столь радикально, что на большинство они могутъ сдѣлать впечатлѣніе лишь фокуса не стоящаго вниманія, и однакъжъ положенія эти того-же характера и содержанія какъ и тѣ, которыя мы признали основаніемъ позитивизма, и выражаютъ лишь то, что въ дѣйствительности происходятъ. Только вслѣдствіе того, что мы слишкомъ привыкли дѣлать скачекъ отъ первоначально и фактически предлежащаго къ связующимъ это фактически данное, дополняющимъ его, сравнивающимъ и истолковывающимъ представленіямъ, смѣшивать эти представленія съ непосредственно дан-

нымъ и даже въ замѣнъ его подкладывать ихъ,—только по этому намъ кажется страннымъ и даже смѣшнымъ то воззрѣніе, которое рѣшительно отбрасываетъ эти *добавленія рефлексіи*“.

Какъ-же послѣ этого можно считать неправильною Платонову характеристику протагоровой точки зрѣнія, если эта характеристика именно то самое и выдвигаетъ на первый планъ—текучесть, измѣняемость явленій,—въ качествѣ основоположенія протагоровой философіи, что теперь самъ-же Лаасъ указываетъ, и также въ качествѣ основы, на которой утверждается позитивизмъ. Считать преувеличеніемъ и искаженіемъ Платоново изложеніе протагоровскаго ученія значитъ просто не повимать той точки зрѣнія, на которой стоялъ Протагоръ, какъ представитель софистики, и въ которой заключается сущность софистики. Но дѣло въ томъ, что въ позитивизмѣ, несмотря на кажущійся радикализмъ, традиціи сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо. По примѣру Грота, извѣстнаго англійскаго историка древней Греціи, эмпирическаго школою позитивистовъ принято защищать древнихъ софистовъ противъ уничтожающей ихъ критики Платона и Аристотеля¹⁾. Современные эмпири-

²⁾ „Не далеко еще время, читаемъ у Ланге, когда знали только темную сторону софистики. Насмѣшки Аристофана и нравственная строгость Платона соединились съ безчисленными анекдотами философовъ болѣе поздняго времени, чтобы взвалить на имя софистики рѣшительно все, что только ня встрѣчалось по части необузданныхъ хитросплетеній, лживой діалектики и систематической безнравственности“ и т. п. И далѣе приведены слѣдующія слова Льюиса: „карикатура Аристофана на Сократа такъ-же мало приближается къ правдѣ, какъ и карикатура на софистовъ у Платона, съ тою разницею, что въ одномъ случаѣ она вызвана политическимъ, а въ другомъ умозрительнымъ отвращеніемъ“. Къ этому Ланге присоединяетъ еще замѣчаніе: „Гротъ показываетъ намъ, что эта фанатическая ненависть принадлежала собственно Платону“. 1, 32 (28)—Аристофанъ могъ представить Сократа въ каррикатурномъ видѣ по той причинѣ, что не понималъ его, ибо вообще былъ далекъ отъ философіи. Но какъ могъ Платонъ изобразить каррикатурно софистовъ, между тѣмъ какъ опъ,—въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія,—выше ихъ стоялъ въ философскомъ отношеніи и слѣдовательно могъ отлично понимать софистовъ и даже лучше чѣмъ сами они себя понимали? Попеволь приходится обвинять Платона въ недобросовѣстности, въ фанатической ненависти, но гдѣ-же тогда нравственная строгость Платона, которую и Ланге признаетъ и даже ставитъ въ числѣ причинъ дурной славы софистовъ. Впрочемъ далѣе Ланге самъ противъ Льюиса, защищающаго

ки и позитивисты чувствуютъ свое родство съ древними софистами, и этимъ только развѣ можно оправдать защиту древнихъ софистовъ, ибо находить критическія сужденія Платова о софистахъ несправедливыми и пристрастными можно только при совершенномъ непониманіи истиннаго существа древней софистики, каковое непониманіе впрочемъ и неудивительно у позитивистовъ, при очевидномъ отсутствіи у нихъ историческаго смысла.

Въ чемъ заключается сущность древней софистики?

Важною заслугою древнихъ софистовъ признается то, что они измѣнили кореннымъ образомъ отношеніе человѣческаго сознанія ко внѣшней дѣйствительности. До софистовъ это от-

---

софистовъ, замѣчаетъ: этой защиты достаточно, чтобы признать софистовъ людьми честными и безупречными въ смыслѣ общезалинской морали; но недостаточно чтобы опровергнуть взглядъ, что софистика была *разлагающимъ элементомъ* въ эллинской культурѣ. Стр. 35 (31). Что дѣйствительно таково было значеніе софистики, это несомнѣнно признаетъ самъ Ланге, что можно видѣть изъ слѣдующихъ его словъ: „пока люди держатся преданій, существуетъ известная преграда честолюбію и талантамъ отдѣльныхъ лицъ. Всѣ эти преграды уничтожаются основнымъ положеніемъ, что всякій отдѣльный человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей. Только наличная дѣйствительность охраняетъ отъ такой опасности, но дѣйствительность оказывается несогласною съ разумомъ, такъ какъ мышленіе побуждаетъ, не довольствуясь тѣмъ, что дано, идти все далѣе. Это явненіе скоро поняли, и вотъ не только философы, но и рыные ихъ противники учились разсуждать, критиковать, спорить, проектировать. Софисты создали также демагогію, потому что они учили ораторскому искусству, прямо указывая на то какъ нужно управлять толпою по своей волѣ и въ своихъ интересахъ“. Стр. 39 (35). И такъ, пусть софисты были люди добронорядочные и безупречные въ смыслѣ житейской, обиходной морали, не это главное; вопросъ можетъ быть только о значеніи софистики, а не о личномъ характерѣ софистовъ; но о значеніи софистики довольно вразумительно говорятъ сейчасть приведенныя слова самого Ланге.—Словами—*софистъ*, *софистика* точно нерѣдко злоупотребляютъ, но не въ томъ смыслѣ, что обременяютъ память софистовъ слишкомъ тяжелыми обвиненіями, а въ томъ, что вѣроятно по причинѣ большихъ стараній оправдать софистовъ, утратилось точное понятіе о софистикѣ, и, за устраненіемъ нравственныхъ мотивовъ, всякое ошибочное рассужденіе, умозаключеніе называя софистикою, полагаютъ такимъ образомъ сущность софистики въ несовершенствѣ чисто умственныхъ операцій. Если всякій, у кого встрѣчаются неправильные и противорѣчивые сужденія и выводы, можетъ быть названъ софистомъ, тогда всѣ философы заслуживаютъ такого наименованія, причѣмъ по всей справедливости оно должно относиться и къ тому, кто имъ пользуется въ столь неопредѣленномъ смыслѣ. Нельзя напр. согласиться съ тѣмъ опредѣленіемъ софиста, какое встрѣчаемъ въ книгѣ *Функъ-Брентано Les Sophistes Grecs et les Sophistes contem-*

ношеніе было прямымъ, непосредственнымъ, чуждымъ рефлексіи. Философы, бывшіе до софистовъ, въ глубинѣ души вѣрили и нимало не сомнѣвались, что внѣшняя дѣйствительность въ подлинномъ своемъ видѣ, безъ всякаго измѣненія, отображается, или по крайней мѣрѣ, можетъ отображаться въ нашемъ сознаніи. Съ этимъ наивнымъ убѣжденіемъ стоитъ въ неразрывной связи то предположеніе, что истина, т. е. совершенно вѣрное изображеніе внѣшней дѣйствительности въ ея сущности можетъ цѣликомъ какъ-бы входить въ нашъ умъ, причемъ съ нашей стороны, по этому предположенію, требуется лишь предаться во власть дѣйствующаго на насъ со внѣ общаго разума вещей, не заграждать своими суетными желаніями и страстями пути для голоса этого общаго разу-

rogains, 1879. „Софистъ, говорятъ онъ, не ищетъ новаго принципа, но намѣревается разрушить трудности того *принципа, который онъ принимаетъ*; его не прельщаетъ задача найти новое рѣшеніе, но онъ хочетъ открыть болѣе сильныя основанія для рѣшенія имъ принимаемаго, придаетъ слишкомъ большую важность доказательствамъ, привязывается къ значенію словъ, анализируетъ, изслѣдуетъ, доводитъ до утонченности естественныя формы разсудка, опровергаетъ мнѣнія противныя, находятъ отвѣтъ на всѣ возраженія; различія, которыя онъ устанавливаетъ, неуловимы; аргументы, приводимые имъ въ свою пользу, безконечны; инстинктивное сознаніе истины помрачается, чувство реальности исчезаетъ. *Изучая софистовъ, найдемъ у нихъ утвержденія странныя, разсужденія лишеныя смысла, недоразумѣнія многочисленныя*; извороты словъ, принимаемые за интеллектуальныя законы“ р. 12. Всѣ эти черты характеризуютъ схоластика, а не софиста. Ошибки и всякаго рода извороты, къ которымъ прибѣгаютъ подъ вліяніемъ желанія отстоять и защитить мысль принимаемую за истину (желаніе само по себѣ вполне безупречное), нельзя считать признакомъ софиста. Точно софистъ пользуется всякими уловками и изворотами, но не съ тѣмъ, чтобы защитить и отстоять какой-либо принципъ принимаемый имъ за истинный. Софистъ не признаетъ никакихъ принциповъ; софистика, какъ мнимая, ложная мудрость противоположна мудрости истинной. Настоящая мудрость ищетъ разъясненія предмета съ цѣлью познанія истины; софистика, напротивъ, въ томъ заключается, чтобы и ясное сдѣлать темнымъ, спутать мысль, сбить съ толку, когда того требуетъ *выгода*; посему истинная мудрость одушевляется *убѣжденіемъ*, а софистика—*корыстнымъ расчетомъ*. Такъ какъ софисты пользовались, или вѣрнѣе злоупотребляли *діалектикою*, (искусство доказыванія, диспутированія), то поэтому многіе даже діалектику смѣшиваютъ съ софистикою (Зенона поэтому ложно причисляютъ къ софистамъ), вслѣдствіе чего о діалектикѣ нерѣдко выражаются такъ, какъ-бы это было что-то фальшивое, пустое и даже злое, забывая, что многіе отцы Церкви были искусными діалектиками,—напримѣръ Афанасій Александрійскій, извѣстный защитникъ православія противъ Арія.

ма въ нашъ духъ, такъ чтобы этотъ голосъ свободно могъ входить въ него и свободно раздаваться въ немъ. Такое предположеніе было въ полномъ согласіи съ народнымъ вѣрованіемъ, что божество внушаетъ человѣку и намѣренія и самыя мысли, какъ добрыя, такъ даже и дурныя. Когда вмѣстѣ съ утвержденіемъ, послѣ персидскихъ войнъ, демократическаго образа правленія въ Аѳинахъ, каждый гражданинъ на дѣлѣ видѣлъ и сознавалъ себя, такъ сказать, строителемъ и общегосударственнаго и своего собственнаго благополучія, когда при дѣятельномъ участіи всѣхъ гражданъ и въ управленіи государствомъ и въ судопроизводствѣ, каждому открывалась возможность личнымъ трудомъ и талантами выдвинуться изъ толпы, приобрѣсти особое вліяніе на дѣла, чѣмъ конечно въ сильнѣйшей степени возбуждались своекорыстныя личныя стремленія и расчеты, — тогда натурально и древнее вѣрованіе о всецѣлой зависимости человѣка, и по тѣлу и по душѣ, отъ власти божества должно было утратить свою первобытную силу; человѣкъ научился опытомъ жизни считать зависимымъ и свое счастье и свое несчастье болѣе отъ самого себя, отъ своего умѣнья и неумѣнья, нежели отъ воли боговъ, отъ ихъ расположенія или не расположенія. Но какъ и гдѣ приобрѣсти искусство вести свои дѣла такъ, чтобы въ результатѣ могло получиться и собственное наше благополучіе и благополучіе друзей, а пожалуй и благо государства, насколько оно совмѣстимо съ нашимъ личнымъ благосостояніемъ? Софисты открыто хвалились, что они могутъ желающихъ надѣлать такимъ искусствомъ, требуя за это должнаго вознагражденія, ибо указывая другимъ путь къ благополучію, какъ было не позаботиться при этомъ о собственномъ благосостояніи. Англійскіе софисты, оправдывая древнихъ софистовъ, говорятъ при этомъ, не естественно-ли каждому смотрѣть на свой трудъ какъ на источникъ своего благосостоянія? Этого конечно нельзя отрицать. Но когда такой взглядъ на свой личный трудъ имѣетъ своимъ источникомъ отрицаніе всякихъ болѣе высокихъ цѣлей и интересовъ, требующихъ самопожертвованія, или если онъ ведетъ къ такому отрицанію, тогда, безъ явнаго ущерба для нравственности, нельзя согласиться съ тѣмъ взглядомъ. Это

именно мы и видимъ у древнихъ софистовъ. Для древнихъ философовъ высшею цѣлью, побуждавшею ихъ пренебрегать всякими личными интересами и своекорыстными расчетами, было исканіе истины. Между тѣмъ софисты эту цѣль рѣшительно отрицали. Выше сказано, что древніе философы истину разумѣли какъ, отображеніе познаваемой дѣйствительности въ нашемъ духѣ. Теперь-же, когда пришли къ сознанію, что положеніе человѣка въ мірѣ, его судьба, есть нѣкоторымъ образомъ дѣло его рукъ, то и относительно истины, какъ цѣли умственной дѣятельности человѣка, явилась мысль,—не есть-ли также и истина нѣчто зависимое отъ самого-же человѣка, нѣчто условное, относительное, именно—опредѣляемое тѣмъ, какъ каждый въ отдѣльности, по своему положенію и состоянію, по личнымъ своимъ свойствамъ и временнымъ настроеніямъ духа, смотритъ на вещи? И точно, что показываетъ опытъ? О всякой вещи мы встрѣчаемъ великое разнообразіе мнѣній, при чемъ каждый увѣренъ, что его мнѣніе есть истинное; этого мало: даже одинъ и тотъ-же человѣкъ въ разное время объ известномъ предметѣ судитъ различно; не значить-ли это, что только названіе вещи осталось тѣмъ же, самая-же вещь, а равно и человѣкъ судящій—измѣнились. Известное положеніе Протагора: человѣкъ—мѣра всѣхъ вещей, прямо выражаетъ эту мысль. Прежде думали не такъ; не измѣнчивый и условный разумъ отдѣльнаго человѣка, а всеобщій разумъ въ природѣ признавался мѣрою вещей. Такимъ образомъ истина была прежде понимаема въ значеніи безусловной, безотносительной цѣли, имѣющей равную силу и значеніе для всѣхъ умовъ стремящихся къ познанію вещей. Теперь-же истину, поставляя въ зависимость отъ личнаго усмотрѣнія и признанія каждаго отдѣльнаго лица, или иначе, выдвигая въ понятіи истины элементъ личнаго признанія и усмотрѣнія,—на мѣсто общей безотносительной и равной для всѣхъ цѣли, полагали цѣли частныя, личныя, своекорыстныя. Ясно, что этимъ вполне отрицался прежній, чуждый своекорыстія, моральный характеръ умственной дѣятельности. Впрочемъ софисты, вѣрные своему правилу—все обращать въ свою пользу, прямо не отрицали прежней философіи, а лишь пользовались ею для оправ-

данія собственной дѣятельности. Наибольше рѣзко выдѣлялась въ прежней философіи противоположность ученій съ одной стороны Элеатской школы, а съ другой—Гераклита. Элеаты утверждали, что истинно сущее едино и неизмѣнно, что поэтому множественность и движеніе, какъ условіе измѣняемости, не что-либо истинно существующее, а лишь призрачныя явленія. Чтобы доказать это ученіе, Зенонъ діалектически, т. е. чрезъ анализъ представленій множества и движенія,—развивалъ ту мысль, что въ этихъ представленіяхъ, скрываются противорѣчія, недозволяющія признавать ихъ истинными. Гераклитъ, правда, также полагалъ вмѣстѣ съ элеатами, что бытіе, въ своей сущности, неизмѣнно, но при этомъ, въ противоположность элеатамъ, онъ развивалъ ту мысль, что будучи въ себѣ тождественною, единою силою, мірозидительный огонь въ то же время непрерывно измѣняетъ формы своего существованія; при этомъ главное различіе этихъ формъ онъ усматривалъ въ томъ, что огонь то потухаетъ, то возгарается, то становится явнымъ, то переходитъ въ скрытое состояніе и такимъ образомъ то оживаетъ, то умираетъ, отчего повсюду мы видимъ борьбу и смѣну противоположностей, среди которой не исчезаетъ, но постоянно сохраняется единство, гармонія, такъ какъ во всѣхъ противоположностяхъ, то явно, то скрытымъ образомъ, дѣйствуетъ одно и то же начало. Итакъ, по философіи элеатовъ, бытіе одно и неизмѣнно; по философіи-же Гераклита, единое бытіе постоянно дѣлается множественнымъ, и многое снова обращается въ одно, а потому повсюду господствуетъ измѣняемость: *все течетъ*. Горгій, извѣстный софистъ, также пользовался діалектикою элеатской школы, но для того, чтобы доказать какъ разъ противоположное тому, что доказывалъ Зенонъ—представитель элеатской философіи. Зенонъ доказывалъ, что есть только единое сущее; Горгій тѣмъ-же способомъ доказывалъ, что ничто не существуетъ, и конечно онъ дѣлалъ это съ тою цѣлью, чтобы внушить, что все можно доказывать и опровергать, что безспорнаго одинаково для всѣхъ, т. е. безотносительно истиннаго, ничего нѣтъ; все зависитъ отъ умѣнья ловко и убѣдительно говорить, отъ искусства ораторскаго и діалектическаго, а этому-то искусству и обучали софисты. По-

добно Горгію, Протагоръ пользовался ученіемъ Гераклита для того, чтобы доказать противоположное этому ученію. Гераклитъ училъ, что повсюду господствуетъ въ мірѣ одинъ общій разумъ, и укорялъ людей въ томъ, что они, вмѣсто того, чтобы слѣдовать общему разуму вещей, живутъ такъ, какъ-бы у каждаго былъ свой разумъ. Протагоръ, исходя изъ того положенія Гераклита, что все измѣняется, отсюда сдѣлалъ заключеніе, что и отношеніе между вещами дѣйствующими на чувства чело-вѣка (посредствомъ которыхъ, по мысли Гераклита, общій разумъ вещей сообщается съ нашимъ разумомъ), и самими чувствами также непрерывно измѣняется, отчего вещи каждому въ разное время должны являться въ различномъ видѣ, такъ что по необходимости должны быть о вещахъ разнообразныя мнѣнія, а слѣдовательно, нельзя требовать, чтобы люди о чемъ-бы то ни было мыслили одинаково. Одинъ можетъ превосходить другаго не истинностію своихъ мнѣній, а только уменьемъ отстоять свои мнѣнія и расположить другихъ къ признанію ихъ истинными, ибо все дѣло именно и заключается въ субъективномъ признаніи.

Итакъ безспорно нельзя не признать заслугою софистовъ то, что они измѣнили отношеніе сознанія человѣческаго къ внѣшнему міру, перенесши центръ тяжести таковаго отношенія изъ объективнаго міра вещей въ субъективный міръ личнаго, индивидуальнаго сознанія, вслѣдствіе чего и для дѣятельности человѣческой полагали цѣли частныя индивидуальныя, личныя; смотря на общее, какъ на средство къ частному. Но какъ видно изъ предъидущаго, значеніе софистовъ въ этомъ дѣлѣ преобразования человѣческаго сознанія было болѣе отрицательнымъ; положительную-же сторону въ совершеніи этого дѣла представляетъ собою философствованіе Сократа. Сократъ разъяснилъ (не теоретически, а практически, самимъ дѣломъ, именно искуснымъ веденіемъ своихъ бесѣдъ), что какъ ни разнообразны мнѣнія людей о тѣхъ-же предметахъ, однако, посредствомъ правильнаго и добросовѣстнаго размышленія, путемъ критическаго ихъ разбора, мы можемъ доходить до такихъ положеній, которыя каждый, если только будетъ доведенъ до того методически, не можетъ не признать истинными;

при этомъ само собою становилось очевиднымъ, вопреки умствованіямъ софистовъ, что хотя дѣйствительно истина не познается, такъ сказать, сама собою, что необходимо признаніе истины, до котораго нужно *умѣть* доходить, что безъ этого акта признанія съ нашей стороны, истина для насъ и не существуетъ, однако отсюда не слѣдуетъ, что самый этотъ актъ признанія не можетъ быть инымъ, какъ только всецѣло личнымъ, т. е. совершенно зависящимъ отъ личныхъ индивидуальныхъ свойствъ лица признающаго; напротивъ, актъ этотъ можетъ и долженъ происходить по общечеловѣческимъ (нормативнымъ) законамъ разума, слѣдовательно, если только правильно совершается, то долженъ быть одинаковъ у всѣхъ, а потому и признаваемое въ силу того акта также *для всѣхъ* должно быть истиннымъ. Прежде полагали, что познаніе истины, такъ сказать, внушается нашему уму общимъ разумомъ вещей ¹⁾. Теперь-же стало очевиднымъ, что познаніе истины требуетъ съ нашей стороны самодѣятельности, и потому есть не простой образъ дѣйствительности въ нашей душѣ, а *добродѣтель*. Такимъ образомъ Сократъ, идя далѣе въ томъ-же направленіи, которое было начато софистами, иначе уже понималъ отношеніе человѣческаго сознанія къ дѣйствительности объективной, однако, и при измѣнившемся міровоззрѣніи, сохранилъ тотъ-же безкорыстный моральный характеръ, какой былъ свойственъ дѣятельности прежнихъ философовъ. Платонъ лишь далъ теоретическое выраженіе тому, что у Сократа связывалось неразрывно съ его личностію и проявилось какъ личное свойство его духа. Это-же слѣдуетъ признать и объ отношеніи его къ софистамъ. По изложенію Платона Протагоръ училъ, что отношеніе вещей къ нашимъ чувствамъ, чрезъ которыя мы ихъ познаемъ, и обратно—отношеніе чувствъ къ вещамъ, непрерывно измѣняется. Платонъ видимо и самъ это признаетъ, и какъ выше показано, Лаасъ также эту точ-

---

¹⁾ Гераклитъ, Анаксагоръ, Демокритъ разсматривали умъ какъ такой элементъ, который повсюду распространенъ въ мірѣ и въ различной степени сообщается изъ него всѣмъ живымъ существамъ, вмѣстѣ съ присущимъ ему отпавленіемъ,—т. е. *познаніемъ*.

ку зрѣнія признаетъ вѣрною. Что-же препятствуетъ Лаасу и вообще характеристику протагорова сенсуализма у Платона признать вѣрною? Ему очевидно не нравятся тѣ выводы изъ сенсуализма протагорова, которые дѣлаетъ Платонъ. Если каждый въ правѣ считать свое собственное мнѣніе истиннымъ, отвергая мнѣнія другихъ, какъ это выходитъ по Протагору, если такимъ образомъ всѣ мнѣнія истинны,—каждое для того, кто его признаетъ таковымъ,—то слѣдовательно, знаніе безотносительно истинное, т. е. научное, по нашему, невозможно. Могъ-ли согласиться Лаасъ съ тѣмъ, что ученіе Протагора, котораго онъ прославляетъ какъ основателя позитивизма, ведетъ къ отрицанію науки? Выше однако сказано, что и Платонъ также признавалъ точку зрѣнія Протагора. Это значитъ, что и по Платону чувства могутъ дать намъ, и дѣйствительно даютъ лишь неустойчивыя, измѣнчивыя представленія, привязанныя къ случайнымъ отношеніямъ между чувствами человѣка, его состояніями индивидуальными свойствами—съ одной стороны, и вещами—съ другой, а потому подверженныя одинаковой съ ними судьбѣ. Но Платонъ полагалъ, что познаніе, какъ субъективная дѣятельность нашего духа, далеко не ограничивается лишь чувственными воспріятіями. Сверхъ этого текучаго, измѣнчиваго элемента, мы обладаемъ еще устойчивыми и неизмѣнными понятіями, заключающимися въ нашемъ разумѣ, который, хотя и не безъ содѣйствія чувственнаго наблюденія, но тѣмъ не менѣе самодѣтельно, посредствомъ размышленія, извлекаетъ ихъ изъ нѣдръ своихъ,—таковы понятія *бытія и небытія, сходства и различія, тождественнаго и противоположнаго, понятія истины, справедливости, добра, красоты* и т. д. Что-же говоритъ противъ этого Лаасъ?

Если, говоритъ онъ, все дѣйствительное, испытываемое нами, есть соотношеніе субъекта съ объектомъ, то никакой объектъ не имѣетъ абсолютной реальности, а только для индивидуума существуетъ пока является. Здѣсь сказанное Протагоромъ о наблюденіи распространяется и на представленія и вообще на все содержаніе сознанія. Позитивизмъ также признаетъ субъективную реальность ощущеній для всякаго чувствующаго су-

щества, т. е. что для всякаго чувствующаго существа реально то, что имъ ощущается, каковую реальность имѣютъ также и галлюцинаціи, призраки создаваемые фантазіею,—всякій обманъ чувствъ. Мы не имѣемъ иного критерія достовѣрности кромѣ этого субъективнаго сознанія реальности ощущаемой. Конечно положенія, выражающія логическіе законы (законъ тождества, противорѣчія) суть самые твердые принципы, но это принципы формальные; что-же касается содержанія въ нашемъ познаніи, то всякій видъ дѣйствительности, какъ предметъ познанія, хотя-бы это была дѣйствительность абсолютная, заимствуетъ свою достовѣрность изъ этой субъективной реальности, которую составляетъ все являющееся въ нашемъ сознаніи въ каждый данный моментъ; всякую иную дѣйствительность мы можемъ представлять только по аналогіи, и по формѣ и по содержанію, съ дѣйствительностію непосредственно ощущаемою. Впрочемъ и Платонъ также признаетъ, что все данное въ нашемъ сознаніи есть дѣйствительность; даже ложное сужденіе есть дѣйствительность, т. е. фактъ нашего сознанія. Но Платонъ *дѣйствительное, существующее, смѣшиваетъ съ истиннымъ* и вотъ отчего произошло, что положеніе Протагора о дѣйствительности всего ощущаемаго въ изложеніи Платона получило тотъ ложный смыслъ, будто Протагоръ признавалъ истиннымъ все, что каждому представляется какъ дѣйствительное. Вотъ какимъ образомъ получился выводъ, приписываемый Платономъ Протагору, что всякое мнѣніе для того, кто его имѣетъ, истинно, и все, что является, истинно. Конечно нельзя не согласиться съ означеннымъ выводомъ, если истинное понимать лишь въ смыслѣ дѣйствительнаго, ибо для каждаго несомнѣнно дѣйствительное есть то, что является въ его сознаніи. Но истинное и у Платона понимается еще въ иномъ смыслѣ—въ смыслѣ *должнаго, достойнаго одобренія*. „Если въ отношеніи къ объектамъ наблюденія утверждается не только, что они дѣйствительно есть, но и что по качеству они таковы, какими являются, и что каждый человѣкъ въ отдѣльности полноправный объ этомъ судья, то едва-ли это можетъ подлежать сомнѣнію. Каждый самъ долженъ знать и рѣшить является ли ему здѣсь и теперь нѣчто сладкимъ, теплымъ и пріятнымъ и. т. д. Мнѣнія, касающіяся этихъ ин-

двидуальныхъ опытовъ и ихъ качествъ, каждый долженъ предоставить субъективному усмотрѣнію (Befund). Платонъ такъ и дѣлаетъ. Но онъ безъ мѣры расширяетъ на счетъ Протагора это субъективное право судить и требуетъ этого-же права спеціально для нравственныхъ сужденій: каждый съ улицы взятый господинъ (jedes Gemeinwesen) долженъ быть полномочнымъ безапелляціоннымъ судьей о томъ, что есть благо, спасительно и справедливо. Платонъ не взялъ во вниманіе того, что софистъ, сдѣлавъ чловѣка мѣрою вещей и такимъ образомъ оставивъ его при себѣ самомъ, свободнымъ отъ всякихъ отношеній къ чему-либо внѣ чловѣческому и вышечловѣческому, могъ поэтому придти къ мысли, что государство должно быть нравственнымъ законодателемъ, дабы такимъ образомъ чловѣкъ пріобрѣлъ въ лицѣ государства авторитетъ и власть, въ чемъ, по низверженіи вышечловѣческихъ нравственныхъ силъ, онъ могъ нуждаться, ибо иначе пришлось-бы возбудить войну всѣхъ противъ всѣхъ. Тогда слѣдовало-бы смотрѣть на его позитивную государственную мораль скорѣе какъ на оплотъ противъ нигилистическаго ученія о правѣ личности на безграничный произволь, чѣмъ какъ на примѣръ и оправданіе этого ученія. До какой степени эта догадка Лааса о томъ, какъ могъ думать Протагоръ—произвольна, видно уже изъ того, что именно въ эпоху софистовъ, вслѣдствіе разнузданности народныхъ страстей и борьбы политическихъ партій, государство утратило тотъ безусловный нравственный авторитетъ, которымъ оно обладало прежде, благодаря простотѣ нравовъ и крѣпости народной вѣры. При томъ-же вопросъ пока вовсе не въ этомъ состоитъ, а въ томъ-какимъ образомъ, оставаясь при одномъ чувственномъ наблюденіи, которое само по себѣ не указываетъ никакого различія между истиннымъ и ложнымъ, чловѣкъ приходитъ къ сознанію этого различія: вѣдь съ точки зрѣнія чувственнаго наблюденія все, что ощущается, вообще является въ сознаніи, то и дѣйствительно. Вотъ какъ предварительно разрѣшается этотъ вопросъ у Лааса. Платонъ разъяснилъ,—и это его заслуга,—что вопросъ объ истинѣ всегда относится къ сужденіямъ. Сами по себѣ ощущенія, представленія, ни истинны, ни

ложны, но когда мы высказываемъ сужденіе, то въ этомъ случаѣ является вопросъ объ истинѣ и мы приходимъ къ сознанию различія между истиннымъ и ложнымъ. Сужденіе по Платону всегда является результатомъ внутренняго разговора, который душа ведетъ сама съ собой,—т. е. мышленія, и всѣ указываемые имъ виды сужденій могутъ быть раздѣлены на три класса: сужденія *логическія*, *онтологическія* и *выражающія оцѣнку* (одобреніе или порицаніе). Примѣры логическихъ сужденій представляютъ разсужденія объ отношеніяхъ численныхъ, о тождествѣ, сходствѣ и различіи, а также выражающіе подчиненіе частнаго общему. Предметомъ онтологическихъ сужденій служитъ существованіе, къ чему относятся съ одной стороны отношенія сосуществованія и послѣдовательности, а съ другой причинная зависимость въ отношеніяхъ сосуществованія и послѣдовательности. Къ категоріи сужденій, выражающихъ оцѣнку, относятся понятія о добромъ и прекрасномъ, а также о противоположномъ тому и другому. Изъ всѣхъ категорій, которыя имѣютъ важное значеніе въ отношеніи къ сужденію, а слѣдовательно и для вопроса объ истинѣ, Платонъ признавалъ важнѣйшимъ *бытіе*; категорія эта содержится во всѣхъ сужденіяхъ: истина есть то, что согласно съ бытіемъ. Ясно, что, при такомъ употребленіи, терминъ *бытіе* лишается своего онтологическаго спеціальнаго характера. *Истина* и *бытіе* для Платона столь-же соотносительныя понятія какъ для Канта *истина* и *объективная годность*; *сущее* Платона соотвѣтствуетъ кантовскому *объекту*. Поэтому вопросъ объ истинѣ въ смыслѣ Платона есть тоже, что вопросъ о бытіи, но только самое бытіе требуетъ затѣмъ ближайшаго опредѣленія соотвѣтственно выше указаннымъ видамъ сужденій.

Маасъ полагаетъ, что позитивная доктрина объ относительной дѣйствительности всѣхъ фактовъ сознанія не исключаетъ возможности указанныхъ видовъ сужденій. Если, разсуждаетъ онъ, міръ субъективнаго, индивидуальнаго сознанія взять въ томъ видѣ, въ какомъ онъ на дѣлѣ, не полагая на мѣсто того, что дѣйствительно переживается этимъ сознаніемъ произвольныхъ сочиненныхъ фикцій, если предоставить въ распоряженіе

позитивной доктринѣ, при обсужденіи ея, все то, что въ теченіи жизни выступаетъ въ сознаніи подъ названіемъ наблюденія и представленія, то очевидно, что и съ точки зрѣнія позитивизма, какъ и со всякой другой, прежде всего *логическія сужденія* возможны, а также возможно рѣшеніе объ ихъ истинѣ. Если даже мы представимъ себѣ сознаніе, удаленное отъ всякихъ сношеній съ другими и вполнѣ ограниченное самимъ собою и своею внутреннею жизнью,—такое сознаніе, которому никогда-бы на мысль не приходило выступать изъ круга своихъ представленій съ притязаніемъ на реальность (лежащую внѣ сознанія), то и такому сознанію, лишь-бы духовныя качества его были во всемъ подобны нашимъ, принципъ Протагора, не помѣшалъ-бы, соотвѣтственно своимъ интересамъ, отдѣлять единицы ¹⁾, исчислять ихъ, узнавать ихъ тождества и сходства, выдѣлять понятія, обозначать ихъ и классифицировать и т. д. Почему-бы невозможно ему было свои понятія сдѣлать столь ясными и такъ рѣзко ихъ между собою разграничить, что въ сужденіяхъ не было-бы никакихъ противорѣчій? Почему-бы ему нельзя было *чрезъ соблюденіе нормъ, ручательствъ и методовъ*, предохраняющихъ вообще отъ смѣшенія между собою различныхъ представленій, съ своей стороны достигать логической истины, которой, по Платону, не лишены въ простѣйшихъ случаяхъ даже безумные? Требуемое логикою согласіе мыслей для протагорейца, какъ и всякаго

¹⁾ „Какъ должны быть мыслимы точнѣе тѣ процессы, которымъ теорія Платона о наблюденіи, составленная въ духѣ Гераклита, приписываетъ рожденіе наблюденій? Должны-ли таковыя процессы необходимо вести къ тому абсолютному непостоянству нашего я и вещей, которое утверждается теоріей? Платонъ говоритъ: все движется во всякое время всяческимъ движеніемъ. Говоря точнѣе, онъ различаетъ два вида движеній или измѣненій: *пространственное* и *качественное* (*φωρα, ἀλλοίωσις*). И въ самомъ дѣлѣ, третье, которое можно-бы сверхъ этихъ еще мыслить—субстанціальное, абсолютное происхожденіе (*Werden*),—т. е. постоянное возникновеніе самой субстанціи, а не только качества—само собою отпадаетъ для такой области которая содержитъ лишь „возможность“ происхожденія (т. е. процессы, предшествующіе наблюденію, заключаютъ въ себѣ лишь возможность того, чѣмъ является вещь въ самомъ наблюденіи); равно и качественное измѣненіе (какъ представленіе) на томъ-же основаніи должно быть исключено изъ этой области; качество имѣетъ мѣсто только уже въ сферѣ вполнѣ готоваго наблюденія, слѣдовательно, душевный процессъ, изъ

другаго, заключалось-бы въ согласіи всѣхъ сужденій какъ между собою, такъ и съ ихъ послылками. Равно и сужденія о существованіи могло-бы образовать такое, ограниченное самимъ собою, сознаніе. Оно признавало-бы существующимъ все, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ему является; обладая памятью и способностію воспроизведенія, оно могло-бы онтологически судить также о прошедшемъ и о порядкѣ слѣдованія всего имъ переживаемаго,—причемъ возможно было-бы установить и эмпирическіе законы, т. е. правила сосуществованія и послѣдовательности явленій, а на основаніи таковыхъ правилъ могли-бы образоваться опредѣленныя ожиданія относительно будущаго. Лаасъ замѣчаетъ однако, что относительно послѣдней категоріи изъ области онтологическихъ сужденій (сужденія о существованіи),—категоріи причинности, уже не такъ легко можно рѣшить, какимъ-бы образомъ сознаніе предположеннаго вида въ состояніи было образовать какія-либо сужденія этой категоріи ¹⁾....

Нельзя не согласиться съ Лаасомъ въ томъ, что сознаніе человѣческое въ томъ видѣ какъ оно есть, со всѣми принадлежащими ему свойствами, способно образовать всѣ виды сужденій, но объ этомъ и спора никогда не было. Вѣдь Лаасъ самъ различаетъ первично данное содержаніе нашего сознанія отъ послѣдующихъ представленій, служащихъ для такового

„возможностей“ котораго возникаютъ, наблюденія съ ихъ качественно различнымъ содержаніемъ, должно понимать просто какъ движеніе пространственное (которое одно лишь остается съ устраненіемъ качественной и субстанціальной переменны). Но тотчасъ-же какъ только мы достигли этого пункта, дѣлается вполне очевиднымъ, что и для противной доктрины, которая, по предположенію, отрицаетъ всякую субстанціальность и качественную опредѣленность, невозможно обойтись безъ твердыхъ единицъ (какъ субстратовъ движенія, ибо движеніе предполагаетъ движимое): нѣчто твердо ограниченное, единичное во всякомъ случаѣ должно быть мыслимо и въ отношеніи къ пространству, какъ простой формѣ перемены положенія, безъ чего невозможно мыслить самое пространство (ибо пространство мы представляемъ состоящимъ изъ твердыхъ неподвижныхъ пунктовъ)“. Стр. 208 и дал. Ч. 1-я. Но это и доказываетъ невозможность свести познаніе исключительно къ одному процессу чувственнаго воспріятія, какъ полагалъ Протагоръ, а вовсе не оправдываетъ этой доктрины,—что именно и хотѣлъ показать Платонъ.

¹⁾ Ibid. стр. 218—242.

содержанія дополнеіемъ, связью, истолкованіемъ, когда говорить, что мы по привычкѣ, невольно, дѣлаемъ скачекъ отъ перваго къ послѣднимъ и смѣшиваемъ ихъ между собою. Теперь относительно того, что считать первоначально даннымъ содержаніемъ нашего сознанія, всѣ сенсуалисты, отъ Протагора и до современныхъ позитивистовъ, въ одинъ голосъ говорятъ, что человѣкъ въ началѣ, т. е. по природѣ своей ничего не имѣетъ кромѣ способности воспринимать впечатлѣнія, которыя дѣлаются ощущеніями, а также удерживать и воспроизводить воспріятыя впечатлѣнія. Всѣ дальнѣйшія операціи, называемыя мышленіемъ, всѣ идеи разума,—все это сенсуалисты признаютъ лишь видоизмѣненіемъ и послѣдствіемъ первично данной способности воспринимать, сохранять и воспроизводить, — и это именно слѣдуетъ доказать. Вопросъ ни мало не рѣшается тѣмъ, что сознаніе человѣка даже въ изолированномъ состояніи было-бы способно образовать всѣ виды сужденій. Оно способно къ этому, говорятъ идеалисты, потому что сверхъ чувственности человѣкъ одаренъ еще самодѣятельнымъ разумомъ, и нѣтъ сомнѣнія, что идеалисты имѣютъ основаніе такъ говорить,—основаніе, состоящее въ томъ, что само по себѣ взятое чувственно воспріемлющее сознаніе, съ чѣмъ согласны и сенсуалисты, представляетъ лишь рядъ текучихъ измѣнчивыхъ состояній, въ которомъ исчезаетъ всякое различіе между объективнымъ и субъективнымъ, истиннымъ и ложнымъ, дурнымъ и добрымъ и т. д. ¹⁾ Пусть-же сенсуали-

¹⁾ Эта мысль о непрерывной текучести всего, необходимо представляющейся, если разсматривать дѣйствительность съ точки зрѣнія чувственнаго сознанія, совершенно ясно выражена Юмомъ въ словахъ, которыя приводитъ самъ Лаасъ, видя въ нихъ основоположеніе позитивизма. Вотъ эти слова: „каждая вещь, которая является сознанію, есть только представленіе; ученіе объ отдѣльномъ и независимомъ существованіи нашихъ чувственныхъ представленій (здѣсь подъ названіемъ представленій разумѣются самыя вещи; такое словоупотребленіе произошло отъ того, что по философіи Бэка, такъ называемыя вещи не что иное, какъ сложности (комплексы) представленій) противорѣчитъ очевиднѣйшему опыту. Они зависямы отъ нашихъ органовъ, отъ расположенія нашихъ нервовъ, причемъ не слѣдуетъ этого понимать такъ, какъ-бы наше тѣло имѣло самостоятельное существованіе, которое вообще мы должны отрицать въ отношеніи къ чувственнымъ вещамъ; и тѣло наше, говоря строго, также есть не что иное, какъ

сты покажутъ, что чувственность сама по себѣ достаточна для того, чтобы произвести все относимое обыкновенно къ разуму.

сумма впечатлѣній, получаемыхъ нами черезъ чувства. Эти чувственные представленія, которыя мы называемъ вещами, являются намъ лишенными непрерывности, постоянства, устойчивости; это отрывочныя явленія (*interrupted, broken appearances*); текущія, переходящія существованія (*perishing existences*), въ теперешнее мгновеніе не воплотѣтъ же, что были прежде; при всякомъ поворотѣ глазъ перемѣняются объекты зрѣнія; наши наблюденія отчасти сходны съ прежними, но признавать ихъ тождественными—это большая ошибка; на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни одного впечатлѣнія постояннаго и неизмѣннаго. Нѣкоторые философы воображаютъ будто каждое мгновеніе мы имѣемъ сознание о томъ, что составляетъ наше существо (самость), что мы непосредственно ощущаемъ его отдѣльное и продолжающееся существованіе; они такъ убѣждены въ совершенномъ тождествѣ и простотѣ этого существа, что не считаютъ нужнымъ это доказывать; по ихъ мнѣнію, если мы усумнимся въ этомъ фактѣ, тогда ничего не можетъ быть для насъ достовѣрнаго. На самомъ дѣлѣ мы вовсе не имѣемъ такого представленія о себѣ; когда я проникаю въ себя такъ глубоко, какъ только возможно, то всегда встрѣчаюсь съ какимъ нибудь состояніемъ или содержаніемъ сознанія, напр. съ ощущеніемъ чего либо теплаго, холоднаго, свѣтлаго, темнаго, съ чувствомъ любви, ненависти, скорби или удовольствія; никогда я не могу схватить себя самого безъ представленія; если представленія удаляются изъ сознанія, какъ это бываетъ въ здоровомъ снѣ, то я ничего тогда не замѣчаю о себѣ, и можно сказать, что то, о чемъ я говорю какъ о себѣ, вовсе не существуетъ. И если-бы я по смерти моего тѣла воплотѣтъ пересталъ ощущать, чувствовать и мыслить, то я совершенно уничтожился-бы.

Если исключить нѣкоторыхъ метафизиковъ, то о прочихъ людяхъ можно прямо утверждать, что сами они и ихъ духъ не что иное какъ агрегатъ, связка, скопленіе, собраніе (*bundle, heap, collection*) различныхъ состояній сознанія (*perceptions*), связанныхъ между собою опредѣленными отношеніями. Наша личность находится въ непрерывномъ потокѣ и движеніи; представленія чередуются съ невообразимую скоростью; никакая душевная сила, быть можетъ и на одно мгновеніе, не остается неизмѣнно тою-же; представленія движутся, приходятъ и уходятъ и смѣшиваются въ безконечномъ разнообразіи положеній и формъ; никакой простоты въ нихъ нѣтъ ни въ какое время, ни малѣйшаго тождества въ различномъ. Единственно послѣдовательныя представленія—вотъ что составляетъ душу, умъ (*Mind*). 1, 214—217. Юмъ былъ того мнѣнія, что простота, единство, постоянство—эти свойства нашего я—просто иллюзія, созданіе нашего обманчиваго воображенія. Но съ этимъ мнѣніемъ можно-бы согласиться, только тогда, если-бы онъ удовлетворительно объяснилъ происхожденіе таковой иллюзіи, т. е. изъяснилъ такъ, чтобы при этомъ было очевидно, что на самомъ дѣлѣ нѣтъ того, что намъ представляется. Но подобное объясненіе невозможно, ибо такое объясненіе, будучи правильнымъ, слѣдовательно неизменно вѣрнымъ, само составляло-бы исключеніе изъ общаго закона текучести и непостоянства, который долженъ-бы простираться и на наши мысли, слѣдовательно, на всякія теоріи; иначе сказать, оно было-бы опроверженіемъ самаго этого закона.

Мы того мнѣнія, говоритъ Лаасъ, что возможно дать вполне научный и удовлетворительный отвѣтъ какъ на вопросы, касающіеся теоретической области познанія, такъ и на вопросы морально-эстетическіе и съ точки зрѣнія Протагоро-позитивной. Посмотримъ-же каковъ этотъ отвѣтъ и въ чемъ онъ состоитъ.

П. Линицкій.

(Продолженіе будетъ).

О ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМЪ МЕТОДѢ

ВЪ

ПСИХОЛОГИИ.

(Продолженіе *).

XI.

Малый и большой человекъ нашего самосознанія.

62. Наше тѣло есть субъективное представленіе.—63. Доказательства.—64. Самочувствіе и различіе между внутреннимъ и вѣшнымъ.—65. Отношеніе тѣла нашего къ совокупности тѣлъ вселенной.—66. Малый человекъ, заключенный въ большомъ человекѣ нашего самосознанія.—67. Все наше знаніе есть самосознаніе и самонаблюденіе.—68. Краткое обзорѣніе сказаннаго.

62. Изъ физиологіи органовъ чувствъ, какъ мы видѣли, получается тотъ результатъ, что вѣшній міръ есть продуктъ сознанія въ формѣ представленія. Но вѣдь къ вѣшнему міру отношусь и я самъ, поскольку я составляю предметъ среди другихъ предметовъ объективнаго міра, т. е. съ своей тѣлесной стороны. Поэтому и мое собственное тѣло должно быть такимъ-же моимъ представленіемъ, какъ и весь объективный пространственно-временный міръ. Я дѣйствительно воспринимаю его вѣшними чувствами точно такимъ-же образомъ, какъ и всѣ предметы, на него такъ или иначе дѣйствующіе. Собственно только чрезъ него я становлюсь въ объективное отно-

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 13.

шеніе ко всему окружающему. Поэтому, если употребить выраженіе Шопенгауэра ¹⁾, тѣло мое есть нѣкоторый „непосредственный“ объект моего сознанія, въ отличіе отъ объектовъ, извѣстныхъ мнѣ посредствомъ этого тѣла. Оно тѣмъ отличается отъ другихъ объектовъ, что я считаю его своимъ, принадлежащимъ мнѣ, хотя и прочіе объекты всѣ въ сущности тоже мои представленія, а не чужія. Теперь, какимъ образомъ фізіологи объясняютъ возникновеніе этого различія между представленіемъ нашего собственнаго тѣла и представленіями отличныхъ отъ него предметовъ, различія, которое, какъ различіе между представленіями, конечно должно находиться въ нашемъ-же представленіи? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ приведемъ нѣсколько выписокъ. „Вообще нельзя забывать“, говоритъ Бони, „что мы не знаемъ въ дѣйствительности внѣшнихъ предметовъ, мы знаемъ только состоянія сознанія: наши воспріятія не суть изображенія предметовъ, но представляютъ вліянія предметовъ на наши органы ²⁾, всѣ наши ощущенія первоначально субъективны. Новорожденный ребенокъ, по всей вѣроятности, въ продолженіи нѣкотораго времени находится въ этомъ состояніи; грубыя (sic!) ощущенія мало по-малу преобразуются въ немъ въ воспріятія и онъ начинаетъ сознавать различіе между тѣломъ и внѣшнимъ міромъ, между своимъ я и не я. Но это различіе является различіемъ инстинктивной практики и філософскаго сужденія (sic!). Это различіе нашего тѣла отъ внѣшняго міра основано на слѣдующихъ фактахъ: когда мы прикасаемся къ какому-бы то ни было внѣшнему предмету, мы испытываемъ только *одно* ощущеніе, относимое къ той точкѣ тѣла, которая прикасается къ предмету; наоборотъ, касаясь извѣстной точки собственнаго тѣла, мы испытываемъ *два* ощущенія: одно въ точкѣ, при посредствѣ которой касаемся, другое—въ мѣстѣ прикосновенія“ ³⁾. Такъ какъ одно

¹⁾ О четверномъ корнѣ закона достаточнаго основанія. Перев. Фета, Москва, 1886, стр. 82.

²⁾ Это маленькая бессмыслица, потому что мы не можемъ говорить о вліяніи предметовъ на органы *отъ* представленія, если мы „знаемъ только состоянія сознанія“.

³⁾ Новыя основы фізіолог. человѣка. II, стр. 849. Дальнѣйшее разсужденіе Бони крайне неясно, что можетъ быть также зависить и отъ перевода.

ощущеніе, въ осязающемъ, и другое ощущеніе, въ осязаемомъ, принадлежитъ мнѣ, то я и полагаю, что осязаемый органъ такъ-же принадлежитъ мнѣ, какъ и осязающій. „Когда-же мы дотрогиваемся концомъ пальца какой-нибудь части тѣла, лишенной чувствительности, то намъ кажется, что мы касаемся чужаго внѣшняго предмета, если впрочемъ насъ не убѣждаютъ въ противномъ прочія чувства. Такъ случается довольно часто, что мы продолжительнымъ давленіемъ на нервъ во время сна всю руку на-время лишаемъ чувствительности; когда мы просыпаемся потомъ и осязаемъ пальцами другой руки онѣмѣвшую руку, то намъ кажется что мы касаемся тѣла другаго человѣка“ ¹⁾. „Стоитъ вспомнить“, говоритъ Мейнертъ, „что въ непосредственномъ сознаніи (!) внѣшнему міру противопоставляется *все* наше тѣло. Противоположеніе внѣшняго міра съ нашимъ тѣломъ возникаетъ вслѣдствіе различій между воспріятіями изъ нашего тѣла и воспріятіями изъ внѣшняго міра. При прикосновеніи къ собственному тѣлу мы имѣемъ *двойное* ощущеніе; во-первыхъ,—ощущеніе въ трогающей, во-вторыхъ, въ трогаемой части тѣла. Прикосновеніе-же къ предмету внѣшняго міра обуславливаетъ только одно ощущеніе. Ухомъ воспринимается безчисленное множество звуковъ, но только звукъ нашего собственнаго голоса сопровождается мускульными ощущеніями. Изъ всѣхъ движеній, происходящихъ предъ нашими глазами, только движенія нашего собственнаго тѣла сопровождаются чувствомъ мышечной иннервации. Кромѣ того, всѣ явленія, имѣющія исходною точкою наше собственное тѣло, отличаются отъ прерывающихся явленій внѣшняго міра *непрерывностью своего присутствія* въ сознаніи и интензивностію своего повторенія. Внутреннія ощущенія, въ томъ числѣ чрезвычайно сильныя чувства физической боли ²⁾ и голода, входятъ въ комплексы всего крѣпче связанныхъ между собою представленій. Далѣе, осязаніемъ *создается* пространственный

¹⁾ О внѣшн. чувств., перев. Баландина, стр. 24. Ср. Беркштейна, Физиолог. органовъ чувствъ, стр. 9.

²⁾ Есть мнѣніе (Бэна), что боль и страданіе мы удерживаемъ въ памяти слабѣе, чѣмъ противоположныя чувства.

образъ нашего тѣла, причемъ сознаніе (вслѣдствіе одинаковаго вліянія мѣстныхъ знаковъ и интерваціонныхъ чувствъ въ осязающихъ членахъ, какъ это разъяснилъ Лотце) ориентируется гораздо лучше, чѣмъ при созданіи пространственнаго образа (тѣла) сѣтчаткою¹⁾. Такимъ образомъ различіе между тѣломъ и внѣшнимъ міромъ есть такое-же различіе, что и между двумя воспріятіями или представленіями. Представленіе тѣла и представленіе міра тѣмъ не менѣе одинаково произведены сознаніемъ и суть его продуктъ. На фізіологическомъ языкѣ это можно выразить словами Мейнерта: „Мозгъ, раздраженный силами, исходящими отъ атомовъ, *создаетъ* не только вещи, но и пространство, въ которомъ располагаются эти вещи, а къ числу вещей принадлежитъ также и *наше тѣло*“²⁾. И такъ, съ фізіологической точки зрѣнія *все* тѣло есть *созданіе*, продуктъ мозга (одного). Конечно это вдвойнѣ странно: странно, что тѣло, какъ цѣлое, есть продуктъ мозга, какъ своей-же собственной части; странно и то, что оно есть продуктъ сознанія, если оставить безъ вниманія мозгъ, какъ принадлежащій тоже къ тѣлу. Первая странность есть просто нелѣпость, въ которую впадаютъ фізіологи, держащіеся за мозгъ, нелѣпость, обнаруживающая несостоятельность воззрѣнія на мозгъ, какъ на психической дѣятель. Что-же касается до второй странности, то она, можетъ быть, зависитъ только отъ непривычки къ этой мысли. „Если нѣкогда людямъ“, говоритъ Ланге, „безмѣрно трудно было представить себѣ движущуюся эту твердую землю, на которой мы теперь стоимъ,—первообразъ спокойствія и неподвижности,—то имъ еще труднѣе въ своемъ собственномъ тѣлѣ, которое для нихъ первообразъ всякой дѣйствительности, видѣть простую схему представленія, продуктъ нашего оптическаго аппарата, который также строго долженъ быть различаемъ отъ предмета, (т. е. „вещи въ себѣ“, которую Ланге, какъ мы видѣли, допускаетъ,) который его возбуждаетъ, какъ и всякій другой образъ“³⁾.

¹⁾ Механика душевн. дѣят. стр. 23—24.

²⁾ Ibid. стр. 10.

³⁾ Истор. матер. II, 365.

63. Въ доказательство справедливости возрѣнія на тѣло, какъ на представленіе, можно сослаться на тотъ фактъ, что мы можемъ ощущать дѣйствительную боль въ такихъ членахъ, которыхъ уже *нѣтъ*, т. е. которше не подлежатъ болѣе воспріятію, но о которыхъ сохранилось у насъ представленіе или воспоминаніе. Ощущеніе боли въ воспоминаемыхъ или только представляемыхъ въ умѣ членахъ—фактъ во всякомъ случаѣ замѣчательный. „Мы можемъ чувствовать боль“, говоритъ Фогтъ, „даже въ такихъ членахъ, которыхъ уже лишились, именно потому, что оставшіяся части нервовъ постоянно относятся всякое дѣйствующее раздраженіе къ утраченному уже периферическому окончанію своему (нервы относятся туда, гдѣ нѣтъ никакихъ нервовъ. гдѣ они утрачены, словомъ, нервы дѣйствуютъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ!). Этимъ и объясняется (?) то явленіе, что люди, потерявшіе какую нибудь конечность, тѣмъ не менѣе, какъ-бы ощущаютъ въ продолженіе всей жизни присутствіе этой конечности, и даже черезъ 20 или 30 лѣтъ послѣ операціи, когда они давно уже свыклись съ потерей члена, все-таки относятся всѣ ощущенія, принадлежащія оставшейся части его, ко всему утраченному члену. Во время воспаленія или поврежденія оставшейся части ноги или руки, имъ кажется, что у нихъ болитъ стопа или кисть руки; и даже совершенно здоровые люди, не смотря на самое очевидное убѣжденіе, не могутъ избавиться отъ этого *мысленнаго* (слѣдовательно не нервнаго) возстановленія потеряннаго члена, и во время сна производятъ такія дѣйствія, которыя указываютъ, что они все еще какъ-бы ощущаютъ присутствіе утраченной конечности. Такъ они тщательно прикрываютъ въ постели то мѣсто, гдѣ должна-бы лежать потерянная нога; при внезапномъ испугѣ они вскакиваютъ, какъ будто-бы могутъ встать на обѣ ноги, и затѣмъ падаютъ на полъ; они хватаются оставшеюся частью руки за различные предметы, какъ-бы желая взять утраченную кистью руки. Но это чувство кажущейся цѣлости потеряннаго члена, замѣчаемое у инвалидовъ, основывается на организаціи самихъ нервовъ (?), какъ это доказываютъ сновидѣнія такихъ людей. Сначала, въ первые годы послѣ операціи, они видятъ себя во снѣ совершенно здоровыми;

люди, потерявшіе одну ногу, видятъ себѣ гуляющими на двухъ совершенно здоровыхъ ногахъ. Но мало по-малу къ сновидѣніямъ примѣшивается и *сознаніе* увѣчья: человекъ все еще сохраняетъ руку или ногу, но уже не можетъ владѣть ими и они составляютъ для него не нужное бремя. Но даже и въ такихъ случаяхъ, когда при субъективныхъ представленіяхъ уже совершенно исчезло воспоминаніе о прежнемъ состояніи потеряннаго члена,—при объективномъ поврежденіи оставшейся части его, чувство цѣлости его возникаетъ вновь,—и инвалидъ, который даже во снѣ видѣлъ себя на костыляхъ, тѣмъ не менѣе, при воспаленіи оставшейся части члена, все-таки чувствуетъ боль въ периферическихъ частяхъ этого изувѣченнаго члена“¹⁾. Съ психологической точки зрѣнія это явленіе объясняется тѣмъ, что при извѣстномъ ощущеніи въ центральной части вызывается въ сознаніи ассоціировавшееся съ нимъ прежде представленіе части периферической, которая въ данное время болѣе уже не подлежитъ воспріятію, а только воспоминается именно въ силу ассоціаціи. И такъ можно ощущать боль въ представляемомъ членѣ. Еще поучительнѣе такіе факты, когда вслѣдствіе извращенія представленій или гипнотическихъ внушеній, люди перестаютъ чувствовать боль въ членахъ дѣйствительно существующихъ, какъ если-бы ихъ совсѣмъ не было, или когда сумасшедшіе начинаютъ представлять свое тѣло совсѣмъ не въ той формѣ, въ какой обыкновенно, на примѣръ, со стеклянными ногами или съ перемѣстившимися членами. Факты эти, очевидно, объясняются противорѣчіемъ между внутренними и внѣшними ощущеніями и воспріятіями, при чемъ внутреннія берутъ перевѣсъ и вліяютъ измѣняющимъ образомъ на внѣшнія воспріятія, такъ что подъ вліяніемъ этихъ внутреннихъ ощущеній представленіе, или воспріятіе тѣла мѣняется въ своихъ составныхъ частяхъ, т. е. у насъ, наконецъ, образуется иное представленіе тѣла, которое ощущается какъ иное тѣло, наполненное иными внутренними ощущеніями. Это, очевидно, приводитъ насъ къ раз-

¹⁾ Физиолог. письма, II, стр. 305--306.

личію между внутренними и внѣшними воспріятіями и представленіями.

64. „Съ тѣхъ поръ“, говоритъ Вундтъ, „какъ мы начинаемъ различать наше я, вмѣстѣ съ нашимъ тѣломъ, отъ наружнаго міра, ощущеніямъ различныхъ областей чувствъ при дается весьма различное значеніе, смотря по тому, происходятъ-ли они отъ раздраженій, дѣйствующихъ *снаружи*, или отъ возбужденій, возникающихъ *внутри* нашего тѣла.“ „Ощущенія объективныхъ чувствъ противостоятъ ощущеніямъ, которыя происходятъ отъ внутреннихъ раздраженій, возникающихъ въ органахъ тѣла вслѣдствіе фізіологическихъ и патологическихъ процессовъ, и которыя всегда указываютъ на субъективное состояніе. Эти ощущенія составляютъ такъ называемое общее чувство. По своему качеству они много однороднѣе ощущеній внѣшнихъ чувствъ, такъ что ихъ чувственный тонъ колеблется только между зависящими отъ *силы* ощущеній противоположностями *удовольствія* и *неудовольствія*. Но вслѣдствіе непосредственнаго отношенія къ нашему я эти чувства пріобрѣтаютъ особенную живость. Такимъ образомъ чувство нашего благосостоянія или страданія, свѣжесть или тяжесть нашего настроенія существенно зависятъ отъ такихъ субъективныхъ ощущеній, въ которыхъ чувственный тонъ имѣетъ преобладающее значеніе, такъ что мы совершенно не обращаемъ вниманія на то, что въ нихъ составляетъ чистое ощущеніе. Именно поэтому часто считаютъ эти ощущенія специфически отличными отъ высшихъ чувственныхъ ощущеній (зрѣнія и слуха), оставляя въ послѣднихъ безъ вниманія ихъ чувственный тонъ; такимъ образомъ общія ощущенія въ качествѣ физическихъ чувствъ противопоставлялись чистымъ ощущеніямъ“¹⁾. „Изъ чувственныхъ представленій, получаемыхъ изъ нашего тѣла, и изъ представленія движеній нашихъ членовъ, образуется перманентная (постоянная) группа представленій, отличающаяся отъ другихъ своимъ постоянствомъ. Такъ какъ наши мышцы постоянно находятся въ дѣятельности или напряженіи, то въ сознаніи *всегда* существуетъ смутное, или

¹⁾ Основ. фізіолог. псих. стр. 518—519.

ясное представленіе о положеніи и о движеніяхъ нашего тѣла“¹⁾. Такимъ образомъ происходитъ то, что съ представленіемъ положенія тѣла ассоціируются чувственные представленія находящіяся внутри его; вслѣдствіе чего наше тѣло является въ сознаніи какъ-бы наполненнымъ ощущеніемъ во всѣхъ частяхъ, иногда усиливающимся или ослабѣвающимъ попеременно въ той или въ другой. Сознаніе этого ощущенія есть то, что называется самочувствіемъ. Итакъ самочувствіе есть наполненіе представленія фигуры нашего тѣла, его оптическаго пространственнаго образа, внутри его представляемыми ощущеніями. Очевидно, мы здѣсь ничего не имѣемъ кромѣ тѣхъ-же субъективныхъ состояній сознанія: ибо и фигура тѣла, и провизывающія ее ощущенія суть проэктированные въ пространствѣ элементы нашего сознанія²⁾. Понятно, что чѣмъ опредѣленнѣе въ нашемъ сознаніи проэктируется фигура нашего тѣла, тѣмъ опредѣленнѣе становится и наполненіе ея ощущеніемъ. Есть громадная разница въ представленіи фигуры и частей тѣла у анатома или фізіолога и у ребенка или крестьянина. Ни ребенокъ, ни крестьянинъ, испытывая боль, не могутъ указать мѣста этой боли въ фигурѣ или частяхъ тѣла съ такою точностію, съ какою это можетъ сдѣлать человекъ, знакомый съ положеніемъ своихъ органовъ изъ анатоміи или фізіологіи.

65. Теперь посмотримъ, какъ относятся другъ къ другу наше тѣло и внѣшній міръ, если ихъ разсматривать какъ представленія. Представленіе тѣла и представленіе міра будутъ съ этой точки зрѣнія двумя сложными группами представленій, одинаково существующихъ только въ нашемъ сознаніи и нигдѣ болѣе. Что обѣ группы суть продукты сознанія—въ этомъ ихъ сходство. Но при этомъ сходствѣ, какъ мы видѣли,

¹⁾ Ibid. стр. 716.

²⁾ Проф. Ковалевскій, вмѣстѣ съ Мейнертомъ, состоянія самочувствія сводитъ къ питанію клѣтокъ мозга. Это дѣла не измѣняетъ: ибо питаніе клѣтокъ есть процессъ, восприняемый чувствами, слѣдовательно, проэктируемый ими въ пространствѣ образъ, который сопровождается въ сознаніи ощущеніемъ удовольствія или неудовольствія, радости или страданія. Основы мех. душевн. дѣят. стр. 70 и слѣд.

объ группы также и различаются между собою. Та группа представленій, которую мы, какъ свое тѣло, выдѣляемъ изъ окружающихъ его другихъ тѣлъ, отличается тѣмъ, что къ образу или фигурѣ этого тѣла мы чрезъ ассоціацію присоединяемъ внутри этого геометрическаго образа помѣщаемыя нашимъ сознаниемъ ощущенія. Если эти ощущенія вычестъ изъ представленія нашего тѣла, то оно ничѣмъ не будетъ отличаться отъ представленій другихъ тѣлъ, его окружающихъ. Иначе говоря: представленіе нашего тѣла по существу своему есть такое-же представленіе какъ и представленіе окружающихъ его тѣлъ внѣшняго міра, но только съ присоединеніемъ внутри этого тѣла лежащихъ ощущеній. Значитъ наше тѣло есть внѣшній предметъ + (плюсъ) внутри его находящіяся ощущенія. Если мы вслѣдъ за Льюисомъ ¹⁾ представимъ наше тѣло, наполненное ощущеніемъ, какъ кругъ, то за предѣлами этого круга и внѣ его будутъ лежать всѣ другія тѣла, не-наполненные для насъ ощущеніемъ. Этотъ внѣшній большой кругъ, очевидно, будетъ простираться до самыхъ границъ внѣшняго міра. Такимъ образомъ всѣ тѣла распадутся для насъ на два концентрическихъ круга: меньшій—наше тѣло,—и большій—совокупность тѣлъ міра или просто тѣло міра, внѣшнее сложное тѣло. Если теперь изъ меньшаго круга, т. е. изъ геометрическихъ предѣловъ нашего тѣла, мы вычтемъ проникающія его ощущенія, т. е. перестанемъ обращать на нихъ свое вниманіе, тогда меньшій кругъ сольется съ большимъ, тогда наше тѣло ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ, не будетъ отличаться отъ тѣлъ, лежащихъ въ большомъ кругѣ окружающей насъ вселенной. Тѣла, составляющія вселенную, будутъ *тоже самое*, что и наше тѣло, безъ присовокупляемыхъ къ нему внутреннихъ ощущеній. Отсюда мы можемъ имѣть двойкій взглядъ на отношеніе нашего тѣла къ тѣлу вселенной: мы можемъ смотрѣть на тѣло вселенной, какъ на наше собственное тѣло, но только неспособное наполняться нашими ощущеніями, и на наше собственное тѣло какъ на

---

¹⁾ Вопросы о жизни и духѣ, I, стр 195. Все изложеніе этого параграфа есть лишь развитіе мысли Льюиса.

часть всего тѣла вселенной, но только наполняемую или способною къ наполненію внутренними вашими ощущеніями. Все дѣло въ ощущеніяхъ наполняющихъ наше тѣло. Если не придавать имъ значенія, наше тѣло перестаетъ отличаться отъ тѣлъ природы и тѣла природы отъ нашего тѣла. Тогда наше тѣло раздвигается до границъ вселенной и вселенная становится нашимъ тѣломъ. Но мы именно и не должны придавать никакого объективнаго значенія внутреннимъ чувствамъ (самоощущенію) нашего тѣла, потому что, какъ эти чувства, которыя суть состоянія сознанія, проникаютъ наше тѣло, то такъ-же точно другія состоянія нашего сознанія проникаютъ тѣло вселенной, ибо наше сознаніе дѣйствительно простирается по всей геометрической фигурѣ вселенной, которую оно построяетъ. Слѣдовательно въ представленіи нашего тѣла и другихъ тѣлъ мы ничего не имѣемъ кромѣ различныхъ своихъ-же представленій. Вѣдь какъ наше тѣло находится въ нашемъ сознаніи, такъ и тѣло вселенной тоже, слѣдовательно, то и другое состоятъ изъ одинаковыхъ субъективныхъ элементовъ и составляютъ совершенно одинаковый или однородный продуктъ сознанія, такъ что между нашимъ тѣломъ, состоящимъ всецѣло изъ субъективныхъ элементовъ, и другимъ тѣломъ, состоящимъ всецѣло изъ такихъ-же субъективныхъ элементовъ моего сознанія, существенной разницы вѣтъ никакой, а есть такая-же разница, какая есть между представленіемъ руки и ноги, или представленіями мѣди и свинца, или между представленіями круга и квадрата. Разница между моею рукою и столомъ, на которомъ она лежитъ, вислолько не больше, чѣмъ между этою рукою и другою: въ томъ и другомъ случаѣ эта разница субъективная, а не объективная: она состоитъ въ томъ, что какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ два разныхъ представленія, заключенныхъ въ нашемъ сознаніи,—и только. Словомъ, разница между столомъ и рукою не превышаетъ разницы между *онѣмѣвшею* или парализованною рукою и другою рукою. Какъ *онѣмѣвшая* рука, потерявшая способность проникновенія ощущеніемъ, принадлежитъ нашему тѣлу, такъ тѣло, прикасающееся къ *онѣмѣвшей* рукѣ, можетъ быть разсматриваемо какъ ея продол-

женіе. Дѣйствительно, есть случаи, когда человѣкъ внѣшніе предметы просто не отличаетъ отъ себя. „Не суть-ли горы, волны, небо часть меня, моей души, какъ я—ихъ самихъ?“ спрашиваетъ Байронъ. И такъ мы имѣемъ полное право разсматривать наше тѣло какъ *часть вселенной*, а вселенную какъ *цѣлое нашего тѣла*, ибо какъ мое тѣло такъ и тѣло вселенной суть мои представленія, мои воспріятія, или если выразиться по-Берклеевски, мои идеи, объединяющіяся, какъ *нераздѣльныя части*, въ одномъ цѣломъ образѣ сознанія (по категоріи частей и цѣлаго).

66. Но объединенныя части моего сознанія это именно и есть мое цѣлое сознаніе, а сознаніе и есть я самъ. Мое тѣло, слѣдовательно, только малая часть меня самого. Большая часть меня простирается отъ периферіи моего тѣла до периферіи вселенной, ибо самое пространство, въ которомъ все это протянулось и распростерлось, это самъ-же я, это мое-же сознаніе. Тутъ мы приходимъ къ парадоксальному и грандіозному образу Ибервега и древнихъ александрійцевъ. По словамъ Ланге, Ибервегъ рассуждалъ такимъ образомъ: „Вещи являющагося намъ міра суть наши представленія. Онѣ протяженны; слѣдовательно представленія протяженны. Представленія находятся въ душѣ, слѣдовательно, душа протяженна; и далѣе, протяженная душа также и матеріальна, по попятію матеріи какъ протяженной субстанціи. Мы не можемъ имѣть представленій внѣ души; слѣдовательно наша душа простирается такъ далеко и еще далѣе, чѣмъ совокупность всѣхъ вещей, которыя мы воспринимаемъ, включая солнце, луну и звѣзды. Далѣе, весьма вѣроятно, по вѣскимъ аналогическимъ заключеніямъ, что эти міры рождаются въ душѣ не безъ внѣшнихъ причинъ и что подающія поводъ причины (т. е. вещи въ себѣ), хотя не равны явленіямъ, но все-же весьма похожи на нихъ“¹⁾. Этотъ великій образъ міра, заключеннаго въ сознаніи, у каждаго свой, но онъ совершенно согласенъ съ такими-же образами другихъ. „Выводъ изъ взгляда Ибервега тотъ“, говоритъ Ланге, „что все пространство, которое мы видимъ, есть пространство на-

¹⁾ Истор. матер. II, 442.

шего сознанія“ ¹⁾. „Не для того, чтобы отнять у этого взгляда оттѣнокъ странности (ибо онъ ни мало не касается логической вѣрности взгляда), но для того, чтобы подвинуть на шагъ дальше объясненіе вопроса, мы замѣтимъ прежде всего“, продолжаетъ Ланге, „что было-бы слишкомъ поспѣшно принять отдаленіе самой далекой звѣзды за масштабъ для измѣренія нашего сенсоріума (чувствилища). Билліоны миль, которыя получаютъ изъ вычисленій для подобныхъ разстояній, суть продуктъ не нашей чувственности (т. е. не воспріятіе), а нашего вычисляющаго ума, и только дѣйствіе ассоціаціи идей сливается представленіе этихъ разстояній съ чувственнымъ образомъ звѣздъ. Подвергшемуся операціи слѣворожденному всѣ предметы зрѣнія представляются подавляюще близкими; дитя хватаетъ мѣсяцъ, а взрослому образъ лувы или солнца кажется не многимъ далѣе образа руки, которая закрываетъ мѣсяцъ монетою. Онъ только *толкуетъ* этотъ образъ иначе и это толкованіе, конечно, имѣетъ вліяніе на непосредственное впечатлѣніе видимаго. Вся выработка основаннаго на зрѣніи представленія пространства есть процессъ ассоціаціи, подобный сліянію ощущеній осязанія и чувствъ съ образами зрѣнія“ ²⁾. Во всякомъ случаѣ, по словамъ Гельмгольца: „мы сами относимъ видимыя нами солнце и звѣзды *на небо*, а не видимъ ихъ *на небѣ*“ ³⁾. Ибервегъ хочетъ сказать только, что отношеніе это въ насъ-же самихъ. Съ этой точки зрѣнія парадоксъ Ибервега конечно не будетъ казаться столь страннымъ. Что касается до матеріалистичности этого взгляда, то онъ можетъ быть растолкованъ и совершенно идеалистически. Самъ Ибервегъ писалъ Чолбе: „Въ извѣстномъ смыслѣ вы говорите справедливо, что я совершенно отказываюсь отъ матеріи. Мой взглядъ точно также съ одной стороны „грубо матеріалистиченъ“, какъ съ другой стороны „исключительно спиритуалистиченъ“. Все, что мы называемъ матеріей, состоитъ изъ ощущеній и чувствъ (не только, какъ этого хотятъ берклеявцы, изъ нашихъ) и есть

¹⁾ Ibid. II, стр. 367.

²⁾ Ibid II, стр. 368.

³⁾ Ландуа, учебн. фізіол. чловѣка стр. 955.

въ этомъ смыслѣ нѣчто психическое, но это *психическое* протяженно и слѣдовательно „матеріально“, ибо матерія по своему опредѣленію есть „протяженная субстанція“¹⁾. Очевидно у Ибервега протяженность есть протяженность психическая; слѣдовательно, и матерія въ существѣ есть лишь феноменъ сознанія. Это — взглядъ на душу древнихъ, въ особенности Александрійцевъ, которые вслѣдъ за Платономъ²⁾ душу считали и протяженною, и вмѣстѣ непротяженною, ибо протяженіе есть ея-же собственное представленіе, какъ у Ибервега. Взглядъ Ибервега можетъ вести и къ другому совпаденію между нимъ и Александрійцами. Выше мы уже сказали, что цѣлое человѣческое сознаніе распадается на двѣ части: малую, ограниченную моимъ тѣломъ, и большую, простирающуюся до периферіи міра. Это значитъ, что человѣкъ въ существѣ своемъ заключаетъ въ нѣкоторомъ родѣ двухъ человѣкъ: одного обнимающаго все пространство міра, а другого — заключеннаго въ человѣческомъ тѣлѣ. Первый и есть именно большой человѣкъ (μέγας ἄνθρωπος) Александрійцевъ, а второй — малый человѣкъ. По свидѣтельству Филона: „нѣкоторые считали человека малымъ міромъ, а міръ большимъ человекомъ (βραχὺν μὲν κόσμον τὸν ἄνθρωπον μέγαν δὲ ἄνθρωπον ἔφασαν (sc. ἔμοι) τὸν κόσμον εἶναι)³⁾. Въ самомъ дѣлѣ, если говорятъ о маломъ мірѣ, микрокосмѣ, и большомъ мірѣ, макрокосмѣ, то почему не говорить о маломъ человѣкѣ и большомъ человѣкѣ. Но тогда выходитъ, что малый человѣкъ какъ-бы заключенъ въ большомъ человѣкѣ, почему, напримѣръ, Плотинъ и полагалъ, что собственно не душа заключается въ тѣлѣ, а тѣло человека въ его душѣ. Конечно въ высшей степени странно, что въ человѣческомъ сознаніи помѣщается какъ-бы человѣкъ въ человѣкѣ, и не только малый человѣкъ въ большомъ, но и другіе люди, какъ малые человѣки, тоже заключены въ этомъ большомъ человѣкѣ нашего сознанія. Это само по себѣ парадок-

¹⁾ Ibid. II, стр. 447.

²⁾ Сочиненія Платона, перев. Карнова. Москва, 1879, т. VI, стр. 397—402. Поэтому напрасно Ланге усиливается зачислить Ибервега въ число крайнихъ матеріалистовъ.

³⁾ Zeller, Die Philosophie des Griechen. V, 397, 3.

ксально, но это вытекаетъ съ необходимостію изъ фізіологіи органовъ чувствъ, учащей, что міръ есть наше ощущеніе и представленіе. Оказывается, что крайніе выводы изъ этой фізіологіи совпадаютъ съ самыми метафизичнѣйшимъ изъ метафизическихъ системъ.

67. Какъ-бы все это страннымъ и парадоксальнымъ никакъ-залось, не слѣдуетъ забывать одного, что все, о чемъ мы говоримъ, заключено въ сознаниі. Говоримъ-ли мы о я и не-я, говоримъ-ли о мірѣ и нашемъ тѣлѣ въ немъ, говоримъ-ли о большомъ кругѣ и маломъ, о большомъ человѣкѣ и маломъ,—мы имѣемъ дѣло съ своимъ сознаниемъ. Самыя эти теоріи, опредѣляющія отношеніе нашего тѣла къ міру, малаго человека въ нашемъ сознаниі къ большому человѣку въ сознаниі—самыя эти теоріи, какъ и вещи, къ которымъ они относятся, находятся въ насъ-же самихъ. „Солнце, луна и звѣзды вмѣстѣ съ ихъ правильными движеніями и вмѣстѣ со всей вселивной суть, по собственному гениальному замѣчанію Ибервега“ говоритъ Ланге, „не отраженные во внѣ образы, но элементы, какъ-бы *части* нашего внутренняго міра. Если Ибервегъ (а съ нимъ вмѣстѣ и всѣ фізіологи) говоритъ, что они суть образы въ нашемъ мозгу, то при этомъ не слѣдуетъ забывать, что нашъ мозгъ есть также лишь образъ или отвлеченіе образа, возникшее по законамъ, господствующимъ надъ нашими представленіями. Дѣло совершенно въ порядкѣ, если для упрощенія научной рефлексіи останавливаются на этомъ образѣ; но никогда не слѣдуетъ забывать, что тутъ мы имѣемъ только отношеніе между прочими представленіями и представленіемъ мозга, а никакъ не твердый пунктъ внѣ этой субъективной области“ ¹⁾. „Если мы полагаемъ, что видимъ предметы“, говоритъ Лихтенбергъ, „то мы видимъ только самихъ себя. Мы ничего въ мірѣ не можемъ собственно знать, кромѣ насъ самихъ и измѣненій, которыя происходятъ въ насъ“ ²⁾. Слѣдовательно, мы приходимъ здѣсь къ тому взгляду на вещи, какой высказанъ въ Ведахъ: „я есмь всѣ эти творенія и

¹⁾ Ланге, Истор. мат. II. 380.

²⁾ Ланге, *ibid.* II, стр. 364.

помимо меня другого существа нѣтъ (*Naе omnes сгаеaturгае in totum ego sum, et praeter me aliud ens non est*)¹⁾. Это похоже на абсолютное я Фихте старшаго. Но если мы знаемъ только самихъ себя во всѣхъ вещахъ, то отсюда прямо слѣдуетъ, что все наше знаніе есть въ сущности именно самопознаніе, *все наше наблюденіе есть самонаблюденіе*. И такъ фізіологическая психологія отвергла самонаблюденіе ради внѣшняго наблюденія, но по ея собственнымъ выводамъ изъ фізіологіи органовъ чувствъ оказалось, что кромѣ самонаблюденія не только нѣтъ викакаго знанія, но и *ничего нтъ*²⁾. На это намъ, конечно, скажутъ, что дѣйствительно кромѣ самонаблюденія нѣтъ знанія, но самонаблюденіе бываетъ двоякое: самонаблюденіе субъективное, имѣющее предметомъ внутренняго отраженія бытія объективнаго, рядъ текущихъ неустойчивыхъ состояній сознанія и самонаблюденіе объективное въ предметахъ видимыхъ и воспринимаемыхъ чувствами, которые обладаютъ сравнительнымъ постоянствомъ. Но на это отвѣчаетъ сама-же фізіологическая психологія словами Вундта, которыя мы уже имѣли случай привести раньше: „большее постоянство нашихъ представленій, относящихся къ объектамъ внѣшняго міра“, говоритъ Вундтъ, „само есть результатъ психологическихъ процессовъ. Изъ этого постоянства еще нельзя заключать, что внѣшніе объекты представляютъ большую достовѣрность въ сравненіи съ внутреннимъ опытомъ, тѣмъ болѣе, что и наши представленія о *внѣшнихъ объектахъ* суть ничто иное, какъ *часть нашего внут-*

1) Приведено у *Шопенгауэра*: міръ какъ воля и представленіе, перев. Фета, издан. 2-е, Москва, 1888, стр. 217.

2) Что мы не знаемъ ничего кромѣ феноменовъ сознанія, это—убѣжденіе англійскихъ позитивистовъ, на примѣръ Милля. Корень этого убѣжденія—Юмъ. Но теперь позитивизмъ превращается въ простой феноменизмъ сознанія, подобный феноменизму древнихъ скептиковъ, напр., Секста эмпирика, или еще древнѣйшихъ буддистовъ. Феномены сознанія текутъ безъ начала и конца отъ вѣчности и въ числѣ этихъ феноменовъ стоитъ само сознаніе и всякіе субъекты и объекты. Есть на нѣмецкомъ языкѣ книга *Лааса*: „Идеализмъ и позитивизмъ“, написанная въ этомъ смыслѣ. Подобное у *Рилля*: Теорія науки и метафизики, стр. 364—370. „Причинная очередь явленій идетъ въ безконечность, Міръ безначаленъ во времени“. 365, 366.

реннаго опыта ¹⁾. Что касается до измѣнчивости внутреннихъ явленій, то она указываетъ только на сложность условий, но вовсе не можетъ служить аргументомъ противъ реальности (этихъ) явленій“ ²⁾.

68. Итакъ изъ фізіологіи органовъ чувствъ неминусемо вытекаютъ слѣдующіе выводы: 1) наше тѣло есть лишь представленіе, образуемое воспріятіемъ при помощи двойнаго ощущенія, т. е. когда ощущаемый органъ самъ ощущаетъ органъ ощущающій; 2) поэтому мы можемъ имѣть ощущеніе въ такихъ членахъ, какіе больше не подлежатъ воспріятію, а представляются только чрезъ воспоминаніе, т. е. въ потерянныхъ, и подъ вліяніемъ внутреннихъ ощущеній (самочувствія) и даже постороннихъ внушеній можемъ преобразовать и совершенно извратить свое представленіе о тѣлѣ; 3) самоощущеніе создаваемый нами внѣшній образъ нашего тѣла населяетъ ощущеніями изнутри, чрезъ что весь образъ тѣла нашего является пронизаннымъ нашимъ чувствомъ, и тѣмъ отличается образъ другихъ тѣлъ; 4) но этотъ признакъ отличаетъ его отъ другихъ тѣлъ подобно признакамъ различающимъ эти тѣла между собою, и потому не даетъ существеннаго различія, такъ что мы можемъ разсматривать свое тѣло какъ часть цѣлой вселенной и вселенную какъ цѣлое своего тѣла; 5) оба эти образа, составляющіе одинъ, суть части моего сознанія и, слѣдовательно, меня самого, такъ что я представляюсь себѣ въ двухъ видахъ, въ видѣ малаго человѣка, ограниченнаго своимъ тѣломъ, и въ видѣ большаго человѣка, включающаго въ себѣ вселенную и съ ней вмѣстѣ другихъ людей (чрезъ что мы получаемъ возрѣніе на человѣка, близкое къ возрѣніямъ Александрійской метафизики); наконецъ 6) изучаемъ ли мы себя въ маломъ видѣ, въ формѣ человѣческаго тѣла, или изучаемъ себя въ большемъ видѣ, въ формѣ вселенной, мы ничего другаго не дѣлаемъ какъ занимаемся самонаблюденіемъ, ибо *весь нашъ внѣшній опытъ есть лишь составная часть внутренняго опыта, внутренняго самонаблюденія.* Все, слѣдова-

¹⁾ Т. е. то же, что говоритъ Шервергъ.

²⁾ Основанія фізіол. психологіи, стр. 999.

тельно, разрѣшается въ самосознаніе, и кромѣ самосознанія яѣтъ никакого знанія. Ясно, что мы получаемъ взглядъ, отрицающій прежній взглядъ фізіологовъ на самонаблюдевіе, какъ на невозможный источникъ психологической науки: не только психологія основывается на самонаблюденіи, но и такъ называемое естествовѣдѣніе, со включеніемъ самой фізіологіи, основывается на томъ-же самонаблюденіи и самосознаніи. Такъ учитъ сама фізіологія въ своей теоріи ощущеній органовъ чувствъ. Намъ теперь ничего больше не остается, какъ посмотрѣть съ этой точки зрѣнія на самую фізіологію мозга, сначала въ индуктивной, а потомъ и въ дедуктивной ея формѣ.

Л. Остроумовъ.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Августа № 16. 1888 года.

Содержаніе: Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленіе.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

Къ 1-му января 1888 года оставалось: а) наличными деньгами 3 руб. 23 коп., б) билетами 100 руб. и въ долгу у Епархіальнаго свѣчнаго завода 27,380 руб., всего 27,483 руб. 23 коп.

Съ 1-го января 1888 года по 1-е іюля поступило: а) взносовъ отъ духовенства Епархіи чрезъ окружныхъ благочинныхъ 5,337 р. 19 коп., и б) процентовъ на капиталъ изъ Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода и по билету внутренняго съ выигрышами займа 824 руб. 74 коп.,—всего 6,161 руб. 93 коп. А съ остаточными 33,645 руб. 16 коп.

Въ 1-й половинѣ 1888 года израсходовано: а) согласно опредѣленію XII Епархіальнаго Съѣзда выдано заимообразно Харьковскому Епархіальному свѣчному заводу 5,804 руб., б) по резолюціи Его Высокопреосвященства Амвросіа архіепископа Харьковскаго отъ 22 декабря 1887 года выдано секретарю попечительства 150 руб. и в) употреблено на застраховку билета 1-го внутренняго займа 1 рубль,—всего 5,955 рублей.

Затѣмъ къ 1-му іюля осталось: наличными деньгами 210 руб. 16 коп., билетами 100 руб. и въ долгу у Епархіальнаго свѣчнаго завода 33,184 руб.,—всего 33,494 руб. 16 коп.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

9-го августа возстановленъ самостоятельный причтъ при Христо-Рождественской церкви сл. Гавриловки, Харьковскаго уѣзда и того-же числа опредѣленъ туда священникомъ воспитанникъ Харьковской духовной семинаріи *Михаилъ Клечновъ*.

— Священникъ Митрофаніевской церкви села Волчяго-Яра, Зміевского уѣзда, *Петръ Макухинъ* волею Божіею умеръ, а на его мѣсто опредѣленъ окончившій курсъ духовной семинаріи *Павель Анисимевъ*.

— Псаломщикъ Екатерининской церкви слоб. Протопоповки, Изюмскаго уѣзда, *Константинъ Пивоваровъ*, перемѣщенъ на праздное псаломщицкое мѣсто къ Преображенской церкви слободы Петровской, того-же уѣзда. На мѣсто-же *Пивоварова* къ церкви слободы Протопоповки опредѣленъ бывшій воспитанникъ 1 класса Харьковской духовной семинаріи *Василій Толмачевъ*.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ— Преображенской села Борокъ, Зміевского уѣзда, на первое трехлѣтіе крестьянинъ *Петръ Матяизъ*; Троицкой слоб. Проруба, Сумскаго уѣзда, крестьянинъ *Павель Трофимовъ Грещенко*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Крещеніе принца греческаго Христофора.—Распространеніе книгъ Св. Писанія въ Прибалтійскомъ краѣ.—Представленіе епископу словъ и рѣчей съ фотографіями авторовъ.—Предстоящій юбилей Полтавской Семинаріи.—Новое Братство.—Отношеніе русской жидовской печати къ юбилею крещенія Русь.—Циркуляръ новаго главнаго священника арміи и флота.—Деморализующее вліяніе на народъ праздничныхъ сельскихъ ярмарокъ.—Отсутствіе связи между Церковію и жизнью.—О надзорѣ надъ перестройками храмовъ.—Оптина пустынь.—„Сіонская вѣсть“.—Археологическія раскопки.—Пожертвованіе иконъ абиссинцамъ.—Попытка упорядочить церковно-приходскую школу.—О призрѣніи нищихъ въ городскихъ и сельскихъ обществахъ.—Смерть Люцерна.—Пристанница для русскихъ и необходимость русской школы въ Константинополѣ.—Какъ пріучить прихожанъ къ посѣщенію вечеренъ въ праздничные дни.—Благодатное исцѣленіе.—Открытіе сельско-хозяйственныхъ и лѣсныхъ школъ.—Важное открытіе науки.—Объявленіе.

— Въ четвергъ, 11-го августа, въ Павловскѣ, во дворцѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, происходило, согласно Высочайше утвержденному церемониалу, святое крещеніе Высоконоворожденнаго, Его Королевскаго Высочества Принца Греческаго Христофора.

Въ алтарѣ церкви собралось духовенство; на клиросѣ стали придворные пѣвчіе. Къ часу дня во дворцѣ собрались Особы Императорской Фамиліи. Къ этому-же времени прибыли Ихъ Величества

изъ Петергофа. На лѣстницѣ дворца Ихъ Величествъ встрѣтили Августѣйшія Особы, пребывающія въ Павловскѣ.

Въ началѣ второго часа началось шествіе въ церковь.

Шествіе открывали гофъ-фурьеры Двора Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, затѣмъ слѣдовали гофъ-фурьеры и камеръ-фурьеры Высочайшаго Двора, церемоніймейстеры и оберъ-церемоніймейстеръ. За ними первые чины Двора, по два въ рядъ, предшествовали Ихъ Величествамъ. Государь Императоръ и Государыня Императрица шли, сопровождаемые Министромъ Императорскаго Двора и дежурствомъ.

При входѣ въ церковь Ихъ Величества и Особы Императорской Фамиліи были встрѣчены настоятелемъ греческой посольской церкви архимандритомъ Неофитомъ, со крестомъ и святою водою. Когда всѣ заняли свои мѣста въ храмѣ, архимандритъ совершилъ святое крещеніе на серединѣ храма предъ царскими вратами въ сослуженіи съ архимандритомъ Александро-Невской лавры Исаіею протоіереемъ Шафрановскимъ, Двоукраевымъ и Сильнымъ и двумя протодіаконами. У купели стали Воспріемники: Его Величество Государь Императоръ, Ихъ Императорскія Высочества Великая Княгиня Александра Іосифовна и прочія Августѣйшія Особы поименованныя въ церемоніалѣ.

По совершеніи таинства, Ея Величество Государыня Императрица приняла Высоконоворожденнаго и поднесла его къ принятію Святыхъ Тайнъ; Его Величество Король Эллиновъ возложилъ на него греческій орденъ Спасителя. Государь Императоръ возложилъ на Высоконоворожденнаго російскій Императорскій орденъ святаго Апостола Андрея Первозваннаго.

Придворные пѣвчіе запѣли „Тебѣ, Богъ хвалимъ“ и со всѣхъ церквей города раздался колокольный звонъ; одновременно съ этимъ загремѣлъ салютъ артиллеріи въ 301 выстрѣлъ.

По отпускѣ, протодіаконъ возгласилъ многолѣтіе, и духовенство принесло въ церкви поздравленіе Его Величеству Королю Эллиновъ. Затѣмъ послѣдовало обратное шествіе изъ церкви во внутренніе покои, при чемъ Высоконоворожденный Принцъ былъ несенъ вслѣдъ за Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ.

— Въ Прибалтійскомъ краѣ разрѣшенъ наконецъ довольно давно уже возбужденный вопросъ о возможно большемъ распространеніи книгъ св. Писанія и другихъ назидательныхъ изданій среди мѣстнаго православнаго населенія. Рижская духовная консисторія 21 іюня постановила: открыть при Ойрсовской церкви въ г. Ригѣ

центральный складъ изданій Св. Синода на славянскомъ и русскомъ языкахъ, также иконъ и крестиковъ; таковыя же склады славянскихъ и русскихъ изданій Св. Синода открыты при дерптской Успенской и яacobштадской—Покровской и, по резолюціи его преосвященства на журнальномъ опредѣленіи консисторіи, также при митавской и либавской церквяхъ; склады латышскихъ книгъ открыты при 9 церквяхъ, эстскихъ—при 8 церквяхъ; въ складахъ латышско-эстовскихъ книгъ, по потребности, должны быть и славяно-русскія книги. Опредѣленіе консисторіи епархіальнымъ епископомъ утверждено 7 іюля.

— Епископъ черниговскій чрезъ епархіальныя вѣдомости объявилъ духовенству о своемъ желаніи, чтобы статьи, слова и рѣчи, которыя имѣютъ быть произнесены священнослужителями и служащими при учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства, въ церквяхъ или въ собраніяхъ для народнаго чтенія, и которыя по мнѣнію мѣстныхъ цензоровъ будутъ признаны лучшими, были представлены ими, по произнесеніи таковыхъ, его преосвященству, вмѣстѣ съ фотографическими кабинетными портретами авторовъ тѣхъ рѣчей или статей.

— Полтавская духовная семинарія въ октябрѣ мѣсяцѣ будетъ праздновать свой 150-лѣтній юбилей. Въ виду именно этого юбилея воспитанники шестого класса семинаріи, заканчивая курсъ семинарскаго образованія и желая, по примѣру своихъ предшественниковъ, наглядно выразить благодарность воспитавшему ихъ заведенію, соорудили на добровольную складчину прекрасную икону св. преподобно-мученика Макарія, переяславскаго чудотворца, для домовою семинарскаго церкви. Выборъ иконы имѣетъ, какъ замѣтили епархіальныя вѣдомости, отношеніе къ юбилею. Начавши свое существованіе въ Переяславѣ, гдѣ въ Свято-Вознесенскомъ монастырѣ вѣтлѣнно почиваютъ мощи св. преподобно-мученика Макарія, семинарія, такъ сказать, съ перваго дня своего рожденія находилась подъ его особеннымъ духовнымъ покровительствомъ. Внесеніе иконы въ церковь торжественно совершено 23 іюня.

— Въ Екатеринославѣ, въ память 900-лѣтія крещенія Руси, 15 іюля, открыто Епархіальное Братство св. Владиміра. По уставу Братство имѣетъ цѣлью содѣйствовать распространенію грамотности и религіозно-нравственному просвѣщенію православныхъ христіанъ въ предѣлахъ Екатеринославской епархіи. Для этой цѣли братство должно объединить и исполнить дѣятельность уже существующихъ въ епархіи учреждений, имѣющихъ болѣе спеціальныя задачи, а

именно: повсемѣстное распространіе церковно-приходскихъ школъ, виѣбогослужебныхъ собесѣдованій церковныхъ пастырей съ народомъ, устройство церковныхъ библіотекъ, книжныхъ складовъ, развитіе церковнаго пѣнія, обезпеченіе успѣховъ въ борьбѣ съ мѣстнымъ сектантствомъ. Средства Братства составляются изъ взносовъ членовъ Братства, которые раздѣляются на пожизненныхъ, дѣйствительныхъ и членовъ соревнователей. Пожизненными членами именуются внесшіе единовременную сумму не менѣе 100 р. Дѣйствительными членами Братства именуется лица, вносящія въ кассу Братства ежегодно не менѣе пяти рублей. Членами соревнователями именуется лица, вносящія въ братскую кассу менѣе пяти рублей, а также жертвующія на незначительную сумму книгами и другими вещами. Почетными членами своими Братство, по разрѣшенію Общаго Собранія, признаетъ тѣхъ, кои оказали особенныя услуги Братству своими трудами и нравственнымъ вліяніемъ, или же значительными пожертвованіями. На всѣхъ членахъ Братства лежитъ нравственное обязательство содѣйствовать осуществленію цѣлей Братства всѣми средствами, матеріальными и духовными.

— Русская жидовская печать стнеслась къ недавнему юбилею крещенія Россіи по своему. Главный жидовскій органъ не постѣснился даже упрекнуть св. князя Владиміра за то, что онъ принялъ православіе, а не еврейскую вѣру, хотя, по соображеніямъ этого органа, православіе имѣло не больше правъ на вниманіе св. Владиміра, чѣмъ еврейская вѣра. Если жида не постѣснились сказать это въ Петербургѣ, то можно себѣ представить, чего наговорили они на столбцахъ принадлежащихъ имъ вѣнскихъ и пеннскихъ газетъ, имѣющихъ возможность выражать свою ненависть къ Россіи безъ всякихъ стѣсненій! Даже издающаяся въ Австріи нѣмецкая газета „Vaterland“ обратила вниманіе на злобныя выходки жидовскихъ газетъ по поводу юбилея крещенія Россіи, какъ на нѣчто особенно бросающееся въ глаза. Это еврейское озлобленіе, вызванное нашимъ юбилейнымъ празднествомъ, лучше всякихъ разсужденій поясняетъ, что православіе, между прочимъ, охраняетъ Россію и отъ жидовскаго натиска. Понятно, почему евреи всѣхъ странъ оказываются въ данномъ случаѣ такъ солидарны. (Нов. Вр.).

— Новый главный священникъ арміи и флота, протоіерей Желобовскій, разослалъ, по словамъ „Новостей“, подвѣдомственному ему военному духовенству циркуляръ, въ которомъ, констатируя, что въ обществѣ распространено не совсѣмъ свѣтлое и лестное мнѣніе относительно военнаго духовенства, преподалъ ему „братскіе

совѣты“, чтобы оно стояло на высотѣ своего призванія и было свободно отъ всякихъ упрековъ и нареканій. Главные изъ этихъ совѣтовъ слѣдующіе: къ епархіальной власти и ея представителямъ относиться съ полнымъ почтеніемъ; по требованію не вмѣшиваться въ чужеприходныя дѣла и ни подъ какимъ видомъ не вѣнчать свадьбы безъ соблюденія предбрачныхъ предосторожностей; офицерскія собранія посѣщать для чтенія книгъ и газетъ и уклоняться отъ вечернихъ развлеченій. Въ заключеніе главный священникъ совѣтуетъ военному духовенству избѣгать всякой претензіи на щегольство и не дозволять себѣ куренія табаку на улицахъ, въ общественныхъ залахъ и собраніяхъ, вообще публичныхъ и многочисленныхъ мѣстахъ.

— „Сынъ Отеч.“ указываетъ на то, что у насъ къ частнымъ религіознымъ торжествамъ, напр., престольнымъ праздникамъ въ деревняхъ, на которые стекается много народа изъ окрестностей, приурочены бывають ярмарки и торги и что духъ корысти съ одной стороны и базарнаго разгула съ другой, не только подавляютъ проявленія религіознаго чувства богомольцевъ, но и совершенно деморализуютъ народъ. Въ подтвержденіе этого авторъ указываетъ на праздникъ св. Параскевы (Ильинская пятница) въ с. Ильешахъ (петерб. енарх.); гдѣ собираются десятки тысячъ народа. Вотъ что встрѣтилъ тамъ авторъ:

Здѣсь, религіозное празднованіе начинается съ понедѣльника той недѣли, на которую приходится „Ильинская пятница“. Въ эти дни, кромѣ церковныхъ службъ, совершаются частые крестные ходы на мѣсто явленія святой Параскевы, въ часовню среди полей, въ верстахъ двухъ отъ села,—тамъ читають акаѣсты и исполняютъ, по желанію и заказу богомольцевъ, разныя религіозныя требы. Зная объ этомъ обстоятельствѣ, я направился заранѣе, чтобы видѣть проявленіе народнаго религіознаго чувства, такъ сказать, въ чистомъ видѣ, безъ помѣхи и подавленія его житейскими заботами, и долженъ сказать, что вынесъ очень тяжелое впечатлѣніе, и вотъ почему. Я пробылъ въ Ильешахъ среду и четвергъ, когда свѣтская сторона праздника устроилась только на половину, но тѣмъ не менѣе ярмарочный разгулъ уже и тогда выражался въ слишкомъ краснорѣчивыхъ формахъ, слишкомъ безцеремонно вторгался въ религіозное торжество; думаю, что въ пятницу положеніе дѣлъ еще болѣе осложнилось, потому что въ этотъ день масса народа удваивается и торжище развертывается во всю ширь... Приведу кое что изъ моихъ впечатлѣній. Храмъ стоитъ въ срединѣ села; на его

площади и прилегающихъ улицахъ раскинулась ярмарка. И вотъ, напримѣръ, въ то время, когда идетъ крестный ходъ, ярмарочная жизнь охватываетъ его своимъ бурнымъ кольцомъ, и пѣніе клира заглушается... но я не буду говорить чѣмъ, щадя религіозное чувство читателя, да онъ и самъ догадается о внѣшнемъ проявленіи „жизни“ празднои, веселой, ярмарочной толпы,—а церковный благовѣстъ сливается съ завываніемъ шарманки въ сосѣдномъ странствующемъ циркѣ, у входа въ который „кокетничаетъ“ полунагая женщина-эквилибристка, вызывая циническія остроты толпы, или пронзительно подсвистываетъ шарманкѣ тощій длинный гимнастъ и пр. и пр.

До какой степени у насъ въ жизни утратилась связь съ Церковью и ея требованіями свидѣтельствуетъ слѣдующая замѣтка одного москвича въ „Гражд.“: на дняхъ намъ довелось совершенно случайно натолкнуться на вопросъ, который, въ сущности говоря, весьма стоитъ размышленія. Въ ночь и утро подѣ Ильинъ день, вокругъ одной мѣстности, изобилующей селами и, слѣдовательно, церквами, происходили маневры со всѣми атрибутами громкой пальбы. Утромъ маневры закончились и чуть не въ самую обѣдню войска направились въ мѣста своихъ стоянокъ съ пѣніемъ захватскихъ солдатскихъ пѣсенъ. Послѣднее обстоятельство невольнo навело насъ на слѣдующее размышленіе. Ильинъ день—большой народный праздникъ, одинъ изъ немногихъ дней въ году, когда даже подмосковные крестьяне, эти сравнительно утратившіе прежнюю религіозность люди, толпами стремятся въ храмы. И вотъ въ это-то время, совершенно въ разрѣзъ съ сохранившимся къ счастью религіознымъ чувствомъ народа, раздаются пѣніе плясовыхъ пѣсенъ. Точно-ли оно такъ и слѣдуетъ? Точно-ли нельзя обойтись въ утро Ильина дня безъ маневровъ и въ Ильинъ день, въ періодъ церковной службы, безъ плясовыхъ пѣсенъ? Съ каждымъ годомъ мы болѣе и болѣе осознательно ощущаемъ печальное явленіе постепеннаго уменьшенія религіознаго чувства въ простомъ народѣ; съ каждымъ годомъ мы чаще и чаще становимся свидѣтелями того, что прежде рѣдкостное преступленіе святотатства начинаетъ занимать теперь видное мѣсто въ статистикѣ преступленій; чаще и чаще повторяются возмутительные случаи ограбленія изъ за несчастныхъ трехъ, пяти рублей церковныхъ кружекъ и деревенскихъ часовенъ. Мы справедливо сѣтуемъ на это, и вполне резонно задаемъ себѣ вопросъ о томъ, къ чему-же оно прійдетъ наконецъ? И что-же? Рядомъ съ этимъ мы какъ-бы становимся покровителями того, что въ значительной степени служить

нарушеніемъ религіознаго чувства въ народѣ, что идетъ совершенно въ разрѣзъ съ нимъ. Пѣніе плясовыхъ пѣсенъ во время божественной службы и маневры въ утро передъ обѣдней въ Ильинъ день! Что должны думать при этомъ крестьяне прилегающихъ мѣстностей? Что думаютъ, идя въ церковь, эти люди при встрѣчѣ массы солдатъ, вышедшихъ изъ ихъ-же среды, по ихнему-же чтившихъ праздникъ и теперь распѣвающихъ пѣсни передъ обѣдней? Какое чувство по отношенію къ прежнимъ вѣрованіямъ принесетъ съ собою въ деревню бывший крестьянинъ, отбывшій воинскую службу, и какъ его новое міровоззрѣніе, его отношеніе къ религіознымъ вопросамъ повліяютъ на его односельчанъ? Право надъ всѣмъ этимъ стоитъ призадуматься; оно вполне заслуживаетъ размышленія и въ особенности въ наше время, когда крестьянство, живущее близъ большихъ городовъ, и безъ того уже утратило многое изъ своихъ прежнихъ хорошихъ чертъ, когда оно и безъ того сдѣлалось такъ пассивно по отношенію къ вопросамъ религіи.

— По словамъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ вскорѣ предполагается усилить надзоръ надъ перестройками храмовъ, съ цѣлью прекращенія искаженій допускаемыхъ при реставраціи въ храмахъ. Съ этою цѣлью, каждый изъ членовъ попечительства будетъ пользоваться правомъ призывать на совѣщанія опытныхъ художниковъ и специалистовъ-ремесленниковъ. Только послѣ единогласнаго одобренія всѣхъ членовъ попечительства, проектъ предполагаемыхъ работъ и способъ веденія этихъ работъ получаютъ утвержденіе отъ подлежащихъ властей. Въ случаѣ-же неодобренія, хотя-бы со стороны одного только члена попечительства, вопросъ поступаетъ на разсмотрѣніе специалистовъ, которые, въ данномъ случаѣ, избираются совмѣстно консисторіей и губернскими властями. Кроме того, въ этотъ проектъ введены параграфы предписывающіе членамъ попечительства болѣе отвѣтственный надзоръ надъ всѣмъ церковнымъ имуществомъ.

— Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ помѣщено интересное описаніе знаменитой Оптиной пустыни сохранившей лучшія преданія иноческой жизни. „Пустынь находится въ 3 верстахъ отъ уѣзднаго города Козельска и стоитъ на небольшой возвышенности; къ собору ведетъ широкая удобная лѣстница. Со стороны Козельска, саженьхъ въ 50 отъ монастыря, течетъ рѣка Жиздра. По этой рѣкѣ, здѣсь широкой и довольно глубокой, прогоняютъ плоты, а черезъ рѣку въ монастырь переѣзжаютъ на паромѣ. Видъ пустыни очень красивъ: бѣлыя зданія ярко выдѣляются на зеленомъ фонѣ лѣса.

На сколько можно видѣть, пустынь не обладаетъ большими богатствами. Главное ея сокровище—духовное. Устройство ея нѣсколько иное, чѣмъ у большинства монастырей; главное ея отличие отъ нихъ—это старчество. Изъ престарѣлыхъ монаховъ, отличающихся строгостью жизни, выбираются „старцы“—руководители для другихъ. Этимъ руководителямъ другіе монахи, особенно молодые, постоянно даже по нѣсколько разъ въ день, открываютъ свои помыслы и душевное свое состояніе, прося у нихъ совѣтовъ. Здѣсь все иноки поступаютъ съ твердымъ убѣжденіемъ и желаніемъ истиннаго монашества. Обитель не гонится за извѣстностью и за матеріальными выгодами. Въ гостинницѣ пустыни, на примѣръ, за номеръ, за пищу, всегда съ трапезы, всякій платитъ по средствамъ: положенной платы нѣтъ.

Не смотря на это, монастырь, находясь вдали отъ городовъ (если не считать незначительнаго Козельска), удаленный отъ желѣзныхъ дорогъ (ближайшая станція Калуга въ 60 верстахъ), существуетъ благополучно до сихъ поръ. Въ этомъ отдаленіи отъ центровъ жизни отчасти слѣдуетъ искать причину высокой нравственности монаховъ. Ему нѣсколько столѣтій. Было время, когда въ монастырѣ число братіи сократилось до 2, такъ что они приглашали священника для совершенія литургіи. Теперь въ ней до 350 человекъ братіи. Она крѣпка внутреннею силой: вѣрою и чистотой жизни монаховъ. Въ пустыпѣ всѣ монахи иноки не по одеждѣ только. Обращеніе ихъ со всѣми ласковое и въ высшей степени вѣжливое, проникнуто любовью. Служба въ обители продолжительна. Съ 2 ч. ночи до 5—заутреня, въ 5^{1/2}—ранняя обѣдня, въ 9—поздняя, съ 5^{1/2}—8 вечерня; время между службами наполняется различными послушаніями. Въ пустыни принимается во вниманіе прежняя жизнь монаха, съ нею сообразуются. На примѣръ, есть здѣсь монахъ, въ міру принадлежавшій къ высшему петербургскому обществу. Этотъ монахъ, любитель живописи, серьезно занимался и теперь занимается ею.

При пустыни есть прекрасно устроенная больница (гдѣ лѣчитъ врачъ-монахъ этой обители), плодовой садъ, скотный дворъ, восковой заводъ. Все хозяйство въ образцовомъ порядкѣ. Монахи и даже иныя высшія лица монастырскаго управленія ходятъ на полевые работы.

Въ четверти версты отъ монастыря находится скитъ. Здѣсь живетъ извѣстный старецъ, іеросхимонахъ Амвросій“.

— Въ Сенатѣ недавно рассматривалось уголовное дѣло по по-

воду появленія новой религіозной секты, прозванной „Сіонскою вѣстью“ и „Деснымъ братствомъ“. Основателемъ секты является отставной артиллерійскій капитанъ Ильинъ, а мѣстомъ распространенія ея — Верхотурскій уѣздъ, Пермской губерніи. Профессоръ Казанской духовной академіи Ивановскій, въ качествѣ эксперта, далъ отзывъ, что секта эта представляетъ смѣсь еврейства съ понятіями раціоналистическими и грубо-матеріалистическими, отличаясь фанатизмомъ и отрицаніемъ авторитета властей. Капитанъ Ильинъ, въ видахъ распространенія своего ученія, составлялъ письменныя проповѣди и брошюры, а послѣдователи его разносили эти произведенія и привлекали прозелитовъ. Дѣло обнаружило не духовное начальство, а прокуроръ, по вѣроисповѣданію католикъ, и тогда Пермская духовная консисторія рѣшила привлечь обвиняемыхъ къ уголовному суду. Въ результатѣ 34 крестьянина предстали передъ Екатеринбургскимъ окружнымъ судомъ. Обвиненные присяжными, эти распространители капитанской вѣры были приговорены частью къ ссылкѣ на поселеніе въ Закавказье, частью къ тюремному заключенію. Дѣтей ихъ рѣшено отобрать и отдать на воспитаніе православнымъ родственникамъ или опекунамъ, по назначенію правительства. Повѣренный обвиненныхъ, присяжный повѣренный Ольхинъ, ходатайствовалъ въ сенатѣ о кассациі, опираясь на разныя формальныя упущенія въ судопроизводствѣ, но Сенатъ оставилъ приговоръ суда въ силѣ („Нед.“ № 29).

— Въ послѣднихъ числахъ іюля профессоромъ кievской духовной академіи П. А. Лашкаревымъ, при участіи членовъ строительнаго комитета для возведенія въ г. Переяславѣ новой каменной церкви во имя Успенія Богоматери, вмѣсто разобранной деревянной того-же имени, сдѣланы, по словамъ „Кіевл.“, весьма любопытныя и важныя археологическія находки. Дѣло въ томъ, что по церковнымъ лѣтописямъ извѣстно о построеніи нѣкогда въ г. Переяславѣ церкви Успенія еще Владиміромъ Мономахомъ. Во время татарскаго нашествія церковь эта была разрушена и возобновлена только въ 1586 г. княземъ Василюемъ Васильевичемъ Острогожскимъ въ видѣ большой деревянной церкви, гдѣ происходило торжественное принесеніе присяги на подданство Россіи гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ въ 1654 году. Въ концѣ XVI столѣтія церковь эта сгорѣла и была вновь отстроена при помощи царя Алексѣя Михайловича. Въ 1786 году новый пожаръ разрушилъ этотъ храмъ, вскорѣ возобновленный мѣстными средствами. Въ 1826 церковь была передѣлана, но за ветхостью богослуженіе въ ней прекращено съ

1876 года. Въ настоящее время церковь эта разобрана для возведенія новой каменной, которая сохранила-бы память объ этомъ славномъ историческомъ храмѣ. При нивелировкѣ холма подѣ новую постройку были обнаружены, а потомъ и разрыты, въ мѣстѣ бывшаго алтаря, древнія каменныя стѣны въ восточной половинѣ холма, имѣющія видъ и характеръ церковныхъ построекъ кievскаго великокняжескаго періода. Кладка этихъ остатковъ оказалась имѣющей всѣ признаки древнѣйшихъ кievскихъ церквей. Кирпичи имѣютъ видъ плитъ 7 вершковъ длины на $5\frac{1}{4}$ вершковъ ширины и 1 вершокъ толщины. Цементъ—известка съ толченымъ кирпичемъ. Кромѣ того, открыты двѣ стѣны болѣе поздняго происхожденія, примыкающія къ древнѣйшей постройкѣ въ направленіи сѣвера и юга. Длина послѣдней составляетъ 13 аршинъ 13 вершковъ при ширинѣ въ 9 аршинъ 10 вершковъ. Столь небольшіе размѣры этого древняго храма, по мнѣнію профессора Лашкарева, даютъ много вѣроятія въ пользу предположенія, что упомянутый древній каменный храмъ служилъ домовою церковью при великокняжескомъ дворцѣ Владиміра Мономаха. Весьма любопытно то обстоятельство, что храмъ, совершенно аналогичный этому, встрѣчается всего одинъ разъ, именно—церковь на хорахъ Кирилловскаго монастыря, построенная женою великаго князя Святополка.

Остатки найденныхъ въ Переяславѣ стѣнъ возвышаются съ небольшимъ на одинъ аршинъ, при весьма низкомъ фундаментѣ, не превышающемъ $\frac{3}{4}$ аршина. Все внутреннее пространство храма, наполненное щебнемъ, остается покаместъ не раскопаннымъ, исключая небольшого куска въ южной части, гдѣ профессоромъ Лашкаревымъ открытъ полъ, составленный изъ разноцвѣтныхъ кусковъ цѣины. По рѣшенію строительнаго комитета, найденные остатки будутъ цѣликомъ помѣщены подѣ поломъ новаго храма для обозрѣнія и производства окончательныхъ раскопокъ. Стѣны сохранились (въ упомянутой высотѣ) на сторонахъ восточной, сѣверной и южной; въ западной-же открытъ только небольшой кусокъ, съ полукруглымъ пилястромъ, каковыя, счетомъ 4, имѣются и въ другихъ сторонахъ. Во время раскопокъ найдены: круглая, болѣе чѣмъ до половины сохранившаяся, шиферная красная плита, съ отчетливыми слѣдами византійскаго орнамента; три куска четырехъ-угольныхъ такихъ-же плитъ византійскаго орнамента, но нѣсколько отличнаго рисунка, равно нѣсколько другихъ кусковъ красныхъ шиферныхъ плитъ. Въ западной части остатковъ найдено множество могилъ и скелетовъ съ остатками костей и гробовъ. Покуда най-

дены два перстня: мѣдный и серебрянный, причемъ, въ отсутствіе профессора Лашкарева, послѣдній былъ испорченъ во время очистки, и бывшее на немъ какое-то изображеніе уничтожено.

Въ настоящее время изъ прежнихъ святынь этого храма сохранена икона Богоматери, извѣстная подъ именемъ Ченстоховской и нынѣ находящаяся въ кладбищенской церкви аностола Оомы. Кромѣ того, существуетъ Евангеліе, на которомъ, по преданію, присягалъ Хмельницкій съ народомъ. Оно хранится въ Переяславской Покровской церкви.

— Академикъ по византійской живописи В. В. Васильевъ, имѣющій иконописную мастерскую, пожертвовалъ Абиссиніи писанныхъ имъ на деревѣ 9 иконъ разныхъ изображеній святыхъ для иконостаса и 6 большихъ, такъ называемыхъ мѣстныхъ. Лица, видѣвшіи эти образа, отзываются объ исполненіи ихъ съ большою похвалою. Кромѣ того, для раздачи абиссинскому народу, г. Васильевъ подарилъ болѣе тысячи экземпляровъ изображеній святыхъ разной величины печатныхъ и писанныхъ масляными красками на холстѣ. Все пожертвованное отправлено, черезъ Н. И. Ашинова, въ Одессу на Аѳонское подворье, а оттуда уже пойдетъ къ миссіонерамъ прямо въ Абиссинію.

— Одно изъ сельскихъ обществъ, подольской губерніи, желая уиорядочить дѣла своей церковно-приходской школы, постановило: „тѣхъ родителей, коихъ дѣти будутъ внесены въ списки школы, обязать подпиской въ томъ что они будутъ аккуратно посылать дѣтей въ школу и непременно съ 1 сентября каждаго года, гдѣ будутъ продолжать ученіе до 15 мая слѣдующаго года. Кромѣ того, сельскій сходъ избралъ четверыхъ крестьянъ-попечителей, на обязанности которыхъ лежитъ, чтобы школьное занятіе было въ порядкѣ и снабжено всѣмъ необходимымъ и положеннымъ; равно попечители обязаны по очереди являться въ школу два раза въ недѣлю: по понедѣльникамъ и четвергамъ, и приводить неявившихся учениковъ въ школу и сообщать учителю причину неявки ученика. Попечителямъ предоставляется право родителей учениковъ, не посѣщающихъ школы безъ основательныхъ причинъ, за каждый пропущенный учебный день подвергать штрафу въ размѣрѣ 15 коп., при чемъ штрафныя деньги должны поступать на улучшение средствъ школы. Сборъ денегъ на содержаніе школы возлагается на сборщика податей.

— Въ настоящее время въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ идутъ усиленные занятія для обсужденія вопроса о призрѣніи ни-

щихъ въ сельскихъ и городскихъ обществахъ. По собраннымъ министерствомъ даннымъ, общее число нищихъ въ 71 губерніяхъ, областяхъ, градоначальствахъ и городахъ 293,450 человекъ обоого пола. По отношенію къ причинамъ порождающимъ нищенство преобладаетъ число нищихъ отъ причинъ постоянныхъ. Всѣхъ обществъ и учрежденій правительственныхъ и частныхъ имѣющихъ цѣлью содѣйствіе призрѣнію нищихъ 641, а заведеній 1,515. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ о суммахъ расходуемыхъ земствами и городскими управленіями на призрѣніе нищихъ, независимо отъ содержанія разныхъ богоугодныхъ заведеній, оказывается, что расходуется ежегодно около 300 тыс. руб. Частная благотворительность проявляется въ формѣ раздачи нищимъ милостыни на руки деньгами, вещами и съѣстными припасами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, помимо этого, обычаемъ установлено давать нищимъ обѣдъ въ дни похоронъ и поминовенія. Благотворительность духовнаго вѣдомства выражается выставкой въ церквахъ кружекъ для сбора подаеній. Въ составленномъ, на основаніи упомянутыхъ данныхъ, докладѣ сгруппированы свѣдѣнія о способахъ призрѣнія неимущихъ принадлежащихъ къ дворянству, духовенству и не приписанныхъ ни къ какимъ обществамъ.

— Изъ саратовской епархіи въ „Церк. Вѣсти.“ пишутъ: на дняхъ умеръ раскольничій свѣтло, воспитанникъ духовной академіи, потомъ лишенный священства Иванъ Гавриловъ Люцерновъ. Онъ умеръ въ Самарѣ, достигнутый смертью въ полномъ разгарѣ своей дѣятельности въ расколѣ.

Люцерновъ, оставивъ должность преподавателя въ семинаріи и выйдя за штатъ, бросился въ расколъ бѣглопоповской секты съ цѣлю наживы денегъ. Образование, службу, священство— все повергнулъ предъ золотымъ тельцомъ. И это въ такихъ лѣтахъ (ему было свыше 50 л.), когда человекъ находится въ зрѣломъ разсудкѣ, пройдя горнило жизни. Бывшій пастырь православной Церкви, измѣнилъ своей присягѣ и сталъ потомъ яркимъ хулителемъ ея священноначалія, такъ что въ этомъ случаѣ онъ стоялъ наравнѣ съ невѣжественнымъ раскольникомъ-фанатикомъ. Послѣдній изрыгалъ свои проклятія на православную Церковь по своему невѣжеству, а Люцерновъ, какъ образованный человекъ, совершенно напротивъ.

Разстриженнаго Люцернова мы узнали вскорѣ послѣ перехода его въ расколъ. Объ этомъ обстоятельстве намъ тотчасъ-же сообщилъ бывшій при его присоединеніи къ расколу уставщикъ Х.

Дозволивъ себя перемазать раскольниковымъ муромъ, предавъ анаемѣ православную Церковь, Люцерновъ тутъ-же заполучилъ 3,000 сребренниковъ и сталъ жить на широкую ногу, свободно, вольно, какъ и вообще живутъ раскольничьи іереи, продавшіе вѣру и священство за деньги. Когда объ этихъ сребренникахъ мы помѣстили сообщеніе въ мѣстной газетѣ, Люцерновъ написалъ цѣлую эпистолю, опровергая наше сообщеніе, и въ то-же время изрыгнулъ цѣлую массу ругательствъ на высшихъ представителей Церкви православной. Мы читали это возраженіе его и, признаемъ съ трудомъ вѣрили, что это писалъ бывший служитель этой-же Церкви. И только когда увидѣлись лично съ нимъ, и „ушима слышахомъ“ подтвержденіе писаннаго имъ, то сомнѣніе наше превратилось въ увѣренность. Люцерновъ, согласно своей записки, говорилъ намъ, что онъ перешелъ въ старообрядчество бѣглопоповской секты по глубокому убѣжденію своей совѣсти, что онъ нашелъ его истинной святой Христовой церковью, — той церковію, которая существовала у насъ до Никона патріарха на Руси неизмѣнно, а потомъ заключилась въ указанное общество старообрядцевъ. Грекороссійская-же Церковь, гдѣ онъ получилъ воспитаніе и священство, находится въ ереси, заложена разными человѣческими новшествами и искаженіями преданій и ученія Христовой церкви; высшая церковная іерархія превратилась въ официальную карательную власть, не доступную для мірянъ и священниковъ; Св. Синодъ русской Церкви онъ находилъ... Впрочемъ, все передавать, что мы слышали отъ него и читали — было-бы очень долго. И все это въ перемежку съ руганью, съ уподобленіями различнымъ историческимъ лицамъ и бывшимъ нѣкогда учрежденіямъ. Когда редакторъ и цензоръ газеты отказались помѣстить его статью, Люцерновъ обратился къ окружному суду и привлекъ насъ на скамью обвиняемыхъ. Но дѣло кончилось иначе: Люцерновъ, какъ уличенный въ склонности къ расколу, взятъ былъ полиціею и препровожденъ въ Суздальскій монастырь на покаяніе. Слѣдомъ за нимъ покатили и наши раскольники въ тотъ же престарѣлый г. Суздаль, чтобы сбить оковы заточенія съ своего іерея. И дѣйствительно, Люцерновъ избѣжалъ наказанія: одно время онъ изорвалъ свою простыню, сдѣлалъ изъ нея бичевку и съ помощью ея бѣжалъ съ прогулки по монастырскому двору. Высокія каменные стѣны монастыря-крѣпости не удержали его; онъ сумѣлъ перешагнуть ихъ и снова впалъ въ объятія излюбленныхъ имъ раскольниковъ-толстосуммовъ. За побѣгъ изъ монастыря Св. Синодъ лишилъ его

священства, но для Люцернова и раскольниковъ это ровно не имѣло никакого значенія. Съ документомъ почетнаго гражданина, стриженный, въ свѣтскомъ костюмѣ, Люцерновъ былъ для нихъ тотъ же іерей, какъ и раньше. Послѣ этого побѣга и лишенія сана онъ только смѣлѣе и нахальнѣе сталъ дѣйствовать, поселившись на постоянное житье въ Саратовѣ. Купецъ Калининъ купилъ ему хорошій каменный домъ, и онъ зажилъ себѣ припѣваючи. Отслужить въ праздникъ обѣдню въ молельнѣ и свободенъ цѣлую недѣлю. Требы онъ совершалъ по нѣскольку въ одинъ разъ, начиная съ обѣденъ. Иначе онъ не любилъ дѣлать и не баловалъ каждаго просителя, особенно бѣдняковъ. Онъ дорожилъ временемъ и своимъ спокойствіемъ. На все у него были часы и опредѣленное время.

Живя въ Саратовѣ, Люцерновъ имѣлъ свой приходъ и далеко за его предѣлами. Онъ ѣздилъ къ донскимъ казакамъ, на Уралъ, въ другія губерніи, и умеръ на чужбинѣ. Смерть не дала этому растригъ-авантюристу пожить дольше и накопить денегъ больше.

Будучи раскольничьимъ попомъ, Люцерновъ составлялъ гордость для послѣднихъ. Они смотрѣли на него, какъ на человека большаго ума, ученаго и при всемъ этомъ познавашаго ихъ вѣру.— „Ужъ какъ начнетъ намъ батюшка-то говорить, такъ все-бы слушалъ его, касатика. И откуда берутся такія умныя слова? Вотъ ужъ философіей-то наградилъ его Господь!“—говорили старообрядцы. И они любили показывать его другимъ сектантамъ, отвергающимъ священство, нарочито составляли парадные диспуты, пропагандируя свою секту и т. д.

Какъ держалъ себя и жилъ въ расколѣ Люцерновъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ то, что его очень часто видѣли въ театрѣ въ ложѣ, въ вокзалѣ, въ общественныхъ садахъ, на гуляньѣ. Не задолго предъ смертью его видѣли въ вокзалѣ шибко кутившимъ въ соучастіи одной пѣвицы, при чемъ между имъ и видѣвшимъ произошелъ слѣдующій обмѣнъ словъ:

— Какъ дѣйствуете, Иванъ Гавриловичъ, въ своемъ царствѣ раскола?—спросили Люцернова.

— Отлично, голубчикъ, превосходно. Дурачье лижутъ мнѣ руки, кланяются то и дѣло въ ноги, житье—лафа! Деньги льются ежедневно. Кади только гуще ладономъ, да по шире любимый ими крестъ раздвигай, ну и умиляются,—отвѣтилъ Люцерновъ.

Эти слова должны-бы раскольники записать въ скрижали своего сердца. Они свидѣлствуютъ о степени убѣжденія тѣхъ іере-

евъ, которые переходятъ изъ православія въ расколъ. Для насъ-же важно здѣсь то, что это сказалъ тотъ-же Люцерновъ, который лично намъ и письменно къ другимъ раньше заявилъ, что онъ перешелъ въ расколъ „по глубокому убѣжденію своей совѣсти“. Одно и то же лицо говорить противное. Видѣвшій Люцернова въ вокзалѣ свидѣтельствовалъ намъ, что онъ былъ одѣтъ по свѣтски, въ золотыхъ очкахъ, какъ мы и сами видѣли его не разъ гулявшимъ по улицѣ.

Въ заключеніе мы должны сказать, что обучаясь въ саратовской семинаріи, Люцерновъ былъ очень религіозный человѣкъ. По окончаніи курса, онъ вмѣстѣ съ двумя другими товарищами по семинаріи, подавалъ прошеніе о постриженіи его въ монашество, но потомъ раздумалъ. Въ послѣдніе-же 2 класса семинаріи или, по тогдашнему, на богословскомъ курсѣ велъ жизнь весьма строгую, аскетическую: вина не пилъ, мясную пищу не вкушалъ, свѣтскихъ книгъ не читалъ и пр. Но вступивъ въ жизнь, измѣнился. („Церк. Вѣстн.“ № 33).

— Изъ Константинополя въ „Цер. Вѣст.“ пишутъ: съ каждымъ русскимъ пароходомъ прибываютъ изъ Россіи въ Константинополь толпы русскихъ поклонниковъ, отправляющихся въ Іерусалимъ и на Аѳонъ. Это по большей части люди бѣдные, простые, малограмотные и даже совсѣмъ безграмотные, но сильные своею вѣрою, богатые теплотою религіознаго чувства, одушевленные искреннимъ желаніемъ созерцать православную святиню своими очами, освятить себя прикосновеніемъ къ ней, облегчить здѣсь свои тяжелыя скорби и укрѣпиться въ подвигъ своей незавидной будничной жизни. Путешествіе къ св. мѣстамъ по землямъ неизвѣстнымъ, трудно проходимымъ, иновѣрнымъ, представляло особенно великій подвигъ въ былое время, тѣмъ не менѣ паломничество въ Іерусалимъ и на Аѳонъ никогда не прекращалось: русскій человѣкъ не страшится подвижничества; оно сродно его природѣ, воспитано въ немъ условіями его многотрудной исторической жизни; и онъ шелъ къ заветной святинѣ то сухимъ путемъ, то моремъ. Нѣкоторые изъ древне-русскихъ паломниковъ оставили намъ и свои путевыя замѣтки, которыя теперь имѣютъ для насъ большую важность во многихъ отношеніяхъ. Но едва-ли когда-нибудь наше паломничество достигало такихъ широкихъ размѣровъ, какъ въ настоящее время!...

И удобные пути сообщенія, и содѣйствіе со стороны Палестинскаго Общества, безъ сомнѣнія, много содѣйствуютъ этому дѣлу.

Большую услугу оказываютъ также русскому паломничеству аеонскіе монахи. Широко раскинувъ свою дѣятельность, устроивъ во многихъ пунктахъ Россіи подворья и храмы, въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, на Кавказѣ, въ Одессѣ, Ростовѣ, Таганрогѣ и проч.,—аеонскіе иноки не забыли и важнѣйшаго посредствующаго пункта русскаго паломничества—Константинополя. Здѣсь есть русскія аеонскія подворья, въ которыхъ русскій паломникъ находитъ себѣ радужный пріемъ и все необходимое: русскій монахъ встрѣчаетъ поклонниковъ на парадѣ, избавляетъ ихъ отъ мытарствъ единственной въ мірѣ турецкой таможи, доставляетъ на русское подворье, гдѣ даютъ путешественнику удобное помѣщеніе, столъ и чай. Русскій монахъ показываетъ путнику всѣ достопамятности Константинополя, предъявляетъ въ консульствѣ и турецкой полиціи его паспортъ и отправляетъ въ дальнѣйшій путь. И все это дѣлаетъ не ради корысти, но по чувству братской любви во Христѣ. Нужно удивляться тѣмъ огромнымъ трудамъ, тому долготерпѣнію и незлобію, съ какими аеонскіе иноки въ Константинополѣ служатъ русскимъ поклонникамъ, и это служеніе нуждающейся братіи не освобождаетъ ихъ отъ исполненія строгаго устава аеонскаго богослуженія. Молитва и физическій трудъ смѣняются другъ друга, оставляя лишь очень немного времени для необходимаго отдыха. Тѣмъ болѣе тяжелы эти труды въ лѣтнюю пору, когда температура въ тѣни достигаетъ до 40° и болѣе, и когда естественно ослабляется всякая энергія къ дѣятельности. Русскіе монахи въ Константинополѣ—подвижники; благодаря имъ русскіе паломники не испытываютъ тѣхъ громаднхъ неудобствъ, того гнетущаго впечатлѣнія, которыя овладѣваютъ человѣкомъ въ странѣ, чуждой ему и по нравамъ, и по климату, и по вѣроисповѣданію, и по языку. Въ то же время русскіе монахи начинаютъ притягивать къ себѣ предприимчивыхъ людей и облегчатъ возможность русской торговли въ Константинополѣ. Но русскій торговый элементъ въ Константинополѣ еще доселѣ слишкомъ слабъ: одинъ русскій магазинъ, три магазина съ русскими вывѣсками, но принадлежащіе армянамъ и евреямъ, нѣсколько лодочниковъ изъ числа братьевъ славянъ, кое-какъ понимающихъ русскую рѣчь, все это, отчасти напоминающее Россію, пріютилось около тѣхъ-же аеонскихъ подворій. Можно надѣяться, что аеонскихъ монаховъ въ Константинополѣ ожидаетъ еще болѣе широкая и разнообразная дѣятельность.

Таковъ первый русскій уголокъ въ Константинополѣ. Другой уголокъ находится на окраинѣ города, въ прекрасной мѣстности: здѣсь

на собственной русской землѣ устроена прекрасная русская больница, съ просторными и свѣтлыми палатами для больныхъ, съ прекрасною русскою церковью, садомъ, въ которомъ растутъ фруктовые деревья, съ русскими сестрами милосердія, очень внимательными къ своему дѣлу, ласковыми и предупредительными. Больные—главнымъ образомъ болгары, сербы, черногорцы; русскихъ очень мало. Третій уголокъ, наиболѣе крупный—русское посольство и консульство, съ прекрасною дачею на берегахъ Босфора въ Буюкьдере: въ этомъ уголкѣ насъ чрезвычайно порадовала широко распространенная любовь къ археологiи и исторiи, что, какъ извѣстно, встрѣчается въ русскихъ уголкахъ за границею не часто. Мы слишкомъ далеки отъ мысли оцѣнивать положеніе русскаго дѣла въ Константинополѣ съ какой-бы то ни было стороны; такая оцѣнка выходитъ изъ предѣловъ нашей компетенціи и была-бы непозволительною смѣлостію. Можемъ лишь выразить то впечатлѣніе простаго туриста, что въ Константинополѣ есть нѣсколько свѣтлыхъ точекъ, на которыхъ невольно останавливается вниманіе русскаго человѣка и успокоивается чувство, возмущенное воспоминаніями о злосчастной судьбѣ знаменитаго города Константинополя.

Невольно бросается въ глаза также одинъ, уже давно отмѣченный многими, крупный недочетъ здѣсь съ нашей стороны: это полное отсутствіе въ Константинополѣ русской школы. Независимо отъ непосредственнаго сознанія необходимости православной русской школы, мысль эта выступаетъ съ особенною настойчивостію при видѣ многочисленныхъ католическихъ и протестантскихъ школъ, съ американскою коллегіею во главѣ. Въ Константинополѣ слишкомъ мало православныхъ школъ, между тѣмъ дѣтей православныхъ, жаждущихъ образованія, очень много, не только русскихъ, но и грековъ и славянъ. Сѣтованія на недостатокъ такихъ школъ и на трудность ихъ учрежденія, по отсутствію мѣстныхъ средствъ и правительственныхъ субсидій, приходилось слышать намъ и отъ вселенскаго патріарха и отъ многихъ другихъ лицъ. Восполнить этотъ недостатокъ можетъ только Россія. Русская православная школа высоко подниметъ православный элементъ Константинополя, сблизитъ его съ Россіею. Чтобы убѣдиться въ необходимости такого учрежденія, достаточно вспомнить уроки недалекаго прошлаго и настоящаго въ Болгаріи... Организовать школу въ Константинополѣ не трудно. Помѣщеніе для нея можно устроить на русской землѣ возлѣ той-же русской больницы; средства дадутъ русскіе люди, ревнители православнаго просвѣщенія; дѣятели школы,—

непремѣнно русскіе,—найдутся: они давно уже готовы и ждутъ лишь вызова. Что-же удерживаетъ насъ отъ такого, колоссальнаго по своему будущему значенію, дѣла? Неужели апатія? Неужели боязнь за недостатокъ средствъ? Нужно лишь взяться за дѣло съ энергіею и умѣньемъ, и всѣ мнимыя препятствія отпадутъ сами собою. Вопросъ не новый; но онъ настойчиво требуетъ рѣшенія; откладывать его нельзя. („Церк. Вѣстн.“ № 33).

— Въ „Орл. Еп. Вѣд.“ одинъ сельскій священникъ помѣстилъ слѣдующую замѣтку о томъ, какъ приучить сельскихъ прихожанъ къ посѣщенію вечерняго богослуженія въ праздничные дни. „Указъ Орлов. духов. консисторіи отъ 29-го іюня 1887 г. за № 16, послѣдовавшій на основаніи циркулярнаго указа Св. Синода, отъ 28 марта 1886 г. за № 4, о совершеніи торжественныхъ вечеренъ въ воскресные и праздничные дни, полученъ 24 сентября сего года.

Такъ какъ служеніе вечеренъ въ сельской церкви въ праздничный день—дѣло совершенно новое,—то я, для успѣха въ этомъ дѣлѣ, въ слѣдующій-же воскресный день, 27 сентября, сказалъ своимъ прихожанамъ приличное сему случаю поученіе. Въ поученіи своемъ я, прежде всего, изложилъ, какъ много вреда приносятъ намъ нехристіанское препровожденіе праздничныхъ дней. Вотъ вы сами, продолжалъ я, часто жалуетесь, что всякой неправды творится у васъ много, очень много, что большинство живетъ не по закону, а по своему произволу. Что же, спросите, вамъ дѣлать? Научитесь прежде тщательно исполнять законъ Божій и уставы Церкви, тогда не будетъ или меньше будетъ нарушеній и законовъ гражданскихъ. Но кто постоянно нарушаетъ правила и уставы Церкви, тотъ тѣмъ болѣе не затруднится нарушить требованіе закона гражданскаго. Напримѣръ, Церковь призываетъ васъ въ воскресные и праздничные дни къ вечернему богослуженію, а вы, вмѣсто того, чтобы идти въ храмъ, остаетесь дома и проводите время или въ праздности или въ занятіяхъ житейскими работами. Не оказываетесь-ли вы чрезъ то непослушными сынами св. Церкви, матерински заботящейся о спасеніи вашемъ? Не поступайте такъ, но и сами приходите и дѣтей приводите къ вечернему богослуженію. Такимъ образомъ вечеръ воскреснаго и праздничнаго дня вы проведете въ молитвѣ церковной. Послѣ вечерни я буду вести собесѣдованіе съ вами о жизни и дѣяніяхъ тѣхъ святыхъ, иконы которыхъ находятся въ иконостасѣ нашей церкви, а потомъ читать акаѳистъ Спасителю или Божіей Матери при общемъ пѣніи присутствующихъ въ храмѣ. Въ заключеніе я

умолялъ прихожанъ не поставить меня въ невыносимо тяжелое положеніе служить вечерню въ пустомъ храмѣ. И благодареніе Богу, въ тотъ-же день къ вечерни народу собралось столько, сколько я и не ожидалъ, въ особенности много было дѣтей, что меня чрезвычайно обрадовало. Послѣ вечерни и собесѣдованія, я въ облаченіи сталъ, среди церкви въ кругу народа и началъ читать акаѳистъ Спасителю; діаконъ, стоя около меня, предназначалъ пѣніе, а за нимъ пѣли и прихожане; пѣніе сначала было робко и нестройно, а потомъ дѣлалось все лучше и лучше, и первый акаѳистъ въ общемъ пропѣтъ былъ удовлетворительно. Прихожане этимъ личнымъ участіемъ въ богослуженіи приведены были въ восхищеніе, особенно съ увлеченіемъ пѣли дѣти, и хотя на первый разъ не такъ стройно, какъ старшіе, но за то съ видимымъ желаніемъ пѣтъ согласно съ старшими.

Такимъ образомъ съ 27 сентября въ ввѣренной мнѣ приходской церкви совершается непрерывно вечернее богослуженіе въ воскресные и праздничные дни; послѣ вечерни всегда бываетъ собесѣдованіе, а потомъ чтеніе акаѳиста. Храмъ, не смотря на зимнее время и па дурную погоду, всегда бываетъ полонъ молящихся; и дѣти въ зимнее время приходятъ за три версты къ вечерни, и, возвращаясь изъ церкви домой, поютъ дорогой то, что пѣли въ храмѣ. Пѣтъ акаѳистъ теперь прихожане уже привыкли и поютъ вообще стройно. Дѣти всегда стараются стать ближе къ тому мѣсту, гдѣ читается акаѳистъ и въ свою очередь поютъ хорошо. Современемъ постараюсь приучать дѣтей пѣтъ молитвы и символъ вѣры. Что-же именно привлекаетъ прихожанъ въ храмъ на вечернее богослуженіе?—По моему мнѣнію, не собесѣдованія, какія я веду послѣ вечерни; ихъ привлекаетъ къ вечернему богослуженію преимущественно личное участіе въ богослуженіи— всенародное пѣніе „Стоишь, говорятъ, въ храмѣ, и на душѣ такъ радостно, какъ на великъ день“.

— Во Влад. Еп. Вѣд. іеромонахъ Гороховецкаго Николаевскаго монастыря Варлаамъ сообщаетъ о своемъ исцѣленіи отъ продолжительной и мучительной болѣзни заступленіемъ Святителя и Чудотворца Николая, Угодника Божія слѣдующее: „Десять лѣтъ я страдалъ болью ноги отъ ранъ и ломоты. Бываютъ раны и безъ боли; а у меня была сильная боль, такъ что во время Богослуженія все-нощнаго бдѣнія или литургіи, часто не въ состояніи былъ выносить ея и не зналъ что дѣлать. Проживая въ Переславльскомъ Даниловомъ монастырѣ, два раза лежалъ я въ городской больницѣ; но облегченія не получалъ и, по словамъ врача Петровскаго, не

было никакой надежды на излѣченіе моей болѣзни. По переходѣ моемъ на жительство въ Гороховецкій Николаевскій монастырь, боль не прекращалась и даже усиливалась, особенно во время стоянія въ церкви: бывало, не чаешь дожидаться конца службы. Свидѣтелями моей болѣзни въ теченіе десяти лѣтъ были не только братія обоеихъ монастырей, но и многіе граждане Переславля и Гороховца. Сколько врачей и знахарей лѣчили меня, какія только лѣкарства не были употребляемы, — но все безъ успѣха. Былъ я даже въ Москвѣ у доктора Найденова, спеціалиста по наружнымъ болѣзнямъ, но и онъ не могъ найти средства противъ моей болѣзни. Наконецъ, измучившись въ изысканіи лекарствъ и пособій, и многогрѣшный обратился къ великому Угоднику Николаю Чудотворцу съ недостойною моею молитвой: 2 февраля 1887 года я отслужилъ Святителю Николаю молебенъ съ акаѳистомъ, усердно умоляя его о святой помощи, — и далъ обѣтъ купить серебряно-вызолоченную лампадку къ св. иконѣ Угодника Божія. Въ тотъ-же день боль въ ногѣ моей утихла, и до сихъ поръ не чувствую ея; оставшіяся двѣ раны, безъ всякой боли, постепенно стали закрываться, а черезъ полгода ихъ и совсѣмъ не стало.

Влагодарю Господа Бога, явившаго мнѣ такую милость молитвами Угодника Николая, усерднаго заступника и скорого на помощь Врача.

Истину всего сказаннаго мною удостовѣряю своимъ священноиноческимъ словомъ.

— По словамъ „Моск. Вѣд.“, Министерство Государственныхъ Имуществъ въ видахъ улучшенія въ Имперіи земледѣлія проектируетъ цѣлый рядъ мѣръ, между которыми открытіе сельско-хозяйственныхъ школъ занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Такъ, рѣшено въ Воронежской губерніи открыть особою земледѣльческую школу для приготовленія хозяевъ-практиковъ, для устройства которой Министерствомъ разрѣшено отвести 400 десятинъ казенной земли и выдается пособіе на устройство школы въ размѣрѣ 3 тысячъ рублей. Затѣмъ въ Черниговской губерніи признано также возможнымъ устроить сельско-хозяйственную школу съ фермой и отвести для этой цѣли 500 десятинъ казенной земли въ Сосницкомъ уѣздѣ. Школа будетъ перворазрядною согласно нормальному положенію о сельско-хозяйственныхъ школахъ отъ 27 декабря 1883 года. Курсъ ученія въ школѣ будетъ продолжаться 5 лѣтъ. Всѣхъ учениковъ въ школѣ предполагается 200. Всѣ ученики будутъ жить и работать въ училищѣ круглый годъ. Изъ ремеслъ предположено ввести: столярное съ токарнымъ, кузнечное и слесарное. Ежегодный расходъ на содержаніе училища опредѣленъ въ 25,000 рублей.

— Низшія лѣсныя школы въ сентябрѣ текущаго года открываются въ лѣсничествахъ: 1) Лисинскомъ, Петербургской губерніи, 2) Погонно-Лосиномъ Островѣ (Богородское, за Сокольниками), Московской губерніи, 3) 1-мъ Одоевскомъ, Тульской губерніи 4) Лихвинскомъ, Калужской губерніи, 5) Романовскомъ, Тамбовской губерніи, 6) Хрѣновскомъ, Воронежской губерніи, 7) Велико-Анадольскомъ, Екатеринославской губерніи, 8) Черкасскомъ, Кіевской губерніи, 9) Чернолѣсскомъ, Херсонской губерніи и 10) Ахалцыгскомъ, Тифлисской губерніи.

Въ текущемъ году будутъ приниматься лишь 7—8 человекъ въ каждую школу, въ томъ числѣ не болѣе пяти человекъ на полное казенное содержаніе, а остальные, въ случаѣ желанія быть полными пансіонерами, за плату: 150 руб. въ школахъ Лисинской и Погонно-Лосинаго Острова и 130 р. въ прочихъ восьми школахъ.

— 19 августа (нов. ст.), въ Парижской академіи наукъ, г. Пастэръ сообщилъ о важномъ открытіи, сдѣланномъ начальникомъ бактериологической станціи въ Одессѣ г. Гамалѣемъ и обратившемъ на себя общее вниманіе печати. Г. Гамалѣй открылъ способъ обезсиловать холерный ядъ и предохранительною прививкой предупредить возможность заболѣванія холерой. Въ доложенныхъ академіи письмахъ къ Пастэру, г. Гамалѣй подробно излагаетъ свой способъ и предлагаетъ провѣрить на себѣ самомъ. Академія рѣшила, во первыхъ, препроводить сообщеніе г. Гамалѣя въ комиссію, присуждающую премію Бреана, въ 200.000 франковъ. Затѣмъ академія предложила Пастэру извѣстить г. Гамалѣя, чтобы онъ явился въ Парижъ для производства, согласно его предложенію, опытовъ прививки холернаго яда надъ нимъ-же самимъ, въ ноябрѣ. По окончаніи этихъ опытовъ, если они будутъ удачны, г. Гамалѣю будетъ выдана вышеозначенная премія.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

П Р О Д О Л Ж А Е Т С Я П О Д П И С К А

на большую ежедневную политическую литературную и общественную газету
(безъ предварительной цензуры)

VIII годъ „М И Н У Т А“ годъ VIII

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ежедневной газеты „МИНУТА“. Безъ доставки: На годъ 6 р. 50 к.—На 6 мѣс. 3 р. 75 к. Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургъ: На годъ 8 р.—6 мѣс. 4 р. 75 к. Съ пересылкою во всѣ города Россіи: На годъ 9 р.—На 6 мѣс. 5 р. За границу: На годъ 17 р.—На 6 мѣс. 9 р.

Адресъ Главной Конторы: Спб., Невскій проспектъ, у Аничкина моста д. № 68—40.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

■ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.